

АДМИНИСТРАЦИЯ ГУБЕРНАТОРА ПЕРМСКОГО КРАЯ
АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА ПЕРМИ
ВСЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ» (ВООПИиК)
Пермское краевое отделение
Пермское городское отделение
ПЕРМСКИЙ СВЯТО-ТРОИЦКИЙ СТЕФАНОВ МУЖСКОЙ
МОНАСТЫРЬ

Уральская Голгофа

Выпуск 5

Материалы
V международной научно-практической конференции
«Русская цивилизация: эпоха конца и вновь начала»
Город Пермь, 10-11 июня 2010 года

Пермь 2010

УДК 821.0
ББК 63.3 (2)
У-68

***По благословению Высокопреосвященного Мефодия,
митрополита Пермского и Соликамского***

Составитель:

Л. В. Перескоков,
председатель Пермского краевого отделения ВООПИиК;

Редактор:

В. С. Колбас,
председатель Пермского городского отделения ВООПИиК,
член Союза журналистов России

В очередном сборнике «Уральская Голгофа» опубликованы материалы V международной научно-практической конференции «Русская цивилизация: эпоха конца и вновь начала», которая проходила 10-11 июня 2010 года в рамках традиционных Романовских дней в Пермском крае. Издание предназначено для историков, политологов, краеведов, искусствоведов, а также для широких кругов читателей, интересующихся историей нашего Отечества, Урала и Пермского края. Организаторы мероприятий «Романовские дни в Пермском крае» выражают благодарность за помощь и поддержку Администрации губернатора Пермского края, Администрации города Перми, Пермской городской думе, Пермскому епархиальному управлению Русской Православной Церкви Московского Патриархата, Пермскому Свято-Троицкому Стефанову мужскому монастырю, Следственному комитету при прокуратуре Пермского края, Генеральной прокуратуре Российской Федерации, Пермскому муниципальному учреждению культуры «Библиотека духовного возрождения», Пермскому академическому театру оперы и балета имени П. И. Чайковского, издательскому дому «Ника», а также нашему соотечественнику из США В. Г. Краснову, а также и всем тем, кто словом и делом способствовал проведению всех мероприятий.

ISBN-978-5-85881-064-3

© Коллектив авторов, 2010.

© ПКО ВООПИиК, 2010.

© Л. В. Перескоков, составление, 2010.

© К. В. Сушенцов, фотографии, 2010.

**Приветствие участникам мероприятий
«Романовские дни в Пермском крае – 2010»
руководителя Администрации губернатора Пермского края
Ф. З. Алиева**

Уважаемые участники мероприятий
«Романовские дни в Пермском крае – 2010»!

Сердечно поздравляю вас с началом мероприятий «Романовские дни в Пермском крае – 2010», посвящённых памяти боярина Михаила Никитича и великого князя Михаила Александровича, которые будут проходить в городе Перми с 10 по 12 июня 2010 года.

Это уже пятое подобное мероприятие, посвящённое памяти Михаила Александровича и Дому Романовых, которое вызывает искренний отклик исследователей и живой интерес общественности.

Важнейшим событием Романовских дней является V международная научно-практическая конференция на тему: «Русская цивилизация: эпоха конца и вновь начала».

Важно, что Романовские дни предусматривают не только проведение научных исследований, а также проведение широкого спектра мероприятий, направленных на формирование позитивного общественного мнения и роли в этом процессе Пермского края:

- постоянно действующий музейный уголок, посвящённый Михаилу Александровичу в Свято-Троице Стефановом мужском монастыре;
- восстановление часовни Михаила Тверского, небесного покровителя Михаила Александровича, в микрорайоне Чапаевский города Перми;
- воссоздание исторического места заточения Михаила Никитича Романова в посёлке Нырб Чердынского района;
- крестный ход к часовне Михаила Тверского.

Важно, что всё это проводится у нас, в Пермском крае, с которым Романовых связывает трагическая судьба и который до сих пор хранит ещё много тайн о трагической гибели Михаила Александровича.

Убеждён, что в ходе проводимых мероприятий будут выработаны новые ценные инициативы, направленные на поиск исторической правды, свободной от поиска виноватых, и этот исторический подход будет ценен и важен для работы органов государственной власти в сфере государственно-конфессиональных отношений и духовно-нравственного воспитания жителей нашего края.

Желаю участникам мероприятий «Романовские дни в Пермском крае – 2010» плодотворной и успешной работы!

Руководитель Администрации
губернатора Пермского края

Ф. З. Алиев

Приветствие
организаторам и участникам мероприятий
«Романовские дни в Пермском крае – 2010»
Главы города Перми И. Н. Шубина

Уважаемые организаторы и участники мероприятий
«Романовских дни в Пермском крае – 2010»!

С именем Романовых связан один из сложнейших и интереснейших периодов российской истории – время становления и развития новой государственности, усиления политической и экономической мощи страны, культурного выбора. Перед первыми представителями династии стояла задача преодолеть последствия смуты, сдержать внешних врагов и стабилизировать внутреннее положение. Уже при Петре I Россия стала империей, обрела статус державы, с интересами которой считались ведущие европейские и азиатские страны. И сохраняет этот статус, несмотря на все исторические вызовы, по сей день. Заслуга в этом правящей династии, находившейся у власти триста лет, неоспорима.

Тем не менее, и сегодня эпоха правления Романовых нуждается в непредвзятом, объективном изучении. Да, теперь никого не стесняют идеологические штампы, присущие советскому периоду. Но на смену им пришло массовое равнодушие наших современников к собственной истории. Побороть его способна энергия и творческая активность энтузиастов, представителей светской и духовной общественности в сочетании с внятной политикой государства в области образования и воспитания подрастающего поколения.

Глава города Перми

И. Н. Шубин

Путь русской православной цивилизации
Вступительное слово члена Центрального совета
и председателя Пермского краевого отделения ВООПИиК,
руководителя программы «Святой Михаил»
Л. В. Перескокова

Уважаемые коллеги!
Братья и сестры!
Дорогие друзья!
Уважаемые гости!

Наступил торжественный момент открытия пятой (юбилейной) международной научно-практической конференции, проводимой традиционно в рамках мероприятий «Романовские дни в Пермском крае». И многие, вероятно, обратили внимание, что тематика Романовских дней расширилась: эти мероприятия уже посвящены не только великому князю Михаилу Александровичу, как было в прошлом, но и боярину Михаилу Никитичу, родному дяде Михаилу I Романову. Организаторами Романовских дней это подразумевалось изначально. Однако время наступило только сейчас, когда обозначилась перспектива празднования в 2013 году 400-летия восшествия на русский престол династии Романовых.

Тема нынешней конференции звучит так: «Русская цивилизация: эпоха конца и вновь начала», что является некой интерпретацией известной фразы Льва Николаевича Гумилева, замечательного исследователя русской истории. В постсоветской отечественной гуманитарной науке вопросы судьбы русской цивилизации стали едва ли не преобладающими. Организаторам же конференции данная формулировка была подсказана не относящимся к романовской теме событием – автопробегом, который был организован политической партией «Единая Россия» в 2009 году под лозунгом «Путь русской цивилизации». Этот автопробег на автомобилях модели «Патриот» ульяновского завода проходил по маршруту Санкт-Петербург – Владивосток через Пермь. В дни пребывания участников автопробега в нашем городе был организован «круглый стол» с привлечением философов, историков, представителей общественности. К сожалению, времени для серьезного разговора тогда практически не было. В этой связи и родилось предложение обсудить проблемы истории русской цивилизации на очередной Романовской конференции. В привнесении философского акцента прежде всего и состоит новизна от-

крывающейся конференции.

Кроме философского раздела в программе присутствуют также и традиционные для наших конференций составляющие части по истории и культуре. Темы докладов по истории мы посчитали целесообразным ограничить временными рамками XIX – начала XX веков, то есть периодом последних Романовых. А вот в творческих поисках формирования духовности и культурного пространства, по мнению организаторов, важен не столько конкретный период, сколько развитие самого процесса именно на крутых виражах истории.

Настоящим украшением каждой Романовской конференции является обязательная презентация каких-либо крупных изданий, работ, посвящённых династии Романовых. Достаточно вспомнить такие представленные ранее на наших форумах работы, как фильмы Сергея Тупицына «Два Михаила – начало и конец династии» (г. Пермь) и Максима Паранько «Царственные страстотерпцы» (г. Пермь), живописная картина Николая Тюрина «Убийство великого князя Михаила Романова» (г. Пермь), книги Розмари и Дональда Кроуфордов «Михаил и Наталья: Жизнь и любовь последнего русского императора» (г. Лондон, Великобритания) и Наталии Чернышовой-Мельник «Отрекшийся от престола: Жизнь и любовь Михаила Романова» (г. Санкт-Петербург), Этот замечательный ряд в Романовские дни 2010 года будет пополнен презентацией двух книг известных московских исследователей-архивистов: «Великий князь Михаил Александрович» Владимира Хрусталёва (вышла в серии «Царский дом» столичного издательства «Вече» в 2008 году) и «Романовы: Подвиг во имя любви» (составители Владимир Долматов и Людмила Лыкова, издательский дом «Достоинство»). В первый день работы конференции состоится презентация вышеперечисленных книг, а во второй – представление фильма петербургских кинематографистов об императоре Николае II (режиссер Роман Ершов, сценарист Борис Романов). Фильм называется «Император, который знал свою судьбу».

Пятая научно-практическая конференция будет проходить 10 и 11 июня, а 12 июня в храме Пермского Свято-Троицкого Стефанова мужского монастыря в 9 часов по случаю Романовских дней состоится Божественная литургия. После литургии в 11 часов 30 минут из монастырского храма выйдет крестный ход к часовне Михаила Тверского – небесного покровителя Михаила Александровича Романова, а в 12 часов у часовни Михаила Тверского состоится панихида, посвящённая мученической кончине великого князя в Перми, и освящение вновь установленного там большого Царского креста.

В 15 часов Свято-Троицкий Стефанов мужской монастырь приглашает в свою библиотеку на просмотр документальных фильмов, посвя-

щенных Дому Романовых.

Романовские дни в Перми завершатся 12 июня в 18 часов церемонией возложения цветов к мемориальной доске Михаила Александровича Романова на здании бывшей гостиницы «Королёвских номеров» (ул. Сибирская, 5), что стало также традицией в наших мероприятиях, и пешеходной экскурсией по историческому центру города.

Участниками нынешней конференции подготовлено около 40 докладов и сообщений, затронуты интереснейшие темы. Все это нам предстоит прослушать и просмотреть за два дня работы конференции. И возможно, какие-то серьёзные вопросы мы не сможем в полной мере осветить, а лишь только подойдём к их обстоятельному обсуждению. Это не беда. Надеюсь, что мы продолжим разговор в будущем.

Главная же особенность нашей встречи сегодня – это прекрасный момент, когда мы можем устремить взгляд в перспективу до 2013 года. В 2013 году исполняется 400 лет с момента восшествия на царский престол первого представителя рода Романовых – Михаила I Федоровича. В завершении конференции за «круглым столом» мы попытаемся сформулировать некоторые предложения по подготовке и празднованию этого важнейшего для России события. Выказанные предложения будут представлены для рассмотрения правящему архиерею Пермской епархии, администрациям Пермского края всех уровней.

Однако прежде, чем двигаться далее по программе конференции, разрешите вспомнить, что несколько дней назад завершился земной путь старейшего представителя рода Романовых – Леониды Георгиевны, супруги Владимира Кирилловича и, соответственно, матери Марии Владимировны, являющейся ныне главой Российского императорского Дома. Предлагаю почтить память о Леониде Георгиевне минутой молчания.

Раздел первый

**Философские аспекты истории русской
цивилизации**

Л. В. Перескоков

*Искусствовед, член Центрального совета,
председатель Пермского краевого отделения ВООПИиК
(г. Пермь)*

К определению термина «цивилизация»

Термин «цивилизация» произошёл от латинского слова «civilia», что означает гражданский, городской или государственный. Этот термин вошёл в научный обиход сравнительно поздно, лишь в XVIII веке, в связи с разработкой другого необычайно ёмкого и близкого по смыслу понятия «культура». Французские философы-просветители называли цивилизованным то общество, которое основывается на началах разумной справедливости. В XIX веке понятие «цивилизация» употреблялось для характеристики капитализма в целом, хотя такое представление не было господствующим. Так, известный американский этнограф и историк первобытного общества Л. Г. Морган (1818-1881), вычленяя периоды развития человечества на ранних этапах, цивилизацией именуется третий, завершающий период этого процесса. Или другой пример из истории развития русской историко-философской мысли. Известный учёный XIX века Н. Я. Данилевский (1822-1885) сформулировал теорию общей типологии цивилизаций, или культур, имеющих индивидуальный замкнутый (локальный) характер исторического развития. Взглядам Данилевского не противоречат позиции другого, уже английского ученого XX века А. Д. Тойнби (1889-1975), создавшего фундаментальный труд о развитии локальных цивилизаций («A Study of History»). С выходом в свет этой книги, оказавшей большое влияние на развитие социальной философии и общественного сознания во второй половине XX века, можно говорить и о существовании теории цивилизаций. Предшественником Тойнби считается немецкий философ-идеалист О. Шпенглер (1880-1936), автор нашедшей в своё время книги «Закат Европы». Но он значительно ограничивает понятие «цивилизация» опять же до обозначения заключительной стадии развития любой культуры. А характерными признаками всякой завершающей стадии общественного развития, по мнению Шпенглера, являются высокое развитие индустрии и техники, духовная деградация общества, гипертрофированная урбанизация, потеря индивидуальности, всеобщее развитие безликой массовой культуры и т. п. В XX веке вопросами цивилизаций, или культур, также занимались два крупных русских ученых – это П. А. Сорокин (1889-1968) и Л. Н. Гумилёв (1912-1992). Питирим Сорокин рассматривал историческую действительность как иерархию в разной степени интегрированных культурных и социальных систем. Лев Гумилёв на богатейшем материале отечественной истории детально проанализировал циклы развития русской цивилизации.

Итак, в подходах к пониманию и применению термина «цивилизация» учёные демонстрируют по сути две позиции, в сущности, не противоречащие друг другу¹.

1. Цивилизация – это жизнедеятельность крупного общественно-политического образования с характерными особенностями, начиная с момента её зарождения и кончая актом гибели.

2. Цивилизация – это завершающий этап длительного развития общественно-политического образования (культуры).

Если мы вновь обратимся к словарю, то найдём следующие варианты интерпретации понятия «цивилизация»:

- а) синоним термина «культура»;
- б) уровень, ступень общественного развития материальной и духовной культуры (например, античная цивилизация, современная цивилизация и т. д.);
- в) ступень общественного развития, следующая за варварством (Л. Морган, К. Маркс, Ф. Энгельс);
- г) эпоха деградации и упадка в противовес целостности и органичности культуры (О. Шпенглер).

Вероятно, каждый из этих вариантов определения и понимания имеет право на жизнь и свою целесообразность применения. Но в нашем исследовании необходимо сохранить однозначное понимание этого ключевого термина. А прежде чем попытаться сформулировать определение, ещё раз обратимся к его истокам. Напомним, что в переводе он означает «гражданский» или «государственный». Отсюда вытекает обязательное наличие государственности. Поэтому термин «цивилизация» логично применять не к любой культуре, а лишь, действительно, к высокоорганизованным общественно-политическим системам. С другой стороны, по нашему мнению, нет никакого резона ограничиваться только поздним периодом истории какого-либо исторического цикла этой системы.

Термин «цивилизация», что было уже отмечено, часто рассматривается как аналог понятия «культура»². Это слово также латинского происхождения, в переводе означающее «возделывать, воспитывать, образовывать». Уже здесь можно уловить принципиальное отличие этих двух понятий. Если под термином «цивилизация» разумеется какая-то организация, система или этап её развития, то под «культурой» мы понимаем процесс созидания обществом на любой стадии его развития. Термин «культура» – многоаспектный, первоначально означавший целенаправленное воздействие на природу (обработка земли, ремесла), а также воспитание и обучение самого человека. Это слово стало употребляться в европейской науке также со второй половины XVIII века. Однако с появлением термина «цивилизация» понятие «культура» уже отождествляется с формами духовного и политического саморазвития человека и общества, его проявлением в развитии науки, искусства,

морали, религии и государственных форм правления.

Марксистско-ленинская теория рассматривает культуру и фундаментальное понятие «формация» с классовых позиций³. Формация, центральная категория исторического материализма, охватывает общество в его целостности, отражает различные ступени жизни в их органической взаимосвязи. В основе каждой формации, по определению основоположников марксизма, лежит определённый способ производства. Производственные отношения, взятые в их совокупности, образуют сущность данной формации. Системе определённых производственных отношений, образующих экономический базис формации, соответствует политико-юридическая и идеологическая надстройка. В структуру общественно-экономической формации входят не только экономические, но также и все социальные отношения, которые существуют в обществе. Последовательная смена общественно-экономических формаций, согласно марксистской теории, объясняется, прежде всего, антагонистическими противоречиями между новыми производственными силами и устаревшими производственными отношениями.

В нашем исследовании мы принимаем за основу традиционную периодизацию мировой истории, хотя она страдает известным евроцентризмом.

Обозревая весь исторический путь человечества, можно сказать, что существовали два типа цивилизаций: рабовладельческие (древние) и феодальные (средневековые). Усматривая случаи преемственности возникновения поздних цивилизаций от более ранних, А. Тойнби именует их дочерними и выделяет четыре поколения.

Н. Я. Данилевский рассматривает понятия «цивилизация» и «культурно-исторический тип» как синонимы: «Цивилизация есть понятие более обширное, нежели наука, искусство, религия, политическое, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности, ибо цивилизация всё это в себе и включает...» Из этого следует, по Н. Я. Данилевскому, что цивилизация и есть культурно-исторический тип⁴.

Для дальнейшего исследования процессов, связанных с жизнедеятельностью цивилизаций, по нашему мнению, необходимо полнее и определённое раскрыть это ключевое понятие. Итак, цивилизация – это высокоорганизованное сообщество народов, достигших высокого уровня развития, объединённых этнической близостью и культурными традициями, единством духовных ценностей, определённой общей территорией с конкретной инфраструктурой; народов, участвующих в той или иной мере во взаимосвязанной хозяйственно-экономической деятельности. Всё это предполагает существование и эффективное функционирование неких общих религиозных, политических и экономических институтов или соответствующих международных соглашений. В ходе генезиса и развития цивилизации определяются основополагающие позиции ее жизнедеятельности: стратегические

ориентиры и приоритеты, идеология, политическая организация, хозяйственно-экономический уклад, возможные материальные ресурсы и средства. Все эти вопросы решаются не по желанию или симпатиям, а прежде всего из необходимости и потребности.

Здесь отметим принципиальные отличия выделенных терминов: «цивилизация», «культура» и «формация», характеризующих и описывающих некие грани единого процесса общественного развития. Если в теории цивилизаций во главу угла ставится задача объединения сил и средств для решения жизненно важных для общества проблем, достижение эффективной работы политической, экономической, производственно-технологической систем, то формационная теория выделяет и актуализирует деструктивный принцип борьбы, которая неизбежно перерастает в войну гражданскую. Термин «культура» в современном понимании вбирает в себя, прежде всего, духовную сферу общественной деятельности в самом широком аспекте.

Н. Я. Данилевский неоднократно подчёркивал, что необходимым условием возникновения цивилизации является политическая независимость⁵. И это совершенно верно. Без суверенитета невозможно не только достичь уровня развития цивилизации, но даже и теоретически разработать её реальную концепцию. Поэтому любое независимое государство – это, в потенции, будущая цивилизация. Но далеко не каждое независимое государство становится в итоге своего развития родоначальником цивилизации. У каждого государства складывается своя судьба. Чаще происходит так, что то или иное государство тяготеет в своих внешних связях к какому-либо лидеру, более успешно выступающему в роли организатора.

Другим необходимым условием рождения цивилизации основоположники теории указывают достаточно необходимый этнический потенциал. В образовании цивилизации обычно принимает участие несколько этносов⁶. И чем богаче семья народов, строителей цивилизации, тем оригинальней и значительней могут быть результаты её деятельности. Скрытый процесс зарождения обновления этносов Л. Н. Гумилёв характеризует как мутагенез⁷, что, по мнению ученого, совершенно необходимо, ибо творческий потенциал сохранившихся этносов умерших цивилизаций уже исчерпан. В этой связи разнообразные исторические примеры показывают, что цивилизация может состоять из нескольких, примерно равновеликих (сопоставимых) равнозначных государств (например, западноевропейская) или из одного крупного государства и примыкающих к нему нескольких небольших государств (например, русская), а также из единственного крупного государства, в состав которого входит множество народов (китайская).

Итак, цивилизация в какой-то момент времени рождается, в борьбе за выживание крепнет и развивается, достигая зрелости. Затем в её развитии происходит надлом в связи с усиливающимся расколом в обществе.

Цивилизация стареет, действует неэффективно и, наконец, умирает как система. В период генезиса определяются и принимаются, исходя из перспективных задач, некие основные идеи, которые в будущем составят суть цивилизации. Эти координирующие идеи определяют и характер всего последующего развития⁸. Координирующие идеи консолидируют общество и дают мощный инструмент вдохновителям новых отношений. Важнейшей составляющей таких идей цивилизаций феодального типа является принятая религия. Церковь, считает А. Тойнби, есть не что иное, как «куколка» будущей цивилизации⁹. Цивилизацию первого цикла её истории, несмотря на наличие всех необходимых признаков, в полной мере состоявшейся назвать нельзя. (Для русской цивилизации период Киевской Руси). Это время её становления.

А. Тойнби подразделяет общество в целом на правящее меньшинство (политическая элита), которое со временем расширяется количественно и теряет творческий потенциал, и пролетариат (народные массы), который в ходе развития цивилизации завоевывает политические права. Учёный выделяет внутренний и внешний пролетариат¹⁰. Внешний пролетариат – это народы пограничных территорий. По нашему мнению, такое разделение более правомерно для древних цивилизаций. Позднее же весь мир был уже поделён между действующими локальными цивилизациями, и возможность дальнейшего территориального роста была исчерпана. Вероятно, есть смысл все внешние воздействия относить к внешнему миру в широком смысле слова независимо от степени его организации.

С утверждением государственности общественные отношения в соответствии с координирующими идеями регламентируются различными законодательными актами. Всё это в итоге выстраивается в достаточно жёсткую схему, регулируемую социальную жизнь. Этим гарантируется стабильность и эффективность жизнедеятельности общества, но в то же время обуславливает и очерчивает правовое поле деятельности отдельных его членов и институтов. Цивилизация постепенно начинает функционировать независимо от воли и желания отдельных индивидуумов, обеспечивая их благами и в то же время ограничивая их волю. Цивилизованное общество своими коллективными усилиями в условиях эффективно действующей системы может достичь величайших результатов.

«Одной из отличительных черт растущей цивилизации является то, что она представляет собой на этом этапе некое единое социальное целое, политический, культурный элементы объединены внутренней гармонией растущей социальной системы. С другой стороны, когда общество надламывается и начинает распадаться, одним из симптомов этой социальной болезни является разделение культурного, политического и экономического элементов, что порождает болезненный диссонанс. В этот момент ткани социального тела излучают целый спектр лучей, и эти рассеянные лучи распадающейся цивилизации обладают способностью

проникать в ткани других общественных организмов, в большей мере, чем неразложенный свет цивилизации, преобладающий в стадии роста»¹¹.

На заре формирования цивилизации принимаемая схема предусматривает определённый простор для дальнейшего развития. Но проходят века, меняется общество, истощается потенциал развития. Правящее меньшинство, действуя по ранее принятой схеме, оказывается не в состоянии успешно разрешать возникающие проблемы. А. Тойнби называет череду возникающих перед обществом (цивилизацией) проблем «вызовами истории», на которые правящее меньшинство вынуждено давать «ответы»¹². Учёный считает, что правящее меньшинство в глобальном масштабе способно дать только один «ответ» на один «вызов», обеспечивая тем самым потенциальную возможность цивилизации пережить ещё один цикл своей истории. Вся история локальной цивилизации складывается из частных циклов. Циклы, в свою очередь, разделяются кризисами. Кризис – это следствие выпавшего на долю общества «вызова». И в течение кризиса общество пытается выработать адекватный «ответ». Однако не всегда предложенный «ответ» обеспечивает успех.

Анализ истории мировых локальных цивилизаций позволяет усмотреть, что каждая конкретная цивилизация может переживать один, два, три, четыре цикла. Первый цикл – период генезиса и оформления цивилизации – характеризуется высокой степенью заимствований. Это период раскрытия «куколки». Если удаётся пережить кризис, то наступает второй цикл (зрелости) формирования самобытной локальной цивилизации. Если понимать цивилизацию как уровень развития, то лишь на втором цикле можно утверждать, что таковая состоялась. При условии преодоления очередного кризиса цивилизация вступает в период третьего цикла (поздний период), на протяжении которого обычно исчерпываются полностью имевшиеся изначально потенциальные возможности развития. От цикла к циклу раскол в обществе углубляется. В этой связи правящей элите становится всё труднее и труднее давать адекватные «ответы» на «вызов» истории. Несмотря на большую роль личности в истории, тенденции к разрушению в поздний период носят фатальный характер. Правящая элита уже не способна удержать ситуацию под контролем. Появляются силы, которые не только не заинтересованы в сохранении принятого порядка и действующей системы, а напротив, ставят цель её разрушения. Возникает революционная ситуация. Тенденция к разрушению обретает необратимый характер. И разрушительные, центробежные силы в итоге одерживают верх. Происходит революция. Далее наступает четвёртый, по определению Л. Н. Гумилева, инерционный цикл, в течение которого что-то разрушается, а что-то усваивается из великого наследия прошлого.

Следует отметить, что каждый отдельный цикл, естественно, не проходит ровно и спокойно. На протяжении этого длительного периода

(для русской истории около 300 лет) происходят также многочисленные кризисные ситуации, но они достаточно успешно преодолеваются, не угрожая разрушением всей системы. По итогам разрешения кризиса между противоборствующими силами достигается компромисс и происходит корректировка политики правящей верхушки.

Законы социального развития таковы, что каждая новая эпоха начинается с разрешения конфликта, в результате чего цивилизация выходит на качественно новый уровень. Следствием политических событий является соответствующая социокультурная ситуация в государстве. С этой точки зрения можно выделить в каждом цикле повторяющиеся периоды, или культурные эпохи. Так, длительный период мутагенеза, или кризиса предшествующего цикла, обязательно включает в себя сравнительно короткий героический этап, необходимый для устранения хаоса, разрушения старого и установления нового порядка, утверждения новых законов. Однако кризис, возможно, сопровождавшийся гражданской войной, истощает жизненные силы общества. Возникает необходимость их восстановления. Поэтому далее наступает относительно спокойный восстановительный период. Идеал героической личности сменяется общественным идеалом труженика.

«Культурный элемент представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации, – в сравнении с ним экономический и тем более политический планы кажутся искусственными... – считает А. Тойнби. – Как только цивилизация утрачивает внутреннюю силу культурного развития, она немедленно начинает впитывать элементы чужой социальной культуры, с которой она имеет контакты»¹³.

А. Тойнби отмечает, что раскол социального характера обязательно приводит к переоценке духовных ценностей. Следствием этих процессов являются альтернативные формы поведения индивидуумов. Состояние нестабильности порождает в обществе потребность восстановления основ цивилизации.

Период кризиса и последующий новый период стабилизации можно рассматривать как переходный период от одной культурной эпохи к другой. Наблюдается закономерность несовпадения экономического, политического и культурного развития. Так, сравнительно слабый в экономическом и конфликтный в политическом отношении период кризиса и стабилизации бывает весьма плодотворен в культурном плане. И напротив, эпоха государственности, характеризующаяся действительно политической стабильностью, унифицирует культуру. Наконец, третий период эклектики с нарождающимися новыми конфликтами оказывается благоприятен для деятельности третьего сословия, обеспечивающего высокие экономические результаты.

В отличие от Шпенглера, Н. Я. Данилевский не видит трагедии в переходе в стадию цивилизации. «...Цивилизационный процесс развития народов заключается именно в постепенном отрешении от случайности и

ограниченности национального для вступления в область сущности и всеобщности общечеловеческого»¹⁴. Момент наступления состояния цивилизации (при условии преодоления кризисов) А. Тойнби выносит примерно в середину всего исторического пути. Для России с принятия христианства, утверждения государственности и до краха в XX веке он составил приблизительно 1000 лет.

¹ Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1986. – С. 535.

² Там же. – С. 225.

³ Там же. – 333.

⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – С. 129.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Гумилев Л. Н. От Руси до России. – СПб.: Юна, 1992. – С. 19.

⁸ Перескоков Л. В. Эволюция народов Прикамья в контексте генезиса и развития евразийской православной цивилизации // Гуманитарные науки и современность: Сб. науч. тр. – Пермь, 1999. – Т. 1. – С. 142-146.

⁹ Тойнби А. Д. Постижение истории. – М.: «Прогресс», 1991. – С. 517-518.

¹⁰ Там же. – С. 94.

¹¹ Там же. – С. 223-224.

¹² Там же. – С. 106-142.

¹³ Там же. – С. 355-356.

¹⁴ Данилевский Н. Я. Указ. соч. – С. 114.

Н. А. Гоголин

*Кандидат социологических наук, доцент Пермского филиала
Уральской академии государственной службы,
проректор Пермского духовного училища по воспитательной работе
(г. Пермь)*

Православие как духовная основа русской цивилизации

Термин «цивилизация» впервые встречается в трактате Мирабо (графа Оноре Габриеля Рикети) «Друг людей» в 1756 году. Он обозначал некую качественную характеристику общества, уровня его развития. Именно в таком толковании понятие «цивилизация» введено в научный оборот шотландским философом Адамом Фергюсоном, который подразумевал под этим термином стадию в развитии человеческого общества. Им же предложена стадийная периодизация мировой истории: дикость – варварство – цивилизация. Отсюда пошла оценка общества как цивилизованного или нецивилизованного.

Такая трактовка цивилизации не утратила своего значения и

продолжает сохраняться в современном общественном сознании. Отечественный историк Ю. Н. Яковец определяет цивилизацию как «качественный этап в истории общества, характеризующийся определённым уровнем развития самого человека, технологической и экономической базы общества, социально-политических отношений и духовного мира»¹. На мой взгляд, это достаточно упрощённое понимание цивилизации, которое не соответствует многообразию мира и порождает иллюзию линейной модели общественного развития, в соответствии с которой есть правильный путь цивилизационного развития, а есть неправильные. Так, сегодня США пытаются не только представить американское общество и своё государственное устройство как верх совершенства развития человечества, но и навязать американскую модель другим народам, что вызывает неприятие.

Есть другое понимание цивилизации как локального образования, которое является целостной системой, представляющей собой комплекс духовной, культурной, социальной, экономической и политической подсистем, развивающихся по законам витальных циклов.

Существование в человеческой истории таких сообществ было впервые установлено замечательным русским мыслителем Николаем Яковлевичем Данилевским, назвавшим их культурно-историческими типами. Он употреблял также термин «цивилизация», обозначая им духовную и материальную культуру, производимую такими сообществами. Далее эта идея (через два десятилетия) без всяких ссылок на автора была активно развита Максом Вебером, Освальдом Шпенглером и затем особенно Арнольдом Тойнби.

Сегодня полицивилизационная модель человечества принята всеми специалистами и находит отражение в политической доктрине многополярного мира. Отвергают эту модель только идеологи Соединённых Штатов, которые хотят видеть свою державу единственным полюсом влияния на планете и потому рассуждают об «общечеловеческих ценностях», которые они навязывают всему миру, стремясь постричь его под свою гребёнку.

При всём различии цивилизаций общая структура каждой из них одна и та же. Американский социолог Игорь Андрушкевич предложил изображать её в виде трёх концентрических сфер. Внутренняя сфера – «ядро цивилизации» – составляет тип верования, определяющий шкалу предпочтений, критерии различения добра и зла и нравственные максимы. В ядре формируется дух цивилизации, который проникает из него в наружные слои, становится основанием производных от него других наружных сфер, таких как культура, общественные и государственные институты. Ядро охватывается «питательной мякотью», которая есть не что иное, как культура. Наконец, третий слой – «защитная скорлупа» – общественные и государственные институты, защищающие питательную мякоть и ядро от внешних и внутренних врагов – армия, полиция,

таможенная служба, разведка и контрразведка, правоохранительные органы, система наказаний и тому подобное.

Вот таким ядром русской цивилизации является православие как тип верования, как духовное основание. Попробуем разобраться в этом тезисе.

Под духовностью понимается такое состояние души, которое определяется у человека его конечной целью, самым главным, самым заветным в жизни, то есть это своеобразный вектор направленности человеческого духа. Существует множество сфер, где человек проявляет себя, но вектор своего творческого поиска, своего служения должно соизмерять, ориентироваться по абсолютному вектору человеческого духа, обращенного к Богу.

«Яко без мене не можете творити ничесоже» (Ин. 15, 5), – заповедовал Христос своим ученикам. Значит всё, что делает человек, происходит, сообразуясь с волей Божией? Этого же не может быть, так как человек наделён свободой воли, которую даже Господь не пресекает. Видимо, под творением понимается такое делание человека, которое сообразуется с Божественным установлением, своего рода синергия человека и Творца. Ну а всё, что противно этому, то, видимо, творчеством назвать нельзя, так как в человеке пробуждает страсти, которые разрушают его, влекут к гибели. В таком случае, подобное самовыражение по существу своему является не творением, а лишь растлением, разрушением.

Поэтому совершенно очевидно, что в становлении российской государственности, общества, культуры каждый элемент – язык, мораль, нравственность, литература, искусство, архитектура и т. д. – просто пропитан духом православия. Надо сказать, что даже в советский период, когда ядром цивилизационной системы утверждалась марксистско-ленинская идеология, этот дух проявлял себя в жизни общества и государства во всём своём многообразии.

Однако следует сказать, что духовное ядро той или иной цивилизации имеет ограниченный ресурс. Если на ранней стадии существования цивилизации культура порождается типом верования и в точности ему соответствует, то со временем культура начинает стремиться к самостоятельности и тогда даже может войти в противоречие с ним. А в условиях, когда длительный период культивируется другое содержание цивилизационного ядра, происходит перерождение старой цивилизации в иную.

Опасность подобного перерождения русской цивилизации в иную сегодня существует. И не потому, что Православие исчерпало себя для современного общества, оно неисчерпаемо, так же как извечна и всегда современна проблема выбора между добром и злом, а потому, что за длительный период богоборчества, который куда больше чем 70 лет советской власти, сложилась масса предрассудков и стереотипов относительно Православия, в соответствии с которыми общественное

сознание вследствие духовного невежества воспринимает Православие как элемент культуры, как фольклор, как социальный институт, ответственный за нравственное состояние общества, призванный преодолевать пороки этого общества: пьянство, наркоманию, беспутство и пр. А ядро русской цивилизации в постсоветский период остаётся аморфным, разлагающе влияет на культуру, социальную и политическую сферу. Нужна национальная идея, даже конкурс в какое-то время был объявлен. Не родилось в творческих лабораториях такой идеи, объединяющей нацию. Мы взяли по гордыне своей изобретать национальную идею, легко отказавшись от тысячелетнего национального достояния – Православия, с его идеей единства в свободе по закону Любви. Любовь здесь пишется с большой буквы, как тождество с Богом. Всё, что происходит в соработничестве с Богом, по духовным законам, открытым нам в Откровении, обречено на жизнь, на успех; то, что противно им, – обречено на погибель. Святейший патриарх Кирилл, будучи митрополитом и находясь здесь в Перми на богослужении, проходившем в огромном павильоне выставочного центра «Русь Православная – 2007», сказал: «Россия с Богом – это великая держава, Россия без Бога – это очередные руины». Православие как цивилизационное ядро не противоречит иным вероисповеданиям. Доказательством тому – дореволюционная Православная Россия, которая сколько народов приняла в свою державу, столько и сохранила. Посмотрите: все иноверческие храмы нашего города были построены в Православной России.

Сейчас представляется крайне важной для сохранения русской цивилизации необходимость включить в образовательную систему преподавание духовных предметов по выбору родителей. Молодому человеку, входящему в самостоятельную жизнь, важно постичь не только физические законы, но и открыть духовные законы бытия, которые и составляют основу жизни любого человека, семьи, общества, государства и всей русской цивилизации.

¹ Яковец Ю. В. Ритм смены цивилизаций и исторические судьбы России. – М., 1999. – С.18.

С. А. Тупицын

*Старший редактор государственной телерадиокомпании «Пермь»,
заслуженный работник культуры Российской Федерации
(г. Пермь)*

Россия – отречение от...

Личность великого князя Михаила Романова, его человеческие качества, безусловно, не могут не вызывать уважения. И вместе с тем следует признать, что монархия в России была обречена, а более неподходящего кандидата на российский престол, чем брат последнего императора, трудно себе представить. Это понимали великие князья – его дядья, это осознавал и он сам, отложив решение судьбы монархии до созыва Учредительного собрания, а впоследствии обратившись к большевистской власти с просьбой разрешить ему жить в России в ранге простого гражданина под фамилией Брасов.

Именно поэтому он и вёл в Перми созерцательно-бездеятельный образ жизни, не понимая, что тем самым ещё больше вызывает раздражение у строителей новой жизни. Точно так же ждали решения своей судьбы его ближайшие родственники в Екатеринбурге и Алапаевске.

Конечно же, тезис об обречённости монархии способен вызвать возмущение у той части мыслящего населения, которая склонна предаваться ностальгии по прошлому, причём вне зависимости от содержания этого прошлого: одни тоскуют по монархии, другие по социализму, даже в том содержании, которое было присуще ему в России.

Чтобы успокоить таких оппонентов, соглашусь, что идеальным для сегодняшней России был бы строй, аналогичный Англии или Дании, с присутствием декоративной монархии как носителя национальной нравственности. Но история не имеет сослагательных наклонений.

Два десятилетия начала прошлого века были агонией российской монархии, приведшей к её *добровольному* сошествию с исторической сцены. Являясь по природе фаталистом, глубокоую закономерность вижу и в том, что единственный сын Николая II – естественный наследник престола – страдал от неизлечимой болезни крови. Кровь российской монархии была больна. И первыми, кто подтолкнул её к отречению, были отнюдь не большевики.

Неизлечимо больным было всё российское общество. Крестьянство вело затяжную войну с насквозь прогнившим дворянством, продолжавшим упорно цепляться за свои привилегии, новый капитал ещё не накушался до той степени, когда можно думать о самосохранении. Всё больше набирал силу специфически российский класс разночинной интеллигенции, представляющий самый разрушительный социальный

слоя общества, так как составляли его атеисты, ищущие бога на земле. Страшное возмездие, постигшее их в сталинский период, не снимает исторической вины. Впрочем, можно ли в историческом плане говорить о какой-либо вине: ведь ни те, ни другие не ведали, что творят.

Легитимное отречение Романовых привело в растерянность и церковь – традиционный оплот нравственности в России. Представляю, каково было архиепископу Андронику призывать паству присягать Временному правительству, – объяснять необъяснимое.

Цари не единожды ссорились с церковной верхушкой, но, пожалуй, главное преступление большевиков, пришедших им на смену, было надругание над общечеловеческой нравственностью, на смену которой они пытались насадить уродливый гибрид нравственности классово-классовой, что было много хуже отказа от моральных норм вообще, так как давало возможность оправдания поступков, которым не может быть оправдания.

К таким поступкам относится и убийство в Перми великого князя Михаила, организованное идеологом, страдающим от неудовлетворенных амбиций, – Г. И. Мясниковым, а исполненное «беспредельщиками»: человеком дна Н. В. Жужговым, для которого вершиной самоутверждения была возможность подержать за ворот представителя царской семьи, и мелким партийным чиновником А. В. Марковым, представляющим, по сути, более страшную общественную прослойку, чем отморозок Жужгов. Он и убивал аккуратно, и к жизни сумел примазаться удачно, переехав вслед за женой, работницей ЦК партии, в Москву. Он и серебряные часы убитого секретаря князя – Н. Н. Джонсона – сумел сохранить до конца дней. Где-то ведь живут они и сейчас в качестве семейной реликвии.

Убийство Михаила дало сигнал красному террору, жертвами которого стали и архиепископ Андроник, и сменивший его епископ Феофан.

После полугода глумления над пермяками большевики были выбиты внезапным ударом Северной группы войск генерал-лейтенанта А. Н. Пепеляева. Историки до сих пор обсуждают причины «Пермской катастрофы» – под таким именем это событие вошло в советскую историографию. Мне кажется, что при перечислении их упускается одна, может быть, главная – психологическая. Большевики всё-таки ещё не привыкли к безнаказанности массовых убийств, кара за них могла восприниматься как заслуженная. Не этим ли объясняется и бегство из Перми военкома и начальника гарнизона С. А. Окулова, Георгиевского кавалера, человека в общем не трусливого?

Но не прошло и полгода, как колчаковцы тоже и уже навсегда покатались из Перми на восток, потому что им нечего было предложить России.

Сегодняшняя реальность в чём-то напоминает те смутные времена. Отсутствие нравственных ориентиров, всё увеличивающийся разрыв между правящей верхушкой и основной массой населения. Последние реформы избирательной системы только укрепляют это разностояние. Но я не стал бы, подобно многим правозащитникам, впадать в транс по

поводу очередного ущемления демократии. Так честнее, потому что определённое. Вполне возможно, что подобными шагами власть сама загонит себя в тупик, как сделала это когда-то российская монархия.

Лишь бы у народа нашего хватило мудрости не скатиться в омут гражданской смуты. Всю бесперспективность таких противостояний красноречиво характеризует картина одного из последних дней жизни последнего главнокомандующего колчаковских войск С. Н. Войцеховского. Такой её увидел советский публицист Борис Дьяков в марте 1951 года: «За гробом умершего в лагере коммуниста Драбкина идёт белогвардейский генерал Войцеховский, опирающийся на палку и занятый своими мыслями».

Как гласит знаменитая народная присказка, «за что боролись...». Смерть готова примирить всех, но лучше бы это научилась делать жизнь.

О. И. Сыромятников

Кандидат филологических наук, старший преподаватель
Пермского филиала Нижегородской академии МВД
Российской Федерации
(г. Пермь)

Россия в XXI веке – поиск пути

Всякий человек стремится к познанию мира и самого себя в этом мире. Возможность к этому кроется в свободе и в разумности человека и зиждется на потребности в естественном и имманентном человеческой природе стремлении к счастью. Способность человека испытывать счастье – особую радость от ощущения невероятной полноты бытия, от осознания своего неразрывного единства со всем сущим, от сознания того, что ты вдруг стал частью единого мира, в котором всё ценно и необходимо, всё взаимосвязано и целесообразно, – является специфическим атрибутивным свойством человека. Человеку «на земле должно быть счастливым»¹, – сказал Ф. М. Достоевский, указав на то, что счастье не только дар, но и долг человека по отношению к Тому, Кто сделал человека человеком и дал ему жизнь.

Непременным условием для обретения счастья является способность человека сформировать представление об *идеале*, как о чём-то более высоком, совершенном и прекрасном, чем является сам этот человек в настоящее время. В основе этой способности лежит осознание того, что все наличествующие в данный момент достоинства человека есть лишь его непроявленные в полноте недостатки. Осмысление содержания *идеала* даёт возможность человеку определить конкретную цель своей деятельности, путь к которой становится *смыслом* его *жизни*, а наградой за его достижение является *счастье* – максимально возможное

соединение человека с *идеалом*, осознание себя его *частью*. Поэтому чем выше и величественнее представление человека об *идеале*, тем большего *счастья* он может достичь. И наоборот: отсутствие *идеала* лишает человека *счастья*, и потому он вынужден довольствоваться его суррогатами – разного рода удовольствиями, наслаждениями или острыми эмоциональными переживаниями. Однако эта «синтетическая» духовная пища не способна долго поддерживать жизнь в человеке: со временем душа истощается и ослабевает, затем тускнеют и гаснут чувства, а после разрушается и тело.

Весь народ, как и один человек, стремится к счастью. Его соборная душа хранит память о «золотом веке» – времени всеобщего единства людей друг с другом, с природой и с источником этого единства. Эта память стихийно выплескивается в ярких красках фольклора, причудливых образах мифологии и, наконец, становится предметом осмысления национальной философии, которая призвана уловить эти неясные предчувствия народа о самом себе и указать путь к утраченной некогда гармонии. В процессе этих поисков философия вырабатывает представление о *национальной идее* – месте и роли народа в мире. И подобно тому, как на формирование индивидуального *идеала* влияют особенности личности его создателя, так и специфику *национальной идеи* определяют особенности национального характера конкретного народа.

Национальная идея России предстаёт как *русская идея*. Именно она, а не какие-либо политические, экономические, социальные и иные временные обстоятельства стала центром собирания и единения русских земель и последующего формирования великого русского государства. Русская общественная мысль с XI века («Слово о законе и благодати» митрополита Илариона) стремилась осознать *русскую идею*, выразить её в ясных образах и понятиях, что и привело к формированию в XIX веке современной русской философии, главными особенностями которой стали максимальная обращённость к реальным проблемам жизни народа и неразрывное единство с художественной культурой, прежде всего, с литературой, музыкой, изобразительным искусством.

К середине XX века соборными усилиями русской общественной мысли содержание *русской идеи* и особенности русского национального характера были глубоко и всесторонне изучены и раскрыты. Стало ясно, что в основе *русской идеи* и русского национального характера лежат: православная вера, соборность, профетизм, мессианизм и миссианизм, эсхатологизм и апокалипсизм, наложенные на глубокую антиномичность. Отношение к этим особенностям *русской идеи* разделило общественное сознание на славянофилов и западников, либералов и консерваторов, революционеров и монархистов и т. д. Однако какими бы разнообразными не были *внешние* причины их разногласий, в их основе всегда лежал главный вопрос – об отношении к православию.

«Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация,

– говорил Ф. М. Достоевский. – А высшая идея на земле *лишь одна* и именно – идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные «высшие» идеи жизни, которыми может быть жив человек, *лишь из неё одной вытекают*»². Православие решает вопрос о бессмертии человека ясно и однозначно, следуя словам Христа: «Всякий живущий и верующий в Меня не умрёт вовек» (Ин. 11: 26). Достоевский так писал об этом: «Русский народ весь в православии и в идее его. Более в нём и у него ничего нет – да и не надо, потому что православие всё. Православие есть церковь, а церковь – увенчание здания и уже навеки»³. Приняв православие как долгожданное Откровение, русский народ встал на трудный путь превращения своей земли в дом Божий. Народ, посвятивший себя Богу, храним Им, и ему не страшны никакие напасти. «Замышляйте замыслы, но они рушатся; говорите слово, но оно не состоится: ибо с нами Бог!» – говорит Священное Писание (Ис. 8:10). Но история человечества знает, что Бог помогает человеку только тогда, когда тот исполняет Его волю, следует Его заповедям.

Однако часто, когда после бурь наступает благоденствие, человек забывает о помощи Того, без Кого этого благоденствия не было бы никогда. Зато он любит вспоминать собственные труды и, теша себя мыслью, что он смог преодолеть все трудности сам, лишь благодаря своим знаниям и талантам, человек забывает слова Господа «Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нём, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15:5) и начинает жить своим, как ему кажется, умом. На самом деле, отвратившись от Бога, человек сразу попадает под власть того, кто, будучи не в силах причинить вред самому Творцу, стремится разрушить созданный Им мир. Каждый последующий шаг человека от Бога приводит ко всё более тяжким последствиям: страдает и он сам, и окружающие его люди, и даже сама природа, с которой человек связан множеством нитей: «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, – потому что тварь покорилась суеде не добровольно, но по воле покорившего её, – в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доньше; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего» (Рим. 8:19-23).

Весь исторический опыт человечества свидетельствует о том, что как только народ пытался устроить свою жизнь без Бога или приспособить Его на службу себе, тут же его постигали беды и несчастья, и судьба России здесь, к сожалению, не исключение. Грех Каина, ставший среди русских князей чуть ли не естественным, открыл двери на Русь монголам; изуверство Ивана IV обернулось реформами Петра I, превратившими Церковь в придаток государственной машины; предельное оскудение веры в XIX веке при сохранении внешнего благочестия привело к катастрофе 1917 года и установлению анти-Христового ига. Однако

Господь «долготерпелив и многомилостив» (Пс. 144: 8), по молитвам Своей Пречистой Матери, праведников, без которых не стоит земля, и всех святых, в земле Российской просиявших, Он снова даёт России возможность осознать прошлое и вернуться на путь завета: «Иди и впредь не греши» (Ин. 8: 11).

Казалось бы, весь одиннадцативековой опыт России стал подтверждением истинности того, что иного пути к человеческому счастью, кроме пути, начертанного Христом, нет. Однако и в XXI веке силы, враждебные Богу и России, снова пытаются представить её *национальную идею* как выбор между какими-то сиюминутными смыслами: старым и новым, лучшим и худшим, прогрессивным и отсталым, глобализацией и изоляцией и пр. На самом деле у России не было, нет и не будет иного выбора, чем тот, который стоял перед человеком с момента его сотворения – с Богом или без Него. Православие учит, что Бог никогда не посягает на свободу человека, и потому он сам делает выбор и несёт ответственность за его последствия. От принятого решения зависит не только счастье, но и сама жизнь человека.

Делая выбор, человек должен сознавать, что, как это ни парадоксально, его жизнь ему не принадлежит, потому что он её не купил, не заработал, в лотерею не выиграл, и даже не заслужил, а получил даром, ни за что. Человек свободен или с благодарностью принять этот дар и постараться приумножить его, чтобы в любой момент ответить дарителю, как он распорядился этим даром (Мф. 25: 14-30), или так же свободно отвергнуть этот дар и умереть. Это и есть единственный реальный и одновременно самый главный и неизбежный выбор всякого человека и человечества: с Богом, Который «есть путь и истина и жизнь» (Ин. 14: 6) или с врагом Его, который есть «человекоубийца от начала <...>, ибо нет в нём истины. Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8: 44).

Размышляя о *русской идее*, В. С. Соловьев писал: «*Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности*»⁴ (курсив автора. – О. С.). Постигнуть этот замысел возможно лишь любовью к Богу и верой в Него, и потому *идея народа* (равно как и человека) – это то, во что он верит. Природа Бога неизменна, а потому неизменна и сущность веры в Него. Поэтому, хотя человек и может произвольно изменить свой внешний облик и даже окружающий мир, но до тех пор, пока он сохраняет в себе образ Божий, он сохраняет и возможность общения с Богом посредством веры. По этой же причине неизменны и православие, и все остальные черты *русской идеи* – изменяясь внешне, во времени, они всегда сохраняют свою сущность в вечности. Следовательно, и все разглагольствования об утрате *русской идеи* и фатальной невозможности её обрести вновь являются ложью. Эти кликушества порождены ненавистью к Богу, к России и ко всему русскому и выражают лишь мечту о гибели *русской идеи*. Однако, для того, чтобы уничтожить *национальную идею*, в основе которой лежит вера

в Бога, нужно или уничтожить сам народ или полностью извратить его веру.

Многое уже удалось врагу Бога и рода человеческого. Так, тысячу лет назад западная цивилизация соблазнилась идеей всеилия человека, сознательно приняла все диаволовы искушения (Мф. 4: 3-11) и с тех пор с каждым днём всё более и более отдаляется от пути Христова. Отрёкшись от Христа и потеряв источник подлинного единства и счастья человеческого, Запад попытался выработать свою *идею* – способ соединения обособившихся и отделившихся от Бога и друг от друга людей на основе некоей глобальной экономической и социальной необходимости. Однако, лишь потеряв Христа, Европа поняла, чего именно она лишилась. Поняла она также, что никакие искусственные, придуманные самими людьми модели социального устройства не дадут ей того счастья, пути к которому были указаны Самим Богом. К тому же она мучительно помнит о своем предательстве и потому видит в России, сохранившей, несмотря на все тяжкие исторические испытания, веру Христову в её первоначальной чистоте, постоянный упрёк себе. В этой ситуации единственным путем спасения для Запада (известным любому христианину) является покаяние пред Господом и соединение с *единой, святой, соборной, апостольской Церковью*. Но этот путь требует преодоления своей гордыни, на что современный Запад пока явно неспособен. Поэтому он будет, как и прежде, стремиться переделать Россию по своему образу и подобию, чтобы тем самым подчинить её себе навечно, а если это всё же не удастся, то уничтожить вовсе.

История человечества учит, что все попытки народов объединиться исключительно на основе внешней (политической, экономической, экологической и пр.) целесообразности неизбежно оборачивались войнами и ещё более глубоким, чем прежде, разъединением. Об этом же свидетельствует и опыт России, у которой, по слову её великого царя Александра III, никогда не было и не будет иных союзников, кроме её собственной армии и флота. Весь XX век стал горьким подтверждением этих слов, и сегодня положение России таково, что всё, что способствует восстановлению и утверждению Веры православной – главного условия сохранения, развития и приумножения духовных и материальных богатств России, всё составляет *русскую идею*.

Сознание современной России отравлено идеями демократии, либерализма, толерантности и прочими «данайскими дарами» западного мира. Эта отравка разрушает национально-духовный иммунитет русского народа, препятствует его свободному творческому развитию и, проникая в систему управления государством, разлагает его законодательную, исполнительную и судебную власть.

Так, статья 13.2 ныне действующей Конституции гласит, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», а статья 14.1 утверждает, что «Российская Федерация

– светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Между тем, сказать, что у государства не может быть идеологии – то же самое, что отказать какому-либо человеку в его персональном смысле жизни. А заявлять, что в стране, в которой, согласно любым опросам, около 85 процентов граждан считают себя верующими, Церковь отделена от государства – значит попытаться исключить эти 85 процентов из самого государства, способствуя тем самым его дезинтеграции. И уже тем более соглашаться с тем, что в основе всей русской культуры и цивилизации лежит православие и одновременно утверждать равный статус всех религий в современной России – значит впасть в шизофрению.

Конституция 1991 года, по которой живёт современная Россия, написана теми же людьми, которые разрушали храмы и мучили священников только за то, что они служат Богу, а не безбожной власти. И эти же люди и их ученики сегодня упорно пытаются столкнуть Россию с её исторического пути, переписав или запутав до крайности её историю, а заодно исковеркать до неузнаваемости традиционные для русского человека представления о *любви, вере, надежде, добре, истине и красоте*. Обманутым, ослеплённым народом легко управлять, убаюкивая его сказками о благоденствующем Западе и процветающем Востоке. Поэтому следует помнить, что Россия никогда не была и не будет ни Европой, ни Азией, она всегда останется Россией. И если она хочет жить и быть счастливой, то у неё нет другого пути, кроме уже избранного ей в 988 году. Предать этот путь – значит предать свою историю, предать славу наших отцов и дедов, предать кровь русского народа, насквозь пропитавшую русскую землю.

И никакие современные неурядицы или, напротив, прелести мира сего не могут свернуть Россию с её пути. Именно об этом более ста тридцати лет назад писал Достоевский: «Да и не таково назначение и цель её, чтобы зря повернулась она с вековой своей дороги, да и размеры её не те. Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она *всё* решительно <...> и останется в сути своей такую же прежнюю, святою нашей Русью, как и была до сих пор, и, сколь ни изменился бы, пожалуй, облик её, но изменения облика бояться нечего <...>, кто верит в Русь, тому даже стыдно это. Её назначение столь высоко, и её внутреннее предчувствие этого назначения столь ясно (особенно теперь, в нашу эпоху, в теперешнюю минуту главное), что тот, кто верует в это назначение, должен стоять выше всех сомнений и опасений»⁵.

¹ Здесь и далее ссылки на Ф. М. Достоевский даны по изд.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений / В 30-ти тт. – Л.: Наука, 1972-1990. См.: Т. 11. – С. 266.

² Там же. – Т. 24. – С. 48.

³ Там же. – Т. 27. – 64.

⁴ Соловьев В. С. Русская идея // Смысл любви: Избр. произв. – М.: Современник, 1991. – С. 42.

⁵ Достоевский Ф. М. Указ. соч. – Т. 25. – С. 174.

Раздел второй

Россия и Романовы (XIX – начало XX века)

Г. Н. Корнева

*Кандидат технических наук,
заместитель директора издательства «Лики России»
по внешним связям,*

Т. Н. Чебоксарова

*Кандидат технических наук, доцент Санкт-Петербургского
государственного электротехнического института «ЛЭТИ»
г. Санкт-Петербург*

Великий князь Михаил Александрович – августейший покровитель электротехнического института

В начале 1898 года император Николай II назначил своего младшего брата Михаила августейшим покровителем электротехнического института в Петербурге. Михаилу Александровичу в то время не исполнилось и 20 лет, но это назначение не было случайным. Он проявлял интерес к техническим новшествам и, прежде всего, к электротехнике с детских лет.

Великий князь Михаил Александрович родился 22 ноября 1878 года в Аничковом дворце, служившем к тому времени в течение 12 лет петербургской резиденцией наследника цесаревича Александра Александровича. Через два с половиной года, 1 марта, после убийства Александра II на Екатерининском канале, его отец стал императором. Александр III выбрал местом постоянного пребывания семьи Гатчину, расположенную примерно в 50 км от российской столицы. Здесь прошли детские и юношеские годы Михаила и его младшей сестры Ольги. Они были дружны, радовались возможности играть со сверстниками и гулять с отцом в обширном парке, любили животных. С ранних лет Ольга и Михаил с удовольствием путешествовали, часто – на яхте. Корабль становился для них «домом», в котором было всё необходимое. Великая княгиня Ольга Александровна на склоне дней вспоминала: «Нам разрешали брать с собой некоторых своих домашних животных, но только не зайца и не волчонка... яхта походила на Ноев ковчег»¹.

Михаил рос любознательным юношей и живо интересовался новинками техники. Гатчинский дворец электрифицировали первым среди пригородных императорских резиденций. Уже в 1881 году здесь, в кабинете Александра III, появилась электрическая лампа. В дни пребывания семьи государя, а позднее – каждый вечер, на улицах включали электрические фонари. Вскоре было устроено электрическое освещение и в квартире начальника дворцовой охраны генерал-адъютанта Петра

Александровича Черевина. Михаил вместе с взрослыми ходил в квартиру Черевина и позднее, заинтересовавшись электротехникой, неоднократно посещал гатчинскую электрическую станцию.

В начале 1898 года «по высочайшему повелению» императора Николая II Михаил Александрович был назначен августейшим покровителем электротехнического института (ЭТИ). Преподаватели, студенты и совет института с благодарностью восприняли царский указ и провели сбор средств для организации именного фонда великого князя Михаила Александровича. Было собрано полторы тысячи рублей (в том числе 300 рублей пожаловано самим великим князем) и решено использовать проценты с образовавшегося капитала для ежегодного награждения студентов, представивших лучшие научные работы на тему, заданную советом института².

Михаил Александрович впервые приехал в ЭТИ 25 февраля того же года. Это событие было подробно описано на страницах «Почтово-телеграфного журнала» в статье «Посещение Августейшим Покровителем Его Императорским Высочеством Великим Князем Михаилом Александровичем Электротехнического института»³. Для встречи великого князя в институт прибыли министр внутренних дел действительный тайный советник И. Л. Горемыкин, начальник Главного управления почт и телеграфов (ГУПТ) генерал-лейтенант Н. И. Петров, полковник А. А. Мосолов, собрались преподаватели и студенты. Михаил Александрович поговорил с присутствующими в актовом зале, осмотрел лаборатории, в частности, посетил учебные станции, телеграфную и телефонную, измерительный кабинет и практические занятия в физической лаборатории, где преподаватель В. В. Скобельцын «представил его высочеству объяснения всех работ и показал опыт телеграфирования без посредства проволок, по новому способу А. С. Попова. В присутствии его высочества через воздух на ленте аппарата Морзе была отпечатана фамилия: Попов». В электротехнической лаборатории объяснения давал инженер П. Д. Войнаровский.

В заключение визита директор Н. Н. Качалов (1852-1909) преподнёс великому князю в подарок от института изобретённый выпускником ЭТИ В. М. Нагорским электросимфонион, включающий в себя «8 слуховых телефонов» и «8 микрофонов Эриксона». При помощи этого «маленького инструмента, настроенного в гамму»⁴, можно было вызывать в телефоне звуки различной высоты. Кроме того, Михаилу Александровичу подарили альбом фотографий институтского здания и материалы по истории и современному состоянию ЭТИ, переплетённые Константином Грибовским в «царский переплёт». Среди фотографий, помещённых в альбом, были снимки фасада дома на улице Новоисаакиевской, 18, актового зала, зала заседаний совета института, различных лабораторий, а также групповая фотография студентов, недавно возвратившихся из Берлина, где они сфотографировались с Василием Тимирязевым, Карлом

Сименсом и ведущими инженерами принадлежавших ему заводов⁵.

В конце 1897 года старшекурсники ЭТИ были впервые направлены за границу для прохождения производственной практики. Она состоялась благодаря спонсорской поддержке фирмы «Сименс». Глава акционерного общества Карл Сименс распорядился «выделить институту 400 рублей на покрытие расходов по пребыванию господ студентов» в Берлине и помог установить контакт с различными организациями и предприятиями в германской столице. Пятнадцать студентов ознакомились в Берлине с последними достижениями электротехники и телеграфии, осмотрели техническую новинку – «устроенный Сименсом трамвай с аккумуляторной тягой». Поездка оказалась успешной, и впоследствии администрация ЭТИ и великий князь Михаил Александрович выделяли средства для организации заграничных поездок студентов-электротехников.

В 1899 году институту было присвоено имя «его незабвенного основателя» императора Александра III. Тогда же в России проводилась большая подготовительная работа по созданию павильонов на Всемирной выставке в Париже, отразившей «огромный рост русской промышленности». В частности, на этой выставке, как указано в отчете генерального комиссара русского отдела князя В. Н. Тенишева, были представлены «первые русские телеграфные аппараты, доказывающие, что неоднократно первыми великими изобретателями были русские... в электрическом же деле... те же примеры [можно видеть. – Авт.] в изобретении господ Яблочкова и Лодыгина»⁶. В Российском государственном историческом архиве хранится дело под названием «О разрешении инженеру Романову устроить подвесной электрический трамвай на поляне против Императорского Гатчинского дворца для демонстрации перед Его Императорским Высочеством Наследником Великим князем Михаилом Александровичем». Читая документы этого дела, мы узнаем, что этот «подвесной трамвай», устроенный на дистанции в 50 сажений, показывали «покровителю российской электротехники» для решения вопроса об отправке его на Парижскую выставку»⁷.

На Всемирной выставке в Париже ЭТИ был представлен работами своих выпускников в отделе электричества, телеграфии и телефонии. В. М. Нагорский за индукционный телеграфный аппарат и электросимфонион был награжден бронзовой медалью. В отделе «Образование» первый электротехнический вуз России продемонстрировал учебные программы, работы студентов по различным предметам и выпускные проекты на получение звания инженера-электрика. Здесь же были представлены фотографии здания на Новоисаакиевской, 18 и проект нового учебного корпуса, выполненный преподавателем черчения академиком архитектуры А. Н. Векшинским. В течение двух месяцев на парижской выставке побывали студенты ЭТИ, пять групп по 10 человек. Им по решению совета института оказали существенную материальную поддержку. Тысяча рублей были пожалованы «государем наследником

великим князем Михаилом Александровичем из его собственных средств на предмет раздачи пособия недостаточным студентам ЭТИ императора Александра III, которым будет разрешено посещение Всемирной выставки в Париже»⁸.

Михаил Александрович выделял деньги и на приобретение оборудования, необходимого институту. «По указанию государя наследника Михаила Александровича» в дар ЭТИ были переданы три динамомашинны из электромашиного здания Аничкова дворца⁹. Их стоимость в то время была довольно высокой – за новую мощную динамомашину платили около 800 рублей, поэтому можно считать, что помощь Михаила Александровича в оснащении ЭТИ необходимыми приборами и устройствами была существенной. Кроме того, Михаил Александрович помог собрать средства для нужд студентов. Адьютант великого князя в марте 1899 года обратился от имени Михаила Александровича в Дирекцию императорских театров с просьбой разрешить некоторым артистам принять участие в благотворительном концерте «в пользу недостаточных студентов электротехнического института»¹⁰. Такое разрешение было дано, причем концерт состоялся в прекрасном помещении – в зале собрания армии и флота на Литейном проспекте.

Таким образом, покровительство Михаила Александровича выражалось в конкретных делах, направленных на повышение заинтересованности студентов ЭТИ в приобретении новых знаний по избранной специальности и на улучшение их материального положения.

В первом десятилетии XX века электротехника становилась всё более востребованной отраслью науки и техники, с каждым годом увеличивалось число желающих получить образование в ЭТИ, и здание на Новоисаакиевской улице стало тесным. В 1899 году Министерство внутренних дел, в ведении которого находился институт, решило выделить средства на строительство нового учебного корпуса. Благоприятное для ЭТИ решение было принято и по другой причине – благодаря покровительству Михаила Александровича и авторитету директора Николая Николаевича Качалова.

На создание городка ЭТИ на Аптекарском острове была затрачена колоссальная сумма – 1,6 миллиона рублей. В связи с переездом института в новое учебное здание, состоявшимся в сентябре 1903 года, великий князь Михаил Александрович выразил намерение подарить ЭТИ портрет своего отца. В документах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.) отражена переписка директора института Н. Н. Качалова с лицами из ближайшего окружения Михаила Александровича – генерал-майором Д. Я. Дашковым и адъютантом великого князя Н. А. Врангелем. В их письмах говорится о «предоставлении в дар институту портрета императора Александра III работы художника Корзухина, приобретённого государыней

императрицей Марией Фёдоровной». Художник Алексей Иванович Корзухин (1835-1894) – участник «протеста четырнадцати», передвижник. Более известный как мастер жанровых сцен, он писал и портреты членов императорской семьи.

Портрет Александра III стоимостью 600 рублей, полученный 15 сентября 1903 года электротехническим институтом, висел в одном из помещений вуза до Октябрьской революции. В связи с тем, что с 1918 года ЭТИ стал носить имя В. И. Ленина, «императорские» изображения оказались ненужными. Портрет Александра III в овальной раме кисти А. И. Корзухина был передан в Государственный музейный фонд, а оттуда поступил в Гатчинский дворец. В 1930-х годах он находился в Арсенальном каре¹¹. На фотографии М. А. Величко с изображением интерьера приёмной этот портрет стоит на мольберте. В связи с началом Великой Отечественной войны он был эвакуирован, а после Победы попал в Центральное хранилище в Царском Селе (г. Пушкин), откуда был передан в Павловский дворец. В 1950-х годах «непрофильные» вещи из музеев Москвы и Петербурга направлялись в удалённые от центра районы, и подаренный ЭТИ портрет «незабвенного основателя» института совершил долгий путь во Владивосток. Сейчас он входит в музейное собрание Приморской художественной галереи.

Великому князю, по достижении им совершеннолетия, был выделен миллион рублей на обзаведение собственным дворцом, и Михаил Александрович купил особняк на Английской набережной, 54. По проекту архитектора и художника Романа Фёдоровича (Роберта Фридриха) Мельцера (1860-1929) в этом доме для него были устроены «собственные комнаты». Но до 1909 года Михаил Александрович своего хозяйства не вёл. Он жил с матерью, вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной, в Аничковом дворце либо в Гатчине, причем предпочитал гатчинский дворец, где у него были «собственные комнаты» в антресолях Арсенального каре. Он служил в лейб-гвардии, в Кирасирском полку. Один из современников великого князя, выпускник Пажеского корпуса генерал-майор В. И. Велио дал ему такую характеристику: «Михаил Александрович, несомненно, может быть причислен к разряду людей, которые называются обворожительными. Поразительно эффектная внешность в смысле роста и сложения, очень красивые черты лица с удивительно приветливым, мягким выражением. В манере держать себя, в обращении со всеми поражала скромность, может быть, даже некоторая застенчивость. Физически он был прекрасно развит: громадной силы и ловкости, большой любитель конного спорта, неоднократно участвовал в офицерских скачках и брал призы».

В 1909-1912 годах в судьбе полковника кирасирского её императорского величества императрицы Марии Фёдоровны полка великого князя Михаила Александровича произошли крутые перемены. Он увлёкся женой своего сослуживца Наталией Сергеевной Вульфферт,

урождённой Шереметьевской, по первому браку Мамонтовой, и в 1910 году у него родился незаконный сын. Михаил обратился к старшему брату с просьбой дать ребёнку имя Георгий Михайлович и при этом обещал Николаю II, что не вступит в брак с Наталией Сергеевной. Однако слова своего Михаил сдержать не смог, и в октябре 1912 года за границей тайно обвенчался с избранницей, не получив разрешения императора. Михаилу Александровичу запретили возвращаться в Россию, а над его имуществом была утверждена опека. Борис Павлович Качалов, служивший в лейб-гвардии уланском его величества полку, в 1912 году получил назначение на должность делопроизводителя, а затем стал управляющим делами великого князя Михаила Александровича «с оставлением в списках полка». Б. П. Качалов был сыном старшего брата бывшего директора электротехнического института Н. Н. Качалова. В одном из документов, направленном в Министерство высочайшего двора, Борис Павлович спрашивал, остался ли Михаил Александрович покровителем ЭТИ, и получил на свой запрос утвердительный ответ. Сохранились фрагменты переписки Б. П. Качалова с великим князем. Несколько писем касаются конфликта, который возник между корреспондентами в связи с тем, что Борис Павлович якобы неуважительно отнёсся к посланцу Михаила Александровича, его секретарю Н. Н. Джонсону.

Письмо Михаила Александровича от 20 мая 1913 года:

«Chexbres.

Борис Павлович,

На днях я получил извещение от Н. Н. Джонсона в том, как он был принят Вами в управлении, явясь туда в качестве моего посланника. Вместо того, чтобы любезно принять и расспросить его, Вы были просто невежливы, – не познакомились и не поздоровались с ним, даже не глядя на него, взяли со стола письмо и быстро скрылись в другую комнату. ...Я не оставляю без внимания тот факт, что люди, служащие у меня и получающие мои деньги, относились бы враждебно ко всему, что исходит от меня, и принимали бы моего посланника, как врага... К сожалению, это, вероятно, будет продолжаться до тех пор, пока в моём управлении будет служить нежелательный мне элемент, соблюдающий не мои, а выгодные ему интересы. Очень сожалею, что мне приходится делать Вам замечание.

Михаил».

Ответ Бориса Павловича от 24 мая 1913 года на бланке «Управляющий Делами Его императорского Высочества Великого князя Михаила Александровича»:

«Ваше Императорское Высочество,

Вы изволили кончить Ваше письмо словами, что очень сожалеете, что принуждены мне делать замечание, это письмо, Ваше Высочество, не замечание, а незаслуженное оскорбление.

Действительно правда, что Джонсону я не подал руки, но дело

обстояло так: какой-то штатский бритый Господин спрашивает меня: Вы господин Качалов, на мой утвердительный ответ, не представляясь, подает письмо и говорит: «От Его Высочества». Я взял письмо, поблагодарил, принимая всё время его за лакея или шофёра, уйдя в соседнюю комнату и прочтя, что письмо мне передано господином Джонсоном, я вышел сейчас же к нему и к моему удивлению в приёмной его не застал. В чём Джонсон увидел оскорбление, я не знаю, но подавать неизвестным лицам руку я не считаю себя обязанным. Что касается фразы Вашего Высочества о деньгах, то если бы Вы, Ваше Высочество, знали, как я мало получаю из сумм Управления, то, вероятно, об них бы не упомянули.

Я, Ваше Высочество, имею личные средства, служил в лейб-гвардии Уланском Его Величества полку, уходить из полка не собирался, меня спросили, желал бы я служить в Управлении Вашего Императорского Высочества. Мой дед и отец стояли близко к Августейшей семье Вашего Императорского Высочества, и я считал за честь служить Вашему Высочеству, и только это заставило меня оставить полк, который я любил и где я пользовался и пользуюсь уважением. Фраза Вашего Высочества, что я принадлежу к людям, блюдущим свои интересы, а не интересы Вашего Высочества, настолько оскорбительна, что если Вы, Ваше Высочество, сказали её не под влиянием ложного показания и минутного раздражения, а действительно таким меня считаете, то я не считаю возможным оставаться на службе Вашего Высочества. Ожидаю ответа Вашего Высочества и дальнейших указаний.

*Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга
Б. Качалов».*

Письмо Михаила Александровича от 3 июня 1913:

«Chexbres.

Борис Павлович, я думал, что Ваше ответное письмо будет носить характер извинения в не деликатности, допущенной Вами, хотя бы невольно, по отношению к Н. Н. Джонсону, но я в этом, к сожалению, ошибся. О приезде Н. Н. Джонсона Вам было доложено, и если бы Вы его и не знали, то во всяком случае к лицу, присланному мною к Вам с письмом, Вы обязаны были отнестись с должным вниманием и вежливостью. Не знаю, кто упросил Вас оставить полк и поступить ко мне на службу, но помню, что А. А. Измайльский неоднократно просил меня о Вашем назначении, представляя его для Вас крайне необходимым...

Что же касается дальнейшей Вашей службы у меня, то в виду того, что активным руководителем дел моего управления осталось нежелательное мне лицо, то для меня в настоящее время совершенно безразличен состав служащих моего управления.

Михаил».

Приведённый фрагмент переписки¹² демонстрирует, что Михаил Александрович с большим уважением относился к своему секретарю

Н. Н. Джонсону и был глубоко оскорблён действиями тех, кто, выполняя волю его старшего брата императора Николая II, занимался решением вопросов по опеке над его имуществом.

Когда началась война с Германией, опальный великий князь получил разрешение принять участие в защите Отечества. Он был снова зачислен в свиту и стал командующим Кавказской туземной конной дивизией.

Интересно, что даже в тот период Михаил Александрович находил время заниматься проблемами, касающимися студентов ЭТИ. В журнале «Огонек» в 1915 году под названием «Русский изобретатель» была помещена заметка о студенте ЭТИ А. Михайлове-Фреденберге, который «сделал несколько важных изобретений в области автомобильного и военного дела». Далее корреспондент писал: *«Его регистрирующий аппарат уже принят морским министерством. В мае с. г. Михайлов имел счастье поднести своему Августейшему Покровителю Его И. В. Великому князю Михаилу Александровичу модели своих изобретений, которые были продемонстрированы перед министром Императорского Двора, морским министром, начальником инженерного ведомства генералом Вернандером и военным и морским инженерными советами. В настоящее время А. Михайлов заканчивает модель пулемёта».*

Описанный факт свидетельствует о внимании Михаила Александровича к молодому изобретателю, а перечень упомянутых лиц показывает, сколь высок был в военное время авторитет великого князя в правительственных кругах.

Отречение Николая II от престола за себя и сына Алексея поставило трудный вопрос перед его братом. Михаилу Александровичу пришлось принимать решение по вопросу передачи ему трона. На квартире княгини Ольги Павловны Путятиной (ул. Миллионная, 12) в мартовские дни 1917 года он подписал документ, на основании которого судьба России вверялась Учредительному собранию. Этот дом – важный адрес не только в жизни члена Дома Романовых, но и в истории всей России. Мы надеемся, что на нём в ближайшие годы появится мемориальная доска.

В июне 2011 года ЭТИ, который стал называться *Санкт-Петербургским государственным электротехническим университетом «ЛЭТИ» имени В. И. Ленина*, будет праздновать 125-летие со дня основания. В годы перестройки сделаны доклады, опубликованы статьи в альманахе «Метроном Аптекарского острова» о покровителе великом князе Михаиле Александровиче, вывешены посвященные ему стенды. Имя его, безвинно убитого в Перми 13 июня 1918 года, впервые после долгого советского периода забвения появится в изданиях, готовящихся к празднованию юбилея.

¹ Мемуары великой княгини Ольги Александровны / Запись Я. Ворреса. – М., 2003

² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Ф. 990. Оп. 1. Д. 461.

³ Почтово-телеграфный журнал (далее – ПТЖ), 1898, стр. I-IV

⁴ Электросимфонии Нагорского // ПТЖ, 1898, стр. 1089-1092

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 990. Оп. 1. Д. 410. Л. 53об.; Хойслер Й., Чебоксарова Т. Н. «Знамя института держим высоко!» (о первой экскурсии студентов ЭТИ в Берлин в конце 1897 – начале 1898 г.) // Метроном Аптекарского острова. – 2005. – № 3. – С. 69-77; № 4. – С. 46-57.

⁶ Мезенин В. К. Парад всемирных выставок. – М., 1990. – С. 96.

⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 472. Оп. 43. Д. 97

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 990. Оп. 1. Д. 538; Северинова В. П. Электротехнический институт на Всемирной парижской выставке // Метроном Аптекарского острова. – 2007. – № 3. – С. 57-67.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 990. Оп. 1. Д. 540. Л. 22.

¹⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Д. 85.

¹¹ Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н. Император Александр III и его сын Михаил – «покровители российской электротехники» // Последние Романовы и императорские резиденции в конце XIX – начале XX века. – СПб., 2009. – С. 104-110.

¹² РГИА. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 554. Отрывки из писем печатаются без изменения орфографии и пунктуации.

И. А. Хухка

*Научный сотрудник, хранитель фонда редкой книги
государственного музея-заповедника «Гатчина»
(г. Гатчина)*

Библиотека великого князя Михаила Александровича в Гатчинском дворце: утраченные и сохраненные издания

«...Отраженье исчезнувших лет...»

Личные библиотеки и книги являются не только отражением времени, исторической эпохи и культуры в целом, они дают богатый материал для характеристики своего владельца, выявляя его интересы, вкусы, предпочтения. Судьба великого князя Михаила Александровича тесным образом была связана с Гатчиной и Гатчинским дворцом, где прошла большая часть его детских и юношеских лет. Именно здесь в конце XIX – начале XX веков формируется одно из интереснейших книжных собраний Гатчинского дворца – библиотека великого князя Михаила Александровича. К сожалению, во время Великой Отечественной войны большая часть коллекции была утрачена, сохранились лишь отдельные издания из библиотеки великого князя, которые сегодня занимают достойное место в фонде редкой книги Гатчинского дворца-музея. Сохранившиеся издания, описи комнат дворца 1938 года, а также

мемуарная литература становятся важными источниками информации для изучения его библиотеки.

Из воспоминаний личного адъютанта великого князя Михаила Александровича, графа Анатолия Александровича Мордвинова¹ узнаём: «...К чтению, в противоположность своему старшему брату и обеим сестрам, его, к сожалению, сначала совсем не влекло, да и день его был распределён настолько полно, что для книги почти не оставалось времени. Но необходимость чтения он сознавал сильно, и это мне высказывал неоднократно, сетуя в особенности, что ему почти не удалось ознакомиться с современной литературой, как русской, так и иностранной. Он отлично знал разговорный английский и французский языки и почти совсем не знал немецкого. Впоследствии, главным образом во время болезни, он старался восполнить этот пробел, и я нередко заставлял его за книгой, а иногда по его просьбе и читал ему, в особенности Тургенева, который ему очень нравился...».

Приведенные в сборнике «Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1881-1917» выдержки из памятных книжек великого князя Михаила Александровича не так пестрят записями о чтении книг, как, например, дневники его старшего брата Николая. У Николая Александровича, например, в дневнике за 1882 год редкий день, когда отсутствует запись о чтении. Часто упоминания о чтении встречаются в течение одного дня несколько раз – утром до занятий, а затем после обеда или перед сном. В памятных же книжках Михаила Александровича за 1892-1895 годы и в дневнике за 1896-1899 годы больше записей о прогулках, пеших и верховых, играх, рыбной ловле, охоте, катаниях на лодке, велосипеде, игре на флейте.

Часто встречаются записи о репетициях английских, французских пьес, об «игре в театр и в *marionettes*». Лишь в отдельные дни можно встретить записи о чтении: «...гуляли, после чего я читал с *Siocha*...», «...Лег рано. *Mr. Heath* читал мне», «*Old Man* читал мне», «...после обеда я читал с *Siocha*, сидя на окне...», «пошли ко всенощной, потом я читал, потом играл в бильярд с *Siocha*...».

Но, даже если сначала Михаил Александрович и не очень много времени уделял чтению, его библиотека в Гатчинском дворце была разнообразна по содержанию и значительна по количеству хранившихся в ней изданий, о чем говорит анализ довоенных описей.² Помимо детской и учебной литературы, необходимой для занятий, здесь были и серьезные издания по различным темам. Нашли отражение в библиотеке интересы и увлечения младшего сына Александра III.

Остановимся более подробно на тех комнатах Михаила Александровича, где находились книги, согласно записям довоенных описей.

Ванная комната великого князя Михаила Александровича

В Ванной комнате великого князя Михаила Александровича было шесть книг, которые представляли собой издания для детей. Пять книг – издания миниатюрного формата – из серии «Библиотека-крошка». Серия, издававшаяся в конце XIX века в России в издательстве П. П. Сойкина, включала в себя произведения для детей популярных авторов. Назову эти пять книг:

- Толстой Л. Чем люди живы. – М., 1887;
- Из детской жизни: Рассказы разных авторов. – М., 1882;
- Киселева М. Шальная пуля. – М., 1887;
- Доде А. Из писем с мельницы. – М., 1880;
- Путешествие С. Бэкера к истокам Нила. – М., 1887.

Поскольку эти книги составляли серию, они были оформлены однотипно, отличаясь друг от друга лишь цветом коленкорového переплёта – синий, розовый, зелёный, сиреневый, красный. Кстати, разнообразие цвета коленкора или кожи будет встречаться во всех комнатах великого князя. Ещё одна книга из этой комнаты – сказка «Волк и семеро козлят» (СПб., 1878) – в коричневом кожаном переплёте.

Больше всего книг было в Кабинете и в Проходной.

Кабинет великого князя Михаила Александровича

В Кабинете книги стояли (это можно увидеть на довоенных фотографиях, также есть записи предметов мебели в инвентарной книге 1938 года) в двух книжных шкафах, на этажерках, лежали в витринах к книжным шкафам. Книжные шкафы и витрины красного дерева, русской работы конца XIX века, стиля «Жакоб».

Книги в Кабинете можно тематически выделить в следующие крупные разделы:

- книги по военному делу;
- художественная литература на русском, французском, английском и немецком языках;
- книги по истории, праву, общественным наукам;
- другие издания: периодика, словари, учебники, книги для детей.

Преобладают книги по военному делу и художественная литература на русском и французском языках.

Военная литература, в основном на русском языке, включала в себя всевозможные уставы, наставления, наказания, инструкции, воинские артикулы, книги по истории войн. Среди них были издания, оформленные очень просто, в обложках, без каких-либо украшений, строго, в чёрных или коричневых полукожаных или кожаных переплётах. Также были книги яркие, нарядные, в коленкорových или в кожаных переплётах разных цветов (голубой, фиолетовый, зелёный, жёлтый, красный, малиновый),

с золотым или блинтовым тиснением. Так, например, книга «Памятка гвардейского экипажа. 1710-1910» (СПб., 1910) в тёмно-малиновой коже с тиснёным крестом и штандартом, с форзацами из белого муара, в футляре из бумаги.

Особо хотелось бы выделить в библиотеке великого князя книги по истории полков – справочные книжки Императорской Главной квартиры по истории полков и других воинских частей различных родов войск. Выход этих книг в начале 1900-х годов стал знаменательным событием для исследователей русской военной старины. Обширный и ценный материал по истории русской армии в форме удобных справочников представлял длинную летопись её боевой славы и всю мощь русской военной силы. Уникальные издания занимали особый разряд в отечественной справочной литературе и содержали краткие исторические и хронологические сведения о воинских частях, ведущих своё начало от старых полков, их боевых отличиях, регалиях и наградах, полученных на полях многочисленных сражений. В. В. Жерве в статье «Справочные книжки Императорской Главной квартиры как материал для истории войсковых частей», говоря о пользе и несомненных достоинствах этих малотиражных пособий при проведении военно-исторических исследований и составлении биографий военных чинов, справедливо заметил: «Они являются единственными в своем роде, подобных им изданий у нас нет».

В Кабинете Михаила Александровича находились следующие справочные книжки – «Драгунские полки», «Стрелковые части», «Гренадерские и пехотные полки», «Кавалерия». Все они в кожаных переплётках тёмно-малинового или жёлтого цвета.

Значительную долю книг в Кабинете составляла также художественная литература на русском и французском языках. В библиотеке была большая подборка произведений русской литературы XVIII-XIX веков. Среди авторов – И. П. Мятлев, И. И. Лажечников, М. Н. Загоскин, В. А. Жуковский, В. А. Соллогуб, И. А. Крылов, В. Г. Короленко, А. С. Хомяков, А. Ф. Писемский, И. А. Гончаров, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, А. К. Толстой, А. Н. Островский.

Книги представляли собой не только избранные произведения и однотомные издания, но и собрания сочинений и многотомные издания. Так, в библиотеке имелись сочинения Н. В. Гоголя в 5-ти томах, А. Ф. Писемского – в 16-ти, А. С. Пушкина – в 7-ми, И. А. Гончарова – в 9-ти, А. Н. Островского – в 10-ти, Л. Н. Толстого – в 13-ти. Многие издания или в полукожаных переплётках, с мраморной бумагой на переплётных крышках, с монограммой «М. А.» под короной на корешке, или в коленкорových переплётках разных цветов с тиснёными рисунками и с экслибрисом великого князя.

Много книг в Кабинете было на французском языке: история,

путешествия, география, художественная литература, представленная произведениями В. Гюго, А. Доде, А. Дюма, Ж. Верна, А. Лори. На некоторых изданиях были дарственные надписи. Так, например, на первой странице романа А. К. Толстого «Князь Серебряный», изданной в Париже на французском языке, надпись: «Его Императорскому Высочеству Великому князю Михаилу Александровичу с чувством глубочайшего благоговения от переводчика. Л. Гольтман. 2 мая 1896 г.». А иллюстрированные издания на французском языке «Золотой жук» Э. По и «Сверчок за очагом» Ч. Диккенса были подарены великому князю его воспитателем Siocha на рождество 25 декабря 1893 года, о чём свидетельствуют надписи на книгах.

Среди книг на английском языке, прежде всего, хотелось бы выделить 10-томное издание сочинений У. Шекспира, вышедшее в Лондоне в 1904-1907 годах, в переплете малиновой материи с золочёным гербом. В библиотеке также были романы Ч. Диккенса, С. Смайла, К. Дойла, поэтические работы Томаса Худа, подаренные Михаилу его воспитателем Old man. Ещё одно издание, подаренное великому князю, – иллюстрированный журнал для мальчиков «The boys own annual». На всех выпусках журнала за 1888-1901 годы, имеющихся у Михаила, есть следующая дарственная надпись: «For darling little Misha from aunt Alix»³.

На немецком языке было совсем немного книг – пара учебников, несколько книг по военной тематике, издание стихотворений Г. Гейне и очень красивое издание сочинений Ф. Шиллера с иллюстрациями немецких художников. Одна детская книга с иллюстрациями была на шведском языке, а на итальянском – «Поэзия» Дж. Леопарда.

Передняя и Проходная великого князя Михаила Александровича

В этих двух комнатах было большое разнообразие видов изданий – помимо текстовых изданий (непосредственно самих книг), были нотные издания, изоиздания (художественные альбомы, атласы), картографические издания (различные карты) и литографированные книги и оттиски.

Михаил, увлекаясь музыкой и умея играть на нескольких музыкальных инструментах, собрал большое количество разных изданий, связанных с этим видом искусства, – учебники по музыке, либретто опер, нотные издания. В его библиотеке были либретто опер и ноты русских и иностранных композиторов, издания нот как одного какого-нибудь произведения, так и нескольких, сборники нот разных композиторов или ноты произведений одного автора, ноты для различных инструментов – фортепиано, скрипки, фисгармонии, флейты. Все издания нот – в полукожаном или в коленкоровом переплёте с золочёной монограммой «М. А.» под короной. Были даже рукописные ноты «Времена года» с акварельными рисунками, 22 страницы, в белом переплёте с завязками.

Согласно инвентарным книгам 1938 года, большое количество нот, принадлежавших Михаилу Александровичу, в довоенный период находилось ещё и в Проходной Ксении Александровны. Здесь были ноты также разных композиторов и для разных инструментов: скрипки, флейты, рояля, корнета, фисгармонии, гитары. Особо хотелось бы выделить несколько нотных изданий с дарственными надписями. Так, на заглавном листе нот «Польский для большого оркестра» С. М. Ляпунова надпись автора: «Дорогому ученику моему – Его Императорскому Высочеству великому князю Михаилу Александровичу в память 10-летних занятий и в знак беспредельной преданности. С. Ляпунов. 30. IV. 1905». На первой странице издания нот для пения и рояля оперы в 4-х действиях «Сарацин» Цезаря Антоновича Кюи надпись: «Его Императорскому Высочеству Михаилу Александровичу на добрую память бесконечно и всем сердцем ему преданного Ц. Кюи. 1899. Гатчина, декабрь 18».

Изоиздания включали в себя географические и исторические атласы, художественные и фотоальбомы.

Фотоальбом – альбом, в котором содержатся репродукции фотоизображений, специально изготовленных для данного вида издания или подобранных из других изданий и архивных материалов. Так, например, несколько таких фотоальбомов было подарено великому князю в 1908 году его тётей – английской королевой Александрой:

- альбом с репродукциями снимков, сделанных английской королевой Александрой. Переплёт сафьяновый, красный, с золочёной надписью под короной: «Queen Alexandra's Christmas gift book, photographs from my camera»⁴ (London, 1908), 34 листа, 100 снимков, на авантитуле – портрет королевы Александры;

- такой же альбом, только в коленкорovém белом переплётe, с надписью на первом листе чернилами: «To darling Misha from Alix. 1908».

Художественный альбом – альбом, в котором содержатся репродукции произведений искусства или оригинальные (авторские) графические работы. Для примера назову несколько таких изданий из библиотеки великого князя:

- альбом репродукций с акварелей «Autour du Monde», в красном коленкорovém переплётe, с золочёными надписями, был подарен воспитателем Михаила Siocha (дарственная надпись в альбоме);

- альбом типолитографий: 14 таблиц французских колониальных войск, 26 таблиц юмористических рисунков с текстом на французском языке. Составной переплёт: бумага «под мрамор», коленкорový синий корешок, внизу слева монограмма «М. А.» под короной;

- альбом «Наши герои на Дальнем Востоке» (СПб., 1903) содержит 12 таблиц – репродукций с рисунков Скирчелло, Казакова, Бунина. Серый коленкорový переплёт, с рисунком и золочёными надписями.

В библиотеке было большое количество картографических изданий: «Карта Российской империи», «Карта Центральной Европы», «Карта

Петербургской губернии», карта «Польский край», «Карта расположения войск на время лагерного сбора под Красным Селом в 1903 г.», «Карта театра войны 1870-1871 гг.» и др. Несколько таких изданий было по Гатчине: «Карта Гатчины и окрестностей по съёмкам 1888-1896 г.», «Карта района императорской охоты в окрестностях Гатчины» на коленкоре в картонном красном футляре с золочёной монограммой «М. А.» под короной.

Ряд изданий, хранившихся в библиотеке, был выпущен на средства великого князя Михаила Александровича: несколько выпусков «Вся Россия в географических картах» в коленкоровой коричневой и синей папках, «Вся Россия в рисунках» в красной коленкоровой папке.

Литографированное издание – малотиражное издание, текст и иллюстрации которого отпечатаны способом литографии. Литографировались, в основном, лекционные курсы, учебные материалы и пьесы для театра, отпечатывались небольшим тиражом и в широкую продажу не поступали. В библиотеке Михаила хранился ряд следующих литографированных изданий: «Курс военно-морского дела» Кладо (1903 г.), «Понятие о праве», «Артикул воинский», «Уголовное право», «Конспект по IV отделу неорганической химии. Металлы» Сапожникова (СПб., 1897), «Военно-административные законы» и др. Оформление изданий разное – кожа, коленкор, бумага. В книжном собрании великого князя имелись также литографированные оттиски, среди них есть небольшие пьесы: «Прежде скончались, потом повенчались» – комедия в 2-х действиях Максимова (СПб., 1900), «Поезд опоздал» – комедия в одном действии Трофимова (СПб., 1881), «Шутка» Афанасьева (М., 1890).

Оттиск – отдельно изданная часть текста произведения (например, статья), отпечатанная с того же набора, что и основное издание, иногда с небольшими типографскими изменениями, иногда с добавлением титульного листа и обложки. По форме оттиск представляет собой несколько страниц текста от одной и более (до 20-50-ти) из напечатанного ранее в журнале, в сборнике и т. д. В XIX – начале XX века оттиски исполняли определенную функцию, они издавались как некие «авторские экземпляры» и служили авторам «подарочным фондом».

Дарственные автографы на оттисках свидетельствовали о знаках признательности и уважения перед адресатом. Так, в библиотеке Михаила был ряд оттисков, адресованных именно ему: «25-летие Ташкентского боя» Берса в конверте с адресатом на имя великого князя Михаила Александровича, «Отчёт о командировке во Францию, Австрию и Германию для осмотра кавалерийских школ» А. А. Брусилова и Химеца (СПб., 1899) с письмом на имя великого князя от Николая Николаевича, «Царь Фёдор Алексеевич и император Пётр Великий» (СПб., 1900) с надписью на первой странице «Великому князю Михаилу Александровичу для милостивого прочтения и замечаний [подпись неразборчива]».

Дарственные надписи можно встретить и на книжных изданиях

в этих двух комнатах. Так, например, на последней странице книги «Христианский катехизис» (М., 1889) – следующая дарственная надпись: «Великому князю Михаилу Александровичу от Протопресвитера Иона Янышева⁵, 12 декабря 1892 г. Гатчино.»; на книге «Об устройстве военно-сухопутных сил в России» Шипова (М., 1869) читаем: «Великому князю Михаилу Александровичу всепреданнейшее подносит полковник Шипов».

Помимо книг по военному делу, истории и учебной литературы, обращает на себя внимание в этих двух комнатах большое количество изданий для детей. Детская книга была представлена очень широко и разнообразно: сказки, рассказы для детей о природе и животных, книги о спорте, об охоте, о театре. Больше всего таких изданий было на английском языке, ряд книг на русском, французском, немецком, несколько – даже на датском языке. Книги выделялись, как правило, ярким, красочным оформлением: коленкор разных цветов с тисненым, а иногда и наклеенным рисунком на переплётных крышках, с большим количеством иллюстраций. Среди художников-иллюстраторов – именитые мастера своего дела. Так, «Сказка о царе Салтане» А. С. Пушкина, вышедшая в Санкт-Петербурге в 1904 году в Экспедиции заготовления государственных бумаг, – с иллюстрациями по рисункам И. Я. Билибина, «Сказки старухи-говорухи» (СПб., изд-во Девриена) с иллюстрациями Дудина и Ткаченко. Книги покупались или дарились, о чем свидетельствуют дарственные надписи. Так, несколько книг было подарено королевой Александрой («To my dear little Micha from Alix»). Повесть для детей «Маленькие мальчики в больших ботинках» Г. Арчибальда («Small boys in big boots» G. Archibald) была подарена братом Николаем Александровичем Михаилу в его день рождения в ноябре 1894 года («To darling Mishka from Nicky. November, 1894»). «Карманная энциклопедия для всех» Д. Лемона на английском языке подарена Михаилу его воспитателем Old Man («My dear pupil M. Alexandrovich. Old Man»)⁶.

В настоящий момент в фонде редкой книги хранится 86 томов из библиотеки великого князя Михаила Александровича. Выявить книги Михаила Александровича было достаточно просто – все они имеют тот или иной владельческий книжный знак – экслибрис, суперэклибрис, штемпель, владельческая или дарственная надпись.

Эклибрис, выполненный по рисунку А. Е. Фелькерзама в конце XIX века, представляет собой тиснёный, круглый ярлык диаметром 32 мм, где в двухлинейной рамке под императорской короной вензель «М. А.», отпечатанный синей краской. Размещался экслибрис, как правило, на форзаце или обратной стороне верхней переплётной крышки. Суперэклибрис встречается в нескольких вариантах – это тиснёные литеры «М. А.» внизу корешка, крупные тиснёные литеры «М. А.» под короной в левом верхнем углу верхней переплётной крышки, монограмма «М. А.» под короной в правом верхнем углу верхней крышки и монограмма

«М. А.» под короной внизу корешка. Иногда встречается штемпель на обороте верхней крышки – «Е. И. В. Вел. Кн. Михаила Александровича». Встречающиеся владельческие записи очень просты – синей, чёрной тушью или карандашом буквы «М. А.». Лишь в книге «Сборник немецких стихотворений» (СПб., 1890) более подробная запись: «М. А. Аничковъ. 4-го Марта. 1894 г.».

На некоторых изданиях, помимо владельческих книжных знаков Михаила, встречаются книготорговые знаки и знаки переплётных мастерских. Они представляют несомненный интерес, так как дают информацию, кто изготавливал переплёт для императорской семьи, где покупались книги или кто их поставлял для высочайшего двора. Так, на книгах имеются наклейки с адресами фабрики или паровой переплётной Н. В. Гаевского, паровой переплётной О. Кирхнера, Санкт-Петербургской синодальной переплётной, штамп книжного магазина товарищества М. О. Вольф, наклейка с адресом книжного магазина Н. Фену и К°, наклейка поставщика е. и. в. двора Г. Шмицдорфа, также с адресом.

Учебники и словари Михаила Александровича оформлены очень просто – как правило, в полужокожаном чёрном или коричневом переплётке, с закладкой-ляссе, форзацы простые или из цветной бумаги. Иногда вместо кожного корешка встречается коленкоровый. В фонде хранятся учебники великого князя по разным отраслям знания: истории, географии, языкознанию, праву, естествоведению, алгебре. Часто они представляют собой курсы систематические, краткие тех или иных наук, составленные заслуженными преподавателями или известными государственными деятелями. Так, учебник «История средних веков» (СПб., 1893) составлен преподавателем императорского Александровского лицея и Санкт-Петербургской пятой гимназии К. А. Ивановым и одобрен Учёным комитетом Министерства народного просвещения как учебное руководство для средних учебных заведений, мужских и женских. Автор учебника «Курс гражданского права. Ч.1. Вотчинные права», (СПб., 1896) – известный русский государственный деятель Константин Петрович Победоносцев (1827-1907), а автор книги «Курс государственной науки» (М., 1898) – русский правовед, философ, историк Борис Николаевич Чичерин (1828-1904).

Учебник А. П. Киселёва «Элементарная алгебра» (М., 1893) выдержал 30 изданий до революции и более 10-ти после. (Общий тираж – 7 млн. экз., учебником пользовались в школах с 1884 по 1960 годы). Книга А. П. Киселёва в своё время вытеснила все другие учебники, потому что в наибольшей степени соответствовала всем необходимым качествам хорошего учебника. Этот учебник отличали простота, ясность, краткость изложения, точность в формулировке. Автор этого учебника – Андрей Петрович Киселёв (1852-1940) – был талантливым педагогом с богатым практическим опытом преподавания математики. Исследователи творчества А. П. Киселёва отмечают, что у него была большая домашняя

библиотека, он постоянно изучал постановку преподавания математики в русских школах и за границей, был знаком с немецкими и французскими учебниками математики.

В отличие от учебной и справочной литературы, оформленной очень просто и сухо, без каких-либо излишеств, в библиотеке были также высокохудожественные издания, роскошно оформленные и богато иллюстрированные.

Во второй половине XIX века книжные издания дифференцировались функционально и стилистически. По-разному оформлялись учебные, деловые книги и книги для удовольствия, юбилейные, подарочные издания.

Такова, например, книга «Столетие уделов. 1797-1897» (СПб., 1897) в насыщенном тёмно-зелёном кожаном переплете-дублюра, с монограммой «М. А» под короной в правом верхнем углу на передней переплетной крышке. Золочёный обрез, форзацы из зелёного муара, по краям внутренней стороны переплётной крышки – тиснённые золотом орнаментальные бордюры. В начале книги – фототипии императоров: от Павла I до Николая II, а в конце – фототипии министров и председателей Министерства императорского двора и уделов, также ряд диаграмм.

Хотелось бы выделить ряд художественно оформленных изданий великого князя по истории. Роскошно изданные книги Поля Лакруа и Виктора Дюрюи сразу обращают на себя внимание. Поль Лакруа (1806-1884) – французский писатель XIX века – отличался чрезвычайной плодовитостью, но далеко не всё, появлявшееся под его именем, принадлежало его перу. Имя Лакруа было часто такой же фирмой, как подпись Дюма-отец на бесчисленных романах, считавшихся его произведениями. П. Лакруа написал целую серию исторических или псевдоисторических романов. За незаконченный труд – первый том книги «История жизни и царствования Николая I Императора Всероссийского» П. Лакруа получил пенсию от русского двора. Среди его книг – роскошно изданные тома по Средним векам и Ренессансу. В библиотеке Михаила Александровича были следующие издания на французском языке:

- «Военная и религиозная жизнь в Средние века и в эпоху Ренессанса», (Lacroix Paul. *Vie militaire et Religieuse au Moyen age et a l'epoque de la Renaissance.* – Paris, 1877. – 582 стр: ил., 12 л. ил.);

- «Искусства в Средние века и в эпоху Ренессанса». (Lacroix Paul. *Les arts au Moyen age et a l'epoque de la Renaissance.* – Paris, 1873. – 543 с.: ил., 18 л. ил.);

- «Традиции, обычаи и костюмы в Средние века и в эпоху Ренессанса». (Lacroix Paul. *Moeurs, usages et costumes au Moyen age et a l'epoque de la Renaissance.* – Paris, 1878. – 607 с.: ил., 14 л. ил.);

- «Литература и наука в Средние века и в эпоху Ренессанса» (Lacroix Paul. *Sciences lettres au Moyen age et a l'epoque de la Renaissance.* – Paris, 1877. – 616 с.: ил., 12 л. ил.).

Во всех книгах на обороте верхней переплётной крышки – экслибрис великого князя. Все книги имеют составной художественный переплёт: корешок красной кожи, крышки красного коленкора. Многочисленные тиснёные украшения и название на крышках и корешке. Форзацы из цветной бумаги, обрез золочёный, закладка-ляссе, огромное количество иллюстраций в тексте и на отдельных листах, в оформлении использованы буквицы и концовки.

Издание «История греков» в 3-х томах Виктора Дюрюи на французском языке (Duruu V. Histoire des Grecs / [В 3-х т.]. – Paris, 1887. – 823 с.: ил.) оформлено аналогично. Тот же составной художественный переплёт: корешок красной кожи, крышки красного коленкора. Многочисленные тиснёные украшения и название на крышках и корешке, золочёный обрез, ляссе, огромное количество иллюстраций в тексте и на отдельных листах, только форзацы не из цветной бумаги, а из белого муара. Автор книги – Виктор Дюрюи – неординарная личность своего времени. Французский историк и деятель образования, внёсший вклад в становление современной французской образовательной системы. Изучал историю под руководством Жюль Мишле, в дальнейшем был профессором истории в университетах Реймса и Парижа, получил известность благодаря трудам по истории. Один из них – «История римлян» (1844) – привлёк внимание Наполеона III, который выразил желание встретиться с автором и, несмотря на республиканские взгляды последнего, стал выдвигать его на ответственные посты в сфере образования. В 1863-1869 годы В. Дюрюи был министром образования и очень много сделал полезного на своем посту. Кроме получивших широкое распространение учебников, Виктор Дюрюи опубликовал значительно исправленное и расширенное издание «Истории римлян с древнейших времён до смерти Феодосия», «Историю греков» и популярные книги по истории евреев, греков, римлян, а также по истории Франции, Европы Нового времени и Средних веков.

Любопытно иллюстрированное издание, посвящённое истории развития франко-русских отношений, с многочисленными фототипиями (портреты царской семьи и государственных деятелей) в тексте и на отдельных листах. Это книга, изданная в Париже на французском языке, – «Страница истории. Поездка президента республики в Россию», (Aubanel Napoleon. Une page d'histoire. Voyage du president de la Republique en Russie. – Paris, б/г.). Книга в красном коленкором, художественно оформленном переплёте. На верхней крышке рисунок, тиснёный золотой, зелёной и чёрной красками, золототиснёное название, автор и издательство, тиснёные чёрной краской. На корешке название тиснуто чёрной краской. Фронтиспис с портретом императора Николая II.

Нельзя не отметить книгу «В память священного коронования их Императорских Величеств Николая Александровича и Александры Федоровны 14 мая 1896 года» (СПб.: книгоиздательство Г. Гоппе, 1896. – 314 с.: ил.). Книга в полужофаном тёмно-коричневом переплёте, с

золототиснёным названием на корешке, внизу на корешке монограмма «М.А.» под короной, форзацы цветной бумаги. Издание с множеством иллюстраций лучших художников в тексте и на отдельных листах, в оформлении книги также использованы заставки, концовки, буквыцы. После титула – лист, посвящённый императору: «Его Императорскому Величеству Всепресветлейшему и Самодержавнейшему государю императору Николаю Александровичу с чувством глубочайшего благоговения всепреданнейшее посвящает Эдуард Гоппе». Последовательный живой рассказ о торжественных событиях коронации их императорских величеств, дополненный целой вереницей изображений, сделанных с натуры. Первая часть посвящена истории коронавания всей династии Романовых. Вторая часть – очень подробное, хронологически точное описание коронавания Николая Александровича и Александры Фёдоровны.

Следующее издание из библиотеки великого князя, заслуживающее особое внимание к себе, – «Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси» в 4-х томах полковника Н. И. Кутепова. В фонде редкой книги имеется только два тома этого уникального издания: «Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVI век» (СПб.: типография Главного управления уделов, 1894. – Т. 1) и «Царская охота на Руси царей Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича: XVII век» (СПб.: типография Главного управления уделов, 1895. – Т. 2).

Книга Н. И. Кутепова, вышедшая в Экспедиции заготовления государственных бумаг в 1895-1911 годы, считается одним из «самых честолюбивых» русских изданий конца XIX – начала XX веков. В её создании принимали участие художники В. М. Васнецов, В. И. Суриков, И. Е. Репин, В. А. Серов, А. Н. Бенуа, Е. Е. Лансере и др. В книге использовано много материалов научно-документального характера. Качество полиграфии превосходно: чёткий шрифт, обилие отлично выполненных цветных иллюстраций, множество интересных инициалов, заставок и концовок, талантливо исполнены переплёты в серебряной окантовке. Книга была представлена в 1914 году на международной выставке печатного дела и графики в Лейпциге.

В библиотеке Михаила Александровича хранилось одно из первых изданий данного труда – не такое роскошное в оформлении, но не менее ценное. Оба тома были подарены великому князю, обожающему охоту, автором книги – Н. И. Кутеповым, о чём свидетельствует следующая дарственная надпись на форзацах книг: «Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Михаилу Александровичу Вернопреданный автор Николай Кутепов. 5 апреля 1895 г.». Полковнику Николаю Ивановичу Кутепову, заведующему хозяйственной частью императорской охоты, было поручено от императора Александра III написать обзор придворных охот во всей полноте их исторического охвата, т. е. от X века до начала XX века включительно. На первый

взгляд, подобный выбор императора мог показаться более чем странным – Н. И. Кутепов не был ни историком, ни писателем. Но Александр III не ошибся. К придворным охотам Н. И. Кутепов имел непосредственное отношение, заведая их хозяйственной частью. Кроме того, государь был уверен в его природной сметливости, безукоризненной репутации, образцовом трудолюбии и добросовестности, а также в беззаветной ему преданности, которую Николай Иванович сохранил до конца дней своих. Н. И. Кутепов провёл огромную исследовательскую работу, изучив большое количество материалов, посвящённых истории царских охот, в различных российских архивах и библиотеках. В 1893 году Н. И. Кутепов издал «Памятную записку о положении дела по составлению «Сборника материалов, касающихся истории великокняжеской, царской и императорской охот в России», где привёл развёрнутый план содержания своего труда за временной период до XVII века включительно.

«Памятная записка» была издана в переплёте тёмно-зелёного цвета. В середине передней крышки – тисненый золотом императорский двуглавый орёл, сжимающий в лапах два охотничьих рога, в нижнем правом углу также золотым тиснением выполнена надпись: «1891-1893 год. Г. Гатчино».

В 1893-1895 годах в типографии Главного управления уделов в Санкт-Петербурге история царских охот, написанная Н. И. Кутеповым, впервые вышла в свет. Это издание было исключительно малотиражным и не имело иллюстраций. Его назначение объясняет письмо Н. И. Кутепова художнику В. В. Верещагину, с которым он был знаком со времени военных действий в Болгарии: «Многоуважаемый Василий Васильевич! Вот Вам и мой детище: пожалуйста, не ругайтесь, а главное это издание вышло всего в 10 экземплярах, специально для товарищей людей хороших – пока совершенно как Его Величество его еще и не видел – да оно еще и не закончено литературно, и требует сильной и внимательной корректуры. Издал я в таком виде поспешно ещё и потому, что его необходимо иллюстрировать, – есть малая толика и рисунков и вещей памятников»⁷.

Оформление переплёта издания Главного управления уделов аналогично переплету «Памятной записки», только он цельнокожаный, а даты, указанные на нем – 1893-1895 годы. Форзацы выполнены из светлой «муаровой» бумаги, обрез покрыт позолотой. Из украшений в тексте использованы только скромные типографские концовки.

Затем, уже с высочайшего одобрения, в типографии Главного управления уделов первый том был отпечатан тоже скромным, но уже большим тиражом в 35 экземпляров. Усердно продолжает свой труд Н. И. Кутепов и после кончины своего патрона. В той же типографии были опубликованы: 2-й том – в 1895 году, 3-й – в 1900 году, 4-й – в 1905 году. Именно из этого тиража полковник Н. И. Кутепов дарит два тома великому князю Михаилу Александровичу.

Сохранилось три периодических издания из библиотеки великого князя – еженедельные газеты «L'illustration», «The Graphic» и альманах «The Studio».

«L'illustration» (1901. – №№ 3019-3070) – популярная иллюстрированная еженедельная французская газета, издававшаяся в Париже с 1843 по 1939 годы. «L'illustration» был основан Эдуардом Шартоном по примеру английской газеты «The illustrated London» и немецкой газеты «Illustrated zeitung». В каждом выпуске всегда было огромное количество фотографий, гравюр, рисунков обо всех интересных событиях, происшедших в мире. В 1891 году газета стала первой французской газетой, опубликовавшей фотографию, а в 1907 году – первой, опубликовавшей цветную фотографию.

«The Graphic» (Т.1. – 6 January 1900 – 30 June 1900) – британская иллюстрированная еженедельная газета, впервые вышедшая 4 декабря 1869 года. Газета была основана Уильямом Томасом – ксилографом и социальным реформатором. Он привлёк к работе в газете большое количество талантливых художников-графиков, благодаря чему газета стала реальным конкурентом очень популярному изданию «Иллюстрированные новости Лондона». Газета освещала новости Великобритании и соседних стран, уделяя больше внимания литературе, искусству, наукам, миру моды, спорту, музыке.

Альманах «The Studio» (1901. – Т. XXII, XXIII) – самое известное издание периода стиля модерн. Издание на английском языке, на мелованной бумаге, иллюстрации и фото почти на каждой странице, цветные иллюстрации защищены папиросной бумагой. На страницах альманаха освещены вопросы архитектуры, искусства пластики и создания интерьеров, прикладного искусства, графики и живописи в стиле модерн, дан обзор художественных и культурных событий, приведены статьи о передовых течениях в искусстве рубежа XIX–XX веков в разных странах, в том числе в России, напечатано множество иллюстраций и фотографий работ известнейших дизайнеров, архитекторов, художников – представителей стиля модерн.

Иллюстрация играла важную роль в оформлении не только книги стиля модерн конца XIX – начала XX веков, но и парадной книги второй половины XIX века. Судьба романтической иллюстрации этого периода, прежде всего, связана с именем Гюстава Доре (1832-1883), олицетворявшего иллюстрацию как вид искусства. В фонде редкой книги хранится два издания из библиотеки великого князя Михаила Александровича с иллюстрациями этого замечательного графика и художника: «Басни» Жана де Лафонтена и второй том издания «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса Сааведры (Fables de la Fontaine avec les dessins de Gustave Dore. – Paris, 1868; Miguel de Cervantes Saavedra. L'ingenieux hidalgo Don Quichotte de la Manche. Avec 370 compositions de Gustave Dore, gravees sur bois par H. Pisan. T.2. – Paris, 1869).

Обе книги изданы в Париже на французском языке и имеют схожее монументально-парадное оформление книги эпохи эклектики: большой формат, массивный, обтянутый ярким, красным коленкором переплёт с блитновым и золотым тиснением и золочёным обзором, крупный шрифт, плотная и тяжёлая бумага. В книге «Басни» форзацы из белого муара, фронтиспис с гравированным портретом автора книги – Жана де Лафонтена. Но самое ценное в этих двух книгах – это, конечно же, иллюстрации в тексте и на отдельных листах непревзойдённого мастера данного вида искусства, художника Гюстава Доре. Издание «Басен» Ж. де Лафонтена 1868 года из библиотеки великого князя Михаила Александровича к тому же является первым прижизненным изданием художника. Второй том «Дон Кихота» М. де Сервантеса 1869 года – переиздание книги 1862-1863 годов, оно также является прижизненным изданием художника.

Своими иллюстрациями привлекает к себе внимание ещё одна книга из личной библиотеки великого князя – «Ришельё» Теодора Каю, изданная на французском языке в Париже в 1901 году. (Cahu T., Leloig M. Richelieu. – Paris, 1901. – 84 с.).

В конце XIX века начинает формироваться новый тип многокрасочной детской книги. Богато иллюстрированное изложение популярных эпизодов из всеобщей истории предназначалось, в первую очередь, для облегчения домашнего образования и нравственного воспитания. Предисловие к труду Т. Каю написал Альбер-Огюст-Габриэль Аното – французский политик и историк. Он был лектором в высшей школе, архивистом, палеографом. Как государственный чиновник был в Африке, Китае, Турции и России, возглавлял Министерство иностранных дел в 1894-1895 и 1896-1898 годах. Написал книгу «История кардинала де Ришельё». Будучи знатоком биографии Армана Жана дю Плесси Ришельё (1585-1642), заинтересовался проектом книги об этом деятеле для детей и написал к ней предисловие. Вот как он характеризует эту книгу: «...Альбом, как говорится, предназначен для молодёжи. Он показывает и рассказывает, день за днем, жизнь, полную великого служения стране. Как и следует, шаг за шагом, эта иллюстрированная карьера раскрывает нам силу благородных примеров...».

Действительно, эта книга не просто рассказ для детей о жизни Ришельё с иллюстрациями, это ценное иллюстрированное издание, в котором иллюстрации играют, если и не главную, то равную с текстом роль, сами являются ценным источником информации, характеризуя неординарную личности кардинала. Автором этих непревзойдённых иллюстраций является художник Морис Лелуар (1851-1940). Он ярко проявил себя во многих областях искусства – как живописец, акварелист, гравёр, книжный иллюстратор, художник театра и кино, талантливый писатель, признанный эксперт в области истории моды. Однако вершиной творчества М. Лелуара признана книжная графика. Он проиллюстрировал

десятки книг, среди которых сочинения Вольтера (Ф. М. Аруэ), Ж. Ж. Руссо, Д. Дидро, Мольера (Ж. Б. Поклена), О. де Бальзака, Г. де Мопассана и других прозаиков, драматургов, философов. Так, издание романа аббата Прево «История Кавалера де Грие и Манон Леско» 1885 года с 225 иллюстрациями М. Лелуара признано классическим образцом искусства книжной графики, а иллюстрации к «Сентиментальному путешествию» Л. Стерна – один из шедевров зрелого мастера. В 1894 году к 50-летию первой публикации романа А. Дюма «Три мушкетёра» вышло в свет юбилейное издание, для которого М. Лелуар подготовил 250 рисунков, вошедших в золотой фонд мировой иллюстрации. В этой работе М. Лелуар сумел с поразительной достоверностью передать не только характеры героев и атмосферу романа, но и детали быта, костюмы, парижские пейзажи эпохи Людовика XIII. То же самое можно сказать об иллюстрациях художника к изданию «Ришелье». Иллюстрации, отличающиеся глубоким психологизмом, точностью в проработке деталей, создают яркий образ не только главного героя книги, но и всей эпохи в целом.

К сожалению, это всего лишь малая сохранившаяся часть интересного книжного собрания великого князя в Гатчинском дворце. В ближайшее время утраченные книги из библиотеки Михаила Александровича войдут в сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй Мировой войны «Утраченные книжные ценности». Очень хочется надеяться, что со временем хотя бы некоторые книги будут найдены и вернутся в родные стены – любимый великим князем Гатчинский дворец.

¹ Мордвинов А. А. (1870 – после 1930) военную службу начал в Кирасирском императрицы Марии Федоровны полку. С 1904 года – личный адъютант великого князя Михаила Александровича, с 13 марта 1913 года – флигель-адъютант Николая II и один из самых приближённых лиц императорской семьи. Воспоминания писал в период с 1920 по 1930 годы в эмиграции. Фрагмент из первой части воспоминаний А. А. Мордвинова «На военно-придворной службе» опубликован в сборнике «Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1881-1917» (СПб., 2008).

² Согласно инвентарным книгам за 1938 год, около 900 изданий до войны находилось в комнатах Михаила Александровича. Но с полной уверенностью нельзя сказать, что все эти книги принадлежали когда-то именно великому князю, потому что на многих книгах отсутствуют книжные знаки и нет дарственных надписей, вместе с тем в этих комнатах есть ряд изданий с книжными знаками сестёр Ксении, Ольги, братьев Георгия и Николая. Тем не менее, общее представление о библиотеке великого князя и о его книгах можно сделать, даже исходя из этих данных. К тому же ряд изданий с экслибрисами Михаила был обнаружен в комнатах других членов императорской семьи.

³ «Для любимого маленького Миши от тети Аликс». Александра [Аликс] (1844-1925) – королева Великобритании в 1901-1910 гг., урождённая датская принцесса, сестра императрицы Марии Фёдоровны, с 1863 г. замужем за королём Великобритании Эдуардом VII.

⁴ «Книга королевы Александры в подарок на Рождество. Фотографии моей камеры».

⁵ Янышев И. Л. (1826-1910) – священнослужитель православной российской церкви, с 1883 г. состоял духовником императорской фамилии (до свой смерти) и замещал должность протопресвитера придворного духовенства. Преподавал цесаревичу Николаю Александровичу историю русской церкви и инославных исповеданий.

⁶ «Моему дорогому ученику Михаилу Александровичу. Old Man».

⁷ Власова Р. И. Иллюстрации и художественное оформление очерков Н. И. Кутепова «Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси» // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы: Сб. науч. тр. – [Б. м.], 2005. – № 8.

Д. М. Софьин

*Аспирант, ассистент кафедры новейшей истории России
Пермского государственного университета
(г. Пермь)*

Императорская власть глазами Николая II

С 1894 по 1917 годы во главе Российского государства находился император Николай II, принимавший ключевые решения, влиявшие на стратегию развития страны. Логика его действий формировалась с учётом реальной ситуации, а также исходя из личных представлений о сущности императорской власти и обязанностях монарха.

Император Николай II был убеждён в необходимости самодержавия для России. Во время своего правления последний император не мог «даровать в просимом у Него объеме конституции», так как «считал, что не имеет права нарушить основные законы и изменить своему обещанию, данному Им при священном короновании»¹. «Не самодержавие я защищаю, а Россию», – утверждал Николай II². Он был убеждён, что благополучие государства заключается в сохранении самодержавия³. Министру внутренних дел князю П. Д. Святополк-Мирскому царь в 1904 году признавался: «Ведь я придерживаюсь самодержавия не для своего удовольствия, я действую в этом духе только потому, что я убеждён, что это нужно для России, а если бы для себя, я бы с удовольствием от всего этого отделался»⁴. Таким образом, Россия в сознании Николая II понималась как ведущая ценность, а самодержавие – как подчинённая ей, служебная. Как об этом говорил император, самодержавие необходимо сохранять и укреплять не ради самого самодержавия, а потому что такая форма правления считалась наилучшей для страны. При этом его взгляды на возможности конституционализма в России, согласно позднейшим исследованиям, значительно сложнее, чем это традиционно представлялось. Как отмечает и обосновывает С. В. Куликов, «Николай II являлся противником не конституции, а такого понимания этого термина, которое ассоциировалось исключительно с парламентаризмом»⁵.

Николай II не был удовлетворён теми прерогативами, которые были закреплены за монархом в основных государственных законах Российской

империи в 1906 году. Осенью 1913 года он написал министру внутренних дел Н. А. Маклакову: «Также считаю необходимым и благонамеренным немедленно обсудить в совете министров мою давнишнюю мысль об *изменении* статьи учреждения Госуд[арственной] Думы... Представление на выбор и утверждение государя мнений большинства и меньшинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности, и притом в русском духе»⁶. Собрание, где обсуждался поставленный вопрос, состоялось 18 июня 1914 года. Решающим стало мнение министра юстиции И. Г. Щегловитова. Несмотря на свои консервативные убеждения, министр не рекомендовал менять закон, и его мнение оказалось определяющим. Император резюмировал: «Этого совершенно достаточно. Очевидно, вопрос надо оставить»⁷.

Императорскую власть Николай II воспринимал как трудный долг и тяжелую ответственность. Он был убеждён в том, что монарх – помазанник Божий, и только он может нести за всё ответственность, поскольку это именно его крест, а не кого-то другого. Николай II твёрдо верил, что самодержавная власть, которую он унаследовал, есть священный долг⁸ как «главного правителя и первого слуги Богом вверенного Его попечению народа российского...»⁹. В 1895 году он писал дяде, великому князю Сергею Александровичу, о своём «тяжком и ответственном служении России», которое следует «нести безропотно»¹⁰, а в 1902 году написал министру народного просвещения П. С. Ванновскому: «На мне лежит страшная ответственность перед Богом и перед Россией, тяжесть, которую я несу сознательно один»¹¹. Николай II неоднократно демонстрировал стремление взять на себя ответственность в решениях¹².

Для Николая II добровольно делиться ответственностью, то есть самому снимать с себя «крест служения», не могло быть приемлемым. Для него это означало бы и уклонение от императорской миссии, возложенной свыше, и признание собственной слабости. Таким образом, это шло бы вразрез с его совестью. Министру финансов В. Н. Коковцову государь говорил: «Я обязан перед моей совестью, перед Богом и перед родиной бороться и лучше погибнуть, нежели без сопротивления сдать всю власть тем, кто протягивает к ней свои руки»¹³.

Николай II считал, что монарх должен быть твёрдым, но не считал необходимым демонстрировать твёрдость в соответствии с традиционными представлениями о том, как должна осуществляться подобная презентация (резкие окрики, демонстративное раздражение, удары кулаком по столу и т. п.). Источники свидетельствуют о том, что уже в первые годы правления он неоднократно демонстрировал твёрдость не во внешнем проявлении, а в содержательном плане. Это, в частности, проявилось в отношениях с министром внутренних дел В. К. Плеве, которого, по мнению исследователя Ю. Б. Соловьёва, Николай II держал «под своим неослабным руководством...»¹⁴. В качестве примера можно привести строки из писем монарха министру: «Вообще на печать надо

будет обратить самое строгое внимание. Она у нас за последние годы сильно распустилась, в особенности в провинции. При следующем вашем докладе мы поговорим по поводу упорядочения нашей печати и о более строгой ответственности вице-губернаторов в качестве цензоров»¹⁵.

«Прошу вас приехать ко мне завтра... по делу о Тверском губернском земстве и особенно о Новоторжском [Тверской губернии уездном земстве].

Настало время треснуть неожиданно и крепко»¹⁶.

«Обращаю серьёзное ваше внимание на прилагаемую прямо провокационную статью «Роль молодёжи в общественной жизни России».

По-моему, цензура спит, иначе она не могла бы пропустить подобные зажигательные строки»¹⁷. (Здесь и далее выделено в тексте. – Д.С.)

В том случае, когда Николай II считал это необходимым, он мог весьма твёрдо и резко оборвать непрошеного советника: «По меньшей мере смешно, если ты думаешь, что я буду исполнять все твои желания. У меня тоже есть своё мнение и своя воля – в этом ты скоро убедишься», – раздражённо писал он князю В. П. Мещерскому 1 мая 1903 года¹⁸.

Во время Первой мировой войны в ответ на настойчивые призывы императрицы Александры Фёдоровны проявлять твёрдость император определял собственную позицию: «Ты пишешь о том, чтобы быть твёрдым – повелителем, это совершенно верно. Будь уверена, я не забываю, но вовсе не нужно ежеминутно огрызаться на людей направо и налево. Спокойного резкого замечания или ответа очень часто совершенно достаточно, чтобы указать тому или другому его место»¹⁹. Известен случай, произошедший незадолго до революции, во время одного из последних докладов председателя Государственной думы М. В. Родзянко, когда тот стал повторять монарху сплетни об «окружении государыни» и «тёмных силах». Тогда Николай II прямо спросил его: «Что же, по-вашему, я – первый изменник?» В ответ председатель думы «смущённо пролепетал»: «Ваше Величество – помазанник Божий»...²⁰

Решительность Николая II показывает и ситуация со 2-й Государственной думой, когда становилось очевидным, что данный состав думы не способен к конструктивной работе с правительством. Когда, наконец, Совет министров во главе с П. А. Столыпиным принял решение об её роспуске, император по этому поводу написал премьеру: «Давно было пора покончить с этой Думой. Не понимаю, как можно было терпеть столько времени, и, не получая от Вас к моему подписанию указов, я начинал опасаться, что опять произошли колебания»²¹.

Важной частью царского служения было представительство страны на международной арене, руководство внешней политикой, чему традиционно монархи уделяли особенное внимание. К началу XX века средневековый идеал монарха-воителя заменяется другим идеалом – монарха-миротворца. Стремясь реализовать этот новый идеал, Николай II выступил с инициативой созыва Гаагской мирной конференции, работа которой положила начало процессу, в будущем приведшему к созданию

Лиги Наций, а затем и Организации Объединенных Наций. В настоящее время последний российский император считается одним из отцов-основателей ООН, и парадный портрет Николая II находится в штаб-квартире организации.

Николай II разделял традиционное убеждение о том, что одной из наиболее существенных прерогатив власти монарха является личное руководство внешней политикой²². В этой сфере монарх обязан блюсти честь и достоинство своей страны. В 1905 году министру иностранных дел графу В. Н. Ламздорфу по поводу желательности заключения мира с Японией император заявил: «Я готов кончить миром не мной начатую войну, если только предложенные условия будут отвечать достоинству России». Выплата контрибуции, как это понималось, не соответствовала достоинству России. Николай II был категоричен в этом вопросе: «Россия никогда не платила контрибуции, и я на это никогда не соглашусь»²³. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов, занимавший этот пост во время следующей для России, Первой мировой войны, отмечал, что «в глазах Государа единственным пределом уступчивости и примирительности служили честь и жизненные интересы России...»²⁴.

Николай II неизменно разделял убеждения консерваторов о тесной связи царя с народом²⁵. Однако время от времени император, как и его предшественники, стремился демонстрировать особую связь с отдельными социальными группами. Так, в ходе коронационных торжеств в мае 1896 года Николай II, отвечая московским дворянам, подчеркнул, что российское дворянство «всегда было главной опорой государства»²⁶. Также неоднократно подчеркивалась связь императора с крестьянами.

Особенную связь Николай II, как и его предшественники, ощущал с такой частью подданных, в которой все сословия соединялись в единую регулярную форму – с армией. Как справедливо отметил историк П. А. Зайончковский, российские монархи наиболее близкой для себя отраслью управления считали военную²⁷. Это объясняется глубокими корнями не только российской, но и монархии вообще – как формы правления, обычно эволюционировавшей из функций военного вождя. Будущим российским монархам всегда давали военное воспитание, что в значительной степени формировало характер, привычки и предпочтения. Современники Николая II вспоминали, что «Государь Император особенно радостно и спокойно чувствовал себя, когда бывал среди офицеров и солдат...»²⁸.

Испытывая любовь и привязанность к армии, Николай II в начале Первой мировой войны хотел сам стать Верховным главнокомандующим, чтобы разделить с войсками победы или поражения²⁹. Здесь проявилось свойственное ему «чувство долга, взгляды на монарха как на первого защитника Отечества...»³⁰. Однако под влиянием мнений почти всех членов Совета министров, а также многих родственников, император переменил первоначальное решение и назначил Верховным своего

двоюродного дядю, великого князя Николая Николаевича-младшего³¹. Через год, когда армия стала терпеть тяжёлые поражения, монарх посылал, что теперь ему нельзя уклониться от поста Верховного главнокомандующего. Военный министр генерал А. А. Поливанов вспоминал, что император «высказывал мистический взгляд на предмет и говорил, что теперь, когда дело идёт так плохо, он считает себя обязанным не оставаться вдали от армии, а разделить судьбу её, какова бы она ни была»³². Вступая в верховное главнокомандование, император, согласно воспоминаниям современников, сказал: «Может быть, нужна искупительная жертва, чтобы спасти Россию? Я буду этой жертвой. Да свершится воля ГОСПОДНЯ!»³³. Доверие к армии Николай II сохранял до самого конца и «не хотел верить, что войска могут стать на революционную точку зрения», даже министр внутренних дел А. Д. Протопопов не мог его убедить относиться к вооружённым силам более критично³⁴.

Насколько трепетно Николай II относился к престижу армии, к её чести и достоинству³⁵, показывает случай с военным министром генералом А. Ф. Редигером. В 1909 году лидер партии октябристов и председатель III Государственной думы А. И. Гучков выступил со знаменитой речью, где резко критиковал порядки в вооружённых силах. Как писал император в письме матери, императрице Марии Фёдоровне, «пришлось сменить военного министра Редигера за то, что он два раза в Думе не только не ответил против речи Гучкова, но согласился с ним и этим не защитил честь армии»³⁶.

Николай II в значительной степени разделял взгляды славянофилов на бюрократию как вредное «средостение» между царём и народом. Одним из способов преодоления «средостения» виделись регулярные контакты с представителями «простого народа», которые начались уже в первые годы царствования Николая II. Но наибольший резонанс данная политика дала в последние годы, когда среди регулярных «простых» собеседников монарха, наряду с мало кому известными тогда А. А. Клоповым, Н. А. Демчинским и другими, оказался Г. Е. Распутин. В массовом общественном сознании того времени последняя фигура приобрела черты персонализированного абсолютного зла. Немало людей считали его «серым кардиналом», «вершителем судеб» России, а самого монарха воспринимали как марионетку «всесильного временщика». В действительности, как показали позднейшие исследования, роль Г. Е. Распутина была весьма скромной. Самостоятельной политической фигурой он не являлся, да и не мог быть таковым. Чтобы сохранить к себе внимание царственной четы, он «советовал» лишь то, что соответствовало их взглядам и убеждениям. Николай II интересовался его мнением так же, как и мнениями своих «неофициальных корреспондентов», чтобы узнать истинные взгляды «простого народа»³⁷.

По вопросу этноконфессиональной природы самодержавия Николай II видел себя «Государем многоязычной и многоплеменной России»³⁸.

Вместе с тем, император демонстрировал свою связь с «русской составляющей» Российской империи. Офицеры и солдаты «лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской Фамилии полка» получили новую форму, напоминавшую древнерусскую рубаху. Возник проект переодеть придворных в костюмы времён Алексея Михайловича. От реализации проекта, однако, отказались по причине его большой затратности³⁹. Во время Первой мировой войны было решено переодеть армию в новую форму перед началом предполагавшегося весеннего наступления 1917 года. Эскизы формы, напоминавшей костюмы русских воинов до XVII века, были созданы В. М. Васнецовым. Февральские события помешали осуществлению этого плана. Форму, которую к весне 1917 года уже успели сшить, наденет создаваемая в 1918 году Красная Армия.

Как верховный блюститель государственного порядка, Николай II считал себя обязанным строго следить за тем, чтобы каждый из его окружения занимался своим делом. В частности, он не одобрял вмешательства министра в дела чужого ведомства, «не любил возбуждения общих вопросов отдельными министрами и всегда умело пресекал попытки, делаемые в этом смысле»⁴⁰. Также он не любил обсуждать политические вопросы с придворными⁴¹. Очевидно, император полагал, что постороннему лицу легко давать советы и вмешиваться в чужое дело, поскольку данное лицо не несёт за это ответственности. Такое «безответственное» вмешательство Николай II и стремился всегда пресекать. Последний протопресвитер русской армии и флота отец Георгий Шавельский заметил, что «у Государя выработался особый приём: при разговоре с известным лицом выслушивать всё, не выходящее из круга полномочий и службы этого лица, и отстранять все «лишнее», непосредственно не касающееся его ведомства»⁴². Когда Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства задала вопрос министру императорского двора и уделов графу В. Б. Фредериксу о том, какие советы он давал монарху по государственным вопросам, то министр двора ответил, что «никогда бы этого себе не позволил, и государь этого не допустил бы. Государь не любил, когда к нему без спроса обращались...»⁴³. Чинов своей свиты царь, несмотря на близость и расположение к ним, никогда не допускал в область государственных дел⁴⁴. В межреволюционный период Николай II даже с родственниками не любил обсуждать политические проблемы⁴⁵.

Император всероссийский выступал в качестве не только «хозяина Земли Русской» (известное определение самого Николая II), но и главы династии – на рубеже XIX и XX веков весьма многочисленной. Монарх был обязан зорко следить за поведением своих родственников и пресекать нежелательные действия.

Николай II не сумел держать династию «так строго, как держал его отец, что, впрочем, довольно естественно, ввиду того, что при вступлении на престол он был очень молод»⁴⁶. Тем не менее, он также помнил о

своих обязанностях как главы царствующей семьи, о необходимости демонстрировать свой авторитет в этой сфере. В 1897 году он писал своему дяде, великому князю Владимиру Александровичу, в ответ на его некорректное поведение в отношении царской четы: «Не забывая, что я стал главой семейства и что я не имею права смотреть сквозь пальцы на действия кого бы то ни было из членов семейства, которые я считаю неправильными или некорректными»⁴⁷.

Таким образом, последний российский император обладал стройными, логически обоснованными взглядами о своих задачах и обязанностях. Исследование его представлений помогает понять логику принятия ключевых решений человеком, который в течение 23 лет был носителем верховной власти в России, а, следовательно, и помогает объяснить происшедшие события в нашей стране в переломный период ее истории.

¹ Ходнев Д. Император Николай II – державный вожь российской армии (по воспоминаниям рядового офицера) // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. – М., 2008. – С. 115.

² Обручев Н. Подлинный облик Царя-Мученика как человека, Христианина и Монарха // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах... – С. 298.

³ Данилов Ю. Н. На пути к крушению: очерки из последнего периода русской монархии // Конец российской монархии. – М., 2002. – С. 297.

⁴ Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. – 1965. – Т. 77. – С. 247. Запись от 9 октября 1904 г.

⁵ Куликов С. В. Император Николай II и Государственная дума: неизвестные планы и упущенные возможности // Таврические чтения-2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. – СПб., 2008. – С. 17–18.

⁶ Дневники и документы из личного архива Николая II. – Минск, 2003. – С. 184. Письмо императора Николая II Н. А. Маклакову от 18 октября 1913 г.

⁷ Допрос И. Г. Щегловитова, 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. – Л.; М., 1925. – Т. II. – С. 437–438. О попытке императора в 1913–1914 гг. пересмотреть основные законы см. также: Аврех А. Я. Царизм и IV Дума: 1912–1914 гг. – М., 1981. – С. 110–117.

⁸ Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры. – М., 2008. – С. 212.

⁹ Обручев Н. Указ. соч. – С. 232–233.

¹⁰ Император Николай II – великому князю Сергею Александровичу, 10 апреля 1895 г. // Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II: Док-ты и мат-лы (1884–1909 гг.). – СПб., 2009. – С. 288.

¹¹ Цит. по: Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903. – М., 1973. – С. 67.

¹² Лукоянов И. В. Николай II // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. 2008: Революционный терроризм и русская революция. – СПб., 2008. – С. 74.

¹³ Коковцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания. 1903–1919 гг. – М., 1992. – Кн. 1. – С. 188.

¹⁴ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. – Л., 1981. – С. 60.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 586. Оп. 1.

Д. 950. Л. 17–17об. Письмо императора Николая II к В. К. Плеве от 7 апреля 1902 г.

¹⁶ Там же. Л. 22. Письмо императора Николая II к В. К. Плеве от 1 января 1904 г. В нём император выражал недовольство оппозиционной деятельностью тверских земцев.

¹⁷ Там же. Л. 23. Письмо императора Николая II к В. К. Плеве от 4 января 1904 г.

¹⁸ Цит. по: Соловьев Ю. Б. Указ. соч. – С. 91.

¹⁹ Переписка Николая и Александры Романовых. – М.; Л., 1927. – Т. V. – С. 213. Письмо императора Николая II императрице Александре Фёдоровне от 23–24 февраля 1917 г.

²⁰ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 541.

²¹ Коковцов В. Н. Указ. соч. – Кн. 1. – С. 238.

²² Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. – М., 2007. – С. 107.

²³ Коковцов В. Н. Указ. соч. – Кн. 1. – С. 80.

²⁴ Сазонов С. Д. Воспоминания. – М., 1991. – С. 239.

²⁵ Показания А. Д. Протопопова, 10 июня 1917 г. // Падение царского режима. – Л., 1925. – Т. IV. – С. 23; Данилов Ю. Н. На пути к крушению... – С. 214, 289.

²⁶ Романов К. К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. – М., 1998. – С. 232. Запись от 18 мая 1896 г.

²⁷ Зайончковский П. А. Указ. соч. – С. 31. Об этом же см.: Ерошкин Н. П. Российское самодержавие. – М., 2006. – С. 300.

²⁸ Шайдицкий. Государь Император солдат и Верховный Вождь // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах... – С. 142.

²⁹ Это желание сформировалось у императора ещё задолго до войны. См.: Сухомлинов В. А. Воспоминания. Мемуары. – Минск, 2005. С. 252.

³⁰ Флоринский М. Ф. К истории политического кризиса лета 1915 г. // Дом Романовых в истории России. – СПб., 1995. – С. 237.

³¹ Допрос Н. А. Маклакова, 1 мая 1917 г. // Падение царского режима. – Л., 1925. – Т. III. – С. 103.

³² Допрос ген. А. А. Поливанова, 25 августа 1917 г. // Падение царского режима. – М.; Л., 1927. – Т. VII. – С. 68. Также см.: Бубнов А. Д. В царской Ставке // Конец российской монархии... С. 77; Жильяр П. Император Николай II и его семья. – М., 1991. – С. 128.

³³ Шайдицкий. Указ. соч. – С. 147.

³⁴ Показания С. П. Белецкого, 20 июля 1917 г. // Падение царского режима... – Т. IV. – С. 492; Допрос С. П. Белецкого, 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. – М.; Л., 1926. – Т. V. – С. 249.

³⁵ Коковцов В. Н. Указ. соч. – Кн. 1. – С. 226.

³⁶ Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. // Красный архив. – 1932. – Т. 1–2 (50–51). – С. 188.

³⁷ Лукоянов И. В. Распутин Григорий Ефимович // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. 2008... – С. 88. См. также: Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. – М., 1976. – С. 235–236.

³⁸ Таубе М. А. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). – М., 2007. – С. 191.

³⁹ Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. – М., 1989. – С. 24.

⁴⁰ Данилов Ю. Н. На пути к крушению... – С. 211, 294.

⁴¹ Допрос В. Н. Воейкова, 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима... – Т. III. – С. 61.

⁴² Шавельский Г., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. – М., 1996. – Т. 1. – С. 336.

⁴³ Допрос графа Фредерикса, 2 июня 1917 г. // Падение царского режима... – Т. V. –

С. 33.

⁴⁴ Шавельский Г., протопресвитер. Указ. соч. – Т. 1. – С. 338–340.

⁴⁵ Думин С. В. Романовы: Императорский дом в изгнании: семейная хроника. – М., 1998. – С. 16.

⁴⁶ Витте С. Ю. Воспоминания. – Таллинн; М., 1994. – Т. 1. – С. 168. См. также: Данилов Ю. Н. На пути к крушению... – С. 291.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 619. Л. 61об.–62. Письмо императора Николая II великому князю Владимиру Александровичу от 29 января 1897 г.

В. Л. Еремеева

*Аспирант Костромского государственного университета
имени Н. А. Некрасова
(г. Кострома)*

Российская империя в цифрах

Любое государство нуждается в точных и своевременных поступающих сведениях о протекающей в его границах жизни. И какими бы сухими цифрами ни располагала по этому вопросу статистика, наиболее полную картину жизни могла дать только эта наука. Однако до середины XIX века вопрос о научности статистики ещё только решался среди научной элиты Российской империи. Тем не менее, все учёные единогласно считали скорейшей необходимостью развитие и организацию государственной статистики ¹. Только государство в состоянии собрать наиболее полные статистические данные, и только оно может правильно организовать их в интересах прогресса ². Нельзя не отметить и тот факт, что наряду с развитием интереса к самой науке, внимание к ней со стороны государства всегда возрастало именно в период реформ, ибо статистика относится к той категории научных и управленческих дисциплин, которые позволяют, опираясь на прошлое и анализируя настоящее, прогнозировать будущее. Социальные преобразования (в частности, крестьянская реформа) способствовали становлению статистики, превращению ее в точную науку. Однако имела место и обратная связь – становление статистики, в свою очередь, в определённой мере способствовало реформированию экономики страны. Трудно спорить с тем, кто считает, что статистика стала одним из инструментов управления социально-экономическими процессами, укрепления Российской империи, развития имеющегося потенциала всех ее составляющих.

Для правящей династии всегда был характерен поиск новых и более эффективных методов управления. Вступивший на престол Александр II, будучи сторонником гибкого подхода к вопросам внутренней политике, решился на крупные социальные преобразования. По его указанию были созданы дворянские губернские комитеты по подготовке крестьянской реформы. Затем, в 1863 году, было утверждено положение об устройстве

статистической части при Министерстве внутренних дел. В нём предусматривалось создание Статистического совета и Центрального статистического комитета. Предметом деятельности Статистического совета являлось: «установление правильнейших и вернейших способов собирания и обработки статистических сведений в империи и однообразное направление всех работ по сей части»³. Статистическому совету поручалось обсуждение способов производства всех статистических работ и мероприятий, касающихся сбора сведений по всей империи и требующих содействия разных ведомств, обсуждение производства частных статистических работ отдельных ведомств и установление общей формы для издания, улучшение способов регистрации статистических данных, получаемых из разных ведомств. Положительным моментом также являлось то, что среди обязательных членов Статистического совета был академик императорской Академии наук по кафедре статистики, профессор той же кафедры Санкт-Петербургского университета, председательствующий в Отделе статистики Русского географического общества. Кроме того, в Статистический совет приглашались лица, от которых можно было бы ожидать полезного содействия⁴. Центральный статистический комитет был создан для сбора, проверки, обработки статистических данных по разным отраслям государственного управления, при этом ему давалось право требовать статистические материалы от всех учреждений (за исключением секретных сведений). Центральный комитет собирал и обрабатывал данные, которые в первую очередь были необходимы для земских повинностей, а также по тем вопросам, которые выдвигались на основаниях Статистического совета, или исполнял поручения Министерства внутренних дел. Очень многое в организации работы комитета зависело от его председателя. Так, с 1863 по 1882 годы этот пост занимал выдающийся статистик, экономист, географ, общественный деятель Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский. Он понимал, какую положительную роль могло сыграть участие России в работе Международных статистических конгрессов, на сессиях которых собиралось значительное число учёных и представителей государственных органов, где происходил широкий и систематический обмен информацией⁵. Неудивительно, что 8-я сессия Международного статистического конгресса проходила в Санкт-Петербурге в 1872 году, где чётко указывалось на необходимый тандем власти и науки: «Статистика входит во все отрасли человеческого и везде может иметь применение. С другой стороны, правительства сознали ту же потребность под влиянием чисто практических целей: обложения и сбора податей, рекрутской повинности и других. Отсюда явилось сближение на этом поле представителей науки и представителей власти. Правительства нуждались в людях, способных обработать статистический материал, а учёные осознавали свое бессилие собрать этот материал своими средствами, без помощи правительства»⁶.

Административная статистика, таким образом, сложилась в целостную структуру, третьей ступенью которой были губернские статистические комитеты. Именно они организовывали сбор данных на местах, на них возлагался тяжелый труд первоначальной обработки информации⁷. Параметры обширных программ, которых требовало от местных комитетов правительство, были очерчены довольно слабо, о способах же сбора точных данных задумались лишь в 1864 году. А в ежегодно предоставляемые сведения входили данные о посевах, урожае хлебов по уездам, отдельно по землям владельческим и крестьянским, фабриках, заводах, с указанием числа предприятий, суммы производства и количества рабочих, об естественном движении населения по городам и уездам, о числе и роде преступлений и т. д. Сборы таких сведений организовывали не сами статистические комитеты – они получали готовые сведения от административных и других местных органов и придавали им форму статистических таблиц⁸. В дореформенный период открытые статистических комитетов шло довольно медленно, однако последовавшая в 1860 году реорганизация несколько упорядочила их и способствовала развитию административной статистики в губерниях.

Нельзя не отметить, что с каждым годом деятельность статистических комитетов отмечалась всё большими положительными достижениями. Если первоначально статистика рассматривалась как ненужная роскошь, то с 1870-х годов отмечается рост интереса к статистическим исследованиям. Возросла ответственность и активность местного управления в вопросах развития статистики. В целом развитие губернских статистических комитетов гармонично вписывалось в расцвет всей административной статистики. И на местах эти положительные тенденции реализовывались в краеведении, различных исследованиях по истории и культуре края, в которых принимали участие самые разные представители общества.

В этой связи нельзя не отметить огромный вклад научных обществ Российской империи. История их создания также тесно связана с покровительством государства. Типы организаций формировались под влиянием их востребованности не только обществом, но и самой властью. Примером могут служить такие авторитетные и долговечные организации, как Общество истории и древностей российских и, пожалуй, самое известное – Русское географическое общество (РГО), посвятившее себя такому важному делу, как изучение земель, народов, ресурсов и т. д. Это общество имело статус императорского, что обеспечило ему не только щедрые субсидии, но и покровительство высшей власти, полувековое председательство в нём великого князя Константина Николаевича. Поддерживая исследовательскую активность, РГО наладило связи со всеми местными краеведческими обществами, постоянные контакты со статистическими комитетами всех губерний Российской империи. Ещё в 40-е годы XIX века оно приглашало к сотрудничеству широкие слои населения. Грамотное составление анкет и денежные премии

стимулировали интерес населения к статистическим работам.

В целом, нужно отметить всё более возрастающий интерес государственной власти к исследовательской и статистической работе. Период с 1862 по 1897 годы характеризуется широким исполнением в статистической практике различных обследований и переписей. Одной из главных была перепись населения 1897 года, проводившаяся под руководством П. П. Семёнова-Тян-Шанского. Она прошла успешно, и результаты были опубликованы в двух томах «Общего свода по империи результатов разработки всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 года». Кроме того, в разные годы проводились переписи сельскохозяйственных машин и орудий, конские переписи, промышленные (под руководством В. Е. Варзара – основоположника промышленной статистики).

Становление статистической науки в Российской империи красноречиво доказывает, что успех этой науки связан с развитием общества и государства, осознанием правящей властью социально-экономических потребностей страны, необходимостью принимать ответные решения, тем более, что вопросы исторического прошлого науки имеют прямое отношение к сегодняшнему дню: «...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в развитии проходило, и с точки зрения этого смотреть, чем данная вещь стала теперь...»⁹.

¹ Анучин Е. Значение статистики как науки и Международный статистический конгресс. – СПб., 1872. – С. 14-16.

² Российская государственная статистика. – М., 1996. – С. 9.

³ Мнение Государственного совета с резолюцией императора Александра II «Быть по сему» // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2. – Т. 38. – Отд. 1.

⁴ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917 / В 4-х т. – СПб., 2001. – Т. 2: Центральные государственные учреждения. – С. 47.

⁵ Золотарёв А. М. Записки военной статистики России. – СПб., [б. г.]. – Т. 1: Теория статистики. Обзорение России. Вооруженные силы. – С. 30.

⁶ Международный статистический конгресс в Петербурге // Неделя. – 1873. – 13 августа. – № 11. – С. 365.

⁷ Положение о губернских статистических комитетах от 26 декабря 1860 года // Полное собрание законов Российской империи. – Т 9. – С. 7484.

⁸ Гозулов А. И. История отечественной статистики. – М., 1957. – С.24.

⁹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений / Изд. 5-е. – Т. 39. – С. 67.

М. Г. Нечаев

*Кандидат исторических наук,
доцент Пермского государственного технического университета
(г. Пермь)*

Роль Серафимо-Алексеевского скита Белогорского монастыря и его настоятеля игумена Серафима (Кузнецова) в истории Пермской епархии

Белогорский Свято-Николаевский православно-миссионерский мужской общежительный монастырь стал пятым монастырём в Пермской епархии. Дело в том, что границы Пермской епархии первоначально совпадали с губернскими, но 29 января 1885 года из Пермской епархии выделилась Екатеринбургская. После разделения в составе Пермской епархии сохранилось 4 монастыря, 402 церкви и 791 часовня, а на территории Екатеринбургской епархии насчитывалось 11 монастырей, 446 церквей и 450 часовен. Именно в этот период епархиальный миссионер Стефан Луканин стал вести поиски мест под новый монастырь.

20 января 1897 года св. Синод утвердил Белогорский монастырь в качестве штатного, а иеромонаха Варлаама назначили его настоятелем. Буквально на глазах Белогорский Свято-Николаевский православно-миссионерский мужской общежительный монастырь превращается в центр монашества в Пермской епархии и занимает достойное место в ряду известнейших российских монастырей.

На необитаемой ранее горе, среди непроходимой дикой местности за каких-то двадцать с небольшим лет появилась, как в сказке, величественная обитель, где проживало более 4000 человек, в том числе 400 монашествующих и послушников.

Белогорский монастырь был устроен по афонскому образцу. Согласно этим монастырским правилам, в храм на службу должна была приходиться вся братия, включая мальчиков послушников. Кто не приходил без причины, тому полагалось сто поклонов во время обеденной трапезы перед всей братией, а постриженные монахи в келье делали ещё двести, умоляя Бога о помиловании за леность. Нельзя было отлучаться во время службы. Воспрещалось в кельях громко петь и разговаривать, иметь музыкальные инструменты. Непременным условием послушания, независимо от места его исполнения, было молчание. В монастыре запрещались ссоры и объединения в содружества. В кельях монах обязан был хранить чистоту и не позволять излишнего убранства и роскоши. Вход мирским людям в кельи под любым предлогом строго возбранялся. Каждый из братии избирал себе в руководство особого старца или

руководителя, показывающего ему пример и оказывающего поддержку в многотрудной монастырской жизни.

В 3 часа ночи начиналось богослужение на Белой горе. Затем монастырская братия трудилась с 6 утра до обеденного колокола. После этого – обед, короткий отдых и вновь работа до 18 часов вечера. С 18 часов проходили знаменитые белогорские всенощные бдения, продолжавшиеся вплоть до часу ночи. Строго следили за тем, чтобы богослужение совершалось по правилам и без сокращений. Монахам запрещалось брать с богомольцев деньги за свои труды, а также пожертвования, как денежные, так и вещевые. Воистину прав был один из паломников, писавший о Белогорском монастыре: «Обитель молитвы, поста и труда!».

Труд иноков и инокинь стал основой процветания монастырей. Посещавшие Белогорский монастырь не переставали удивляться, как удалось создать такое налаженное, добротное хозяйство. На это отвечал Серафим (Кузнецов), начальник Свято-Серафимо-Алексеевского скита при Белогорском монастыре: «Пусть осуждающие попытаются, поживут в монастыре, и тогда они познают слабость и немощь своего естества и уразумеют, какого в монастыре дармоедничать... нет, жизнь монаха весьма скорбная и трудная!.. И если бы его не подкрепляла божественная благодать, немощь врачующая, то не вынести никому монашеских трудов и подвигов. Монашествующие трудятся непрестанно, свободного времени у них нет нисколько». Посетивший Белую гору в 1914 году епископ Пермский и Соликамский Андроник¹ записал в книге почётных посетителей: «Трудом и подвигом создавалась Белогорская обитель. Это да будет ей украшением и силой на многие лета»².

Свидетельством высокого духовного взлёта обители стало учреждение старчества, а для уединения старцев основали монашеский скит. Скит – особый тип монастырской жизни. Слово «скит» происходит от названия одного из пустынных мест в Египте, в котором в IV-V веках были уединённые поселения монахов. В церковно-административном отношении скит подчинялся настоятелю монастыря. В православной энциклопедии так характеризуют скит: «Скит – пустынная, уединённая обитель, где живут монахи, препровождая время в молитве, Богомыслии, рукоделии и прочих делах милости духовной и телесной. Устав скитского жития, по сравнению с общемонастырским, отличается большей строгостью»³.

Скиты устраивались при больших монастырях, в большем или меньшем от них отдалении, для отшельников. К 1917 году в России было 68 скитов (55 мужских и 13 женских). В скитах жили старцы или монахи великой схимы (схимонахи). В России того времени говорили: «Скит для монашества и благочестия, что академия для науки».

По поводу появления Серафимо-Алексеевского скита в современной литературе появилась несостыковка по датам. Ряд авторов считает, что скит появился 24 июня 1904 года, когда заложили первый скитский деревянный

храм в честь преподобного Серафима. В справочных изданиях Пермской епархии указано, что он основан в год открытия св. мощей Серафима Саровского в 1903 году по инициативе и заботе белогорского иеромонаха Серафима⁴. В известной книге священника Иакова Шестакова «Описание монастырей Пермской епархии» говорится о появлении скита 2 июня 1902 года⁵. В этот день в пяти верстах от Белогорского монастыря был устроен скит, а место для храма было освящено преосвященным Иоанном (Алексеевым)⁶. По преданию, началом уединённого белогорского скита, получившего впоследствии название Серафимо-Алексеевского, считают 10 сентября 1902 года, когда Георгий Михайлович Кузнецов (будущий игумен Серафим) в пяти верстах от монастыря поставил небольшой деревянный крест.

Однако на самом деле такая несогласованность в датах вполне объяснима. Епископ Пермский и Соликамский Иоанн в июне 1902 года посетил Белогорский монастырь для того, чтобы освятить место для строительства храмов. 2 июня 1902 года прошло освящение места под будущий скит, где впоследствии он и был устроен, а буквально через 22 дня – 24 июня – Пермский епископ Иоанн в присутствии начальника губернии генерал-лейтенанта Д. Г. Арсеньева при стечении 10 000 паломников и богомольцев совершил закладку каменного трёхпрестольного храма «во имя Воздвижения честного и Животворящего Креста Господня, честного славного пророка и Предтечи Господня Иоанна и святителя Христова Николая, Мирликийского чудотворца, в память события 29 апреля 1891 года – спасения жизни Государя Императора Николая II в городе Отсу». В этот же день пермский владыка возвёл настоятеля Белогорского монастыря иеромонаха Варлаама (Коноплёва) в сан игумена. На строительство Крестовоздвиженского собора император Николай II пожертвовал 3 000 рублей. Однако стоимость храма по смете составила грандиозную по тем временам сумму – 228 736 рублей. 7-9 июня 1917 года состоялось торжественное освящение Крестовоздвиженского соборного храма в присутствии около 30 тысяч человек. Его строительство завершило создание великолепного монастырского комплекса.

10 сентября 1902 года у небольшой речки Бырминки Георгий Кузнецов с послушником Иаковом Поповым поставил на освященном месте небольшой деревянный крест как залог будущей обители⁷. Георгий Михайлович Кузнецов родился 3 августа 1875 года в купеческой семье в городе Чердыни Пермской губернии, где до сих пор сохранился скромный деревянный дом Кузнецовых. Как вспоминал впоследствии будущий игумен, в 1894 году он поехал на Афон с «твёрдым намерением остаться в Жребии Пречистой безвозвратно, но Божественное Провидение устроило не так: доехав до Перми, по непредвиденным обстоятельствам я возвратился обратно на родину, окончил все связи с миром и, отслужив земному Царю положенный священный долг каждого верноподданного, вместо Афона попал на Белую гору – этот чудный Сибирский

Афон»⁸. Когда Георгий Кузнецов писал о «священном долге каждого верноподданного», он имел в виду службу в армии. Отслужив в армии, Георгий Кузнецов в 1897 году в возрасте 21 года поступил послушником в Белогорский Свято-Николаевский мужской миссионерский монастырь. Здесь он нёс послушание в монастырской канцелярии (письмоводителем, а затем заведующим канцелярии) и трудился в приюте для мальчиков-сирот⁹.

В мае 1898 года настоятель Белогорской обители о. Варлаам (Коноплёв) вместе с письмоводителем послушником Георгием Кузнецовым посетил Саров, Глинскую, Софрониеву, Оптину, Тихонову пустыни, Троице-Сергиеву, Киево-Печерскую и Почаевскую Лавры, Валаам¹⁰.

9 июля 1902 года рясофорного послушника¹¹ Георгия Кузнецова постригли в монахи. В 1903 году он стал вместе с делегацией от Пермской епархии участником торжеств в Сарове, посвящённых прославлению преподобного Серафима Саровского (он неоднократно там бывал и позднее). В этом же году инок Георгий был пострижен в мантию под именем Серафим¹².

29 января 1903 года святейший Синод постановил: «благоговейнаго старца Серафима, почивающаго в Саровской пустыни, признать в лике святых, благодатию Божией прославленных, а всечестные останки его — святыми мощами и положить оные в особо уготованную усердием Его Императорскаго Величества гробницу для поклонения и чествования от притекающих к нему с молитвою»¹³. 17 июля 1902 года их императорские величества государь император Николай II и государыня императрица Александра Феодоровна прибыли на открытие святых мощей преподобного в Саровский монастырь. Среди высочайших особ присутствовали также мать царя государыня императрица Мария Феодоровна, великая княгиня Ольга Александровна с августейшим супругом, великий князь Сергей Александрович с супругою великой княгиней Елизаветой Феодоровной, а также высшие государственные сановники. Торжественное прославление преподобного Серафима Саровского состоялось 19 июля 1903 года. В Сарове в тот день собралось не менее трехсот тысяч человек¹⁴.

Царская чета молилась у святых мощей угодника Божия Серафима в дни его прославления в Саровском монастыре о даровании ей наследника престола. Царица Александра Феодоровна ночью купалась в целебном источнике святого Серафима. 20 июля 1903 года царь с царицей посетили Серафимо-Дивеевский монастырь, блаженную Прасковью Ивановну (Пашу Саровскую), предсказавшую рождение наследника. 30 июля 1904 года родился наследник престола цесаревич Алексей. Царь записал в дневнике: «Незабвенный великий для нас день, в который так явно посетила нас милость Божия... родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем»¹⁵.

В честь этих событий — канонизации Серафима Саровского и рождения наследника цесаревича Алексея Николаевича — скит был

назван Серафимо-Алексеевским. И хотя сам скит появился в 1902 году, датой официального его рождения стали считать день торжественного открытия мощей великого Саровского подвижника – 19 июля 1903 года.

Средства на устройство обители пожертвовала семья пермского купца Павла Степановича Жирнова¹⁶. 24 июня 1904 года епископ Пермский и Соликамский Иоанн заложил первый скитский деревянный храм в честь преподобного Серафима. В этом же году Серафим (Кузнецов) стал иеродьяконом. Почти через год, 22 июня 1905 года, другой пермский епископ Никанор (Надеждин)¹⁷ освятил построенный храм. В этом храме был замечательный иконостас, сделанный в миниатюре по образцу Московского Успенского собора. Главной святыней храма стала икона преподобного Серафима, освящённая в Сарове митрополитом Санкт-Петербургским Антонием¹⁸.

В этот же день при освящении первого скитского храма епископ Пермский и Соликамский рукоположил иеродиакона Серафима (Кузнецова) в сан иеромонаха. Спустя несколько дней, 30 июня 1905 года, совершили закладку пещерного храма в память основателей русского монашества Антония и Феодосия, а также всех пещерских чудотворцев, а 2 сентября того же года вырытый в склоне горы у речки Бырмы храм был освящён. В храме была икона всех пещерских чудотворцев, с частицами святых мощей преподобного Дамиана Целебника¹⁹. Насельники скита при храме вырыли уединённые пещеры для более безмолвного жития²⁰.

Ещё две реликвии хранились в скиту: большой крест из масляного дерева с частицами от честного животворящего древа креста Господня и кипарисная рака, в которой почивали части святых мощей многих угодников Божиих²¹. Эти реликвии были собраны Серафимом (Кузнецовым) во время паломничества на православный восток весной 1908 года. Побывав в Стамбуле (Константинополе), на Святой Земле и на св. горе Афон, он был принят патриархами – Иерусалимским Дамианом и Вселенским Иоакимом III (Деведжи), получив от них благословение и святыни²². Серафим (Кузнецов) привёз оттуда в свой скит замечательные святыни, дарованные восточными патриархами и настоятелями монастырей святой Афонской горы: крест с частицами от честного животворящего древа креста Господня, камень от Голгофы, раку с частицами святых мощей угодников Божиих – Иоанна Крестителя, апостолов Андрея Первозванного, евангелистов Луки и Марка, пророка Исаяи, Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, великомученика Георгия Победоносца, целителя Пантелеймона, камень от гроба Богоматери и многие другие, придававшие святость скиту в глухом месте. Над царскими воротами Серафим поместил икону Божией Матери «Достойно есть» с частицами мощей священномученика Харалампия и преподобного Евфимия Афонского, благословение настоятеля Андреевского скита на Афоне²³. О поездке на Афон и в Иерусалим Серафим подробно рассказал в книге «Путевые впечатления,

поездка в Иерусалим и на Афон в 1908 году», изданной в 1910 году в Санкт-Петербурге, а к 1912 году его книга была переиздана уже шесть раз²⁴.

Скиты бывали общежительные и пустынножительные с уединёнными кельями, недоступными даже для братии. Устав Серафимо-Алексеевского скита так же, как и в монастыре, был общежительным, однако, по сравнению с общемонастырским, отличался большей строгостью. Возбранялся вход женскому полу, за исключением трёх дней в году: 19 июля, 17 августа и на второй день праздника Всех святых. Пища всё время года полагалась постная – растительная и рыбная; молока, яиц и чаю не позволялось, а вместо чаю пили чистую горячую воду. Особым порядком совершалась в скиту церковная служба. Каждый новый день начинался с полунощницы – службы, совершаемой в 12 часов ночи, затем была утренняя, которая кончалась в 6 часов утра, и литургия, проходившая с 7 до 10 часов. Затем шла пополудня, вечерняя, повечерие, и только в 8 часов вечера скитники отходили на ночной отдых.

Кроме церковных уставных служб, в скиту исполнялось монашеское, так называемое «тысячное», правило: 300 поклонов земных, 100 поясных и 600 молитв в день. В 11 часу дня «для более слабых» бывал завтрак из одного холодного блюда, а духовно укрепившиеся ограничивались лишь обедом в 3 часа, за которым подавалась горячая вода. Скитник и в скиту являлся отшельником и молчальником. Каждый жил в отдельной келье и видел своих собратьев лишь в безмолвные часы продолжительных богослужений или в минуты общего обеда на трапезе.

В отчете обер-прокурора св. Синода императору за 1911-1912 годы было отмечено особо благочестие иноков скита: «По сообщению преосвященного Пермского в подчинённом Белогорскому Николаевскому миссионерскому монастырю Серафимо-Алексеевском ските в значительном числе живут иноки, ищущие безмолвия и постоянной молитвы. Строгим выполнением иноческих обетов отличается и сам Белогорский монастырь, но ещё более строгий устав соблюдается в скиту»²⁵.

В 1907 году в типографии уездного города Кунгура была напечатана книга Серафима (Кузнецова) «Скитский насельник». В этой книге автор пишет не только о роли и месте скита в монастырской и церковной жизни, но и подчеркивает роль «скитского насельника» в «миру»: «Насельники скита, лично хотя и ушли из мира, но внимательно следят за мировой жизнью ради блага мира, глубоко и серьёзно исследуя общественный строй жизни. Из тихих лесных келий они внимательно всматриваются в мир, думают и страдают за него и молитвою и делом стараются помочь ему... Помимо чисто религиозного значения монастыри имеют важное значение в государственном и политическом отношении. Насельники идеальных монастырей по своему духовному настроению всюду и везде проводили дух поучения и дисциплины. Они были всегда неизменными

преданными друзьями Богом установленной власти, друзьями не из боязни, не по земным соображениям, а по глубокому убеждению и святому долгу»²⁶.

Не случайно в начале XX века Белогорский монастырь становится центром монастырского благочиния в Пермской епархии. Кстати, должность «благочинных монастырей», уполномоченных надзирать за настоятелями монастырей и вверенной им монашеской братии, а также разбирать распри и проступки монашествующих и с согласия настоятелей налагать на виновных эпитимию, была учреждена св. Синодом ещё в 1779 году.

25 июля 1905 года епархиальное начальство поручило игумену Белогорского монастыря отвечать за все женские монастыри епархии, а указом от 14 января 1910 года надзор за монастырями был сосредоточен в руках одного благочинного – настоятеля Белогорского монастыря Варлаама. Раньше за мужские монастыри отвечал архимандрит Хрисанф – настоятель Соликамского Свято-Троицкого монастыря. В этом же 1910 году Варлаама возводят в сан архимандрита²⁷. В связи с этими назначениями один из церковных публицистов пишет: «Отец Варлаам, ныне архимандрит, руководитель совести; это лицо, которому поручают себя люди-миряне, точно так же, как монахи, ищущие спасения и сознающие свою немощь»²⁸.

Белогорские монахи во главе со своим настоятелем, став строителями новых монашеских обителей, вызвали буквально монастырский бум. Если в начале XX века монастырей в Пермской епархии насчитывалось 5, то к 1917 году их уже было 19.

«Благочестивый юноша» Александр Моздокон, совершая паломничество на Белую гору, попросил у настоятеля Варлаама напутствие на святое дело устройства обители на горе Благодатной. Такое название горе присвоили потому, что всякий бывающий на ней, видя чудные окрестности, невольно восклицал: «Какая здесь благодать!». С горы Благодать можно было увидеть, с одной стороны, Пермский кафедральный собор и, с другой стороны, – Крестовоздвиженский собор Белогорского монастыря. 20 сентября 1905 года на горе Благодать (в 40 км к юго-западу от Перми и в 4 км от казённого Юговского завода) иеромонахи Белогорского монастыря вместе с Александром Моздоконным установили небольшой деревянный крест, заменённый в ноябре того же года большим, обитым белой жстью. Освящение его состоялось летом 1906 года, а через два года состоялось торжественное освящение игуменом Варлаамом Благодатного храма во имя Святой Троицы. «Благочестивый юноша» вскоре становится иеромонахом и настоятелем Благодатного Свято-Троицкого мужского общежития, основанного в память рождения наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича²⁹.

В 1907 году белогорские иноки создали Фаворскую Спасо-Преображенскую мужскую общину на реке Каме, в 5 км от села Елово

Осинского уезда. В 1910 году эта община была утверждена св. Синодом в качестве пустыни, а в 1916 году ей был дан статус монастыря, причём к этому времени обитель была крупнейшая в епархии, после Белогорской. В феврале 1912 года архимандрит Варлаам назначил игуменом мужской Фаворской Преображенской пустыни Осинского уезда Ювеналия (Ивана Кельсиевича Килина)³⁰ – своего келейника и ближайшего помощника. 19 июля 1912 года Ювеналий был возведён в сан игумена в Петроградской Благовещенской церкви Синодального подворья Пермским епископом Палладием. На новом служении отец Ювеналий прославился ревностным храмостроительством: в 1912 году был закончен Спасо-Преображенский собор, а в 1915 году были воздвигнуты Казанская домовая церковь и летний Кресто-Воздвиженский храм. В 1915 году он был назначен на должность благочинного всех монастырей Пермской епархии, а 24 июня 1916 года возведён в сан архимандрита³¹.

При содействии Белогорского монастыря в 1915 году около деревни Новая Кунгурского уезда образовалась Ново-Иверская мужская обитель. В этом же году, также по инициативе насельников Белогорского монастыря и при их участии, в Кунгурском уезде начал сооружаться Шамарский Елизавето-Марининский женский миссионерский монастырь в память пребывания на пермской земле великой княгини Елизаветы Фёдоровны. Белогорские монахи приняли деятельное участие в открытии Благовещенской иноческой мужской общины около Чусовского завода Пермского уезда и в создании Спасо-Преображенской мужской общины в Рябовской волости Осинского уезда в 1913 году. Заведовал этой последней общиной, которая должна была бороться с «штундо-баптизмом»³², белогорский монах Никандр.

Серафим (Кузнецов) вместе с насельниками скита также активно участвовал в создании и строительстве монашеских обителей. Он написал книгу в 3-х томах «Иноческие уставы женских монастырей». Серафим (Кузнецов) принимал участие в работе I Всероссийского иноческого съезда 5-13 июля 1909 года в Троице-Сергиевой лавре, а в 1912 году в Кунгуре вышла его книга об этом съезде.

Именно Серафим (Кузнецов) стал инициатором преобразования Бахаревской богадельни в Серафимо-Алексеевский Богородице-Казанский женский монастырь. Бахаревская общежительная богадельня в деревне Бахаревой, в 8 верстах от города Перми, была открыта 1 января 1877 года. Однако уже с 1889 года она оказалась в ведении Министерства внутренних дел. 31 мая 1907 года Серафим (Кузнецов) постриг в монахини свою мать – чердынскую купеческую вдову Александру Петровну Кузнецову (1854-после 1920) с именем Анастасия и командировал её в Бахаревскую богадельню для строительства новой обители. Деньгами помог потомственный почётный гражданин Павел Степанович Жирнов. Стараниями скитников и скитоначальника Серафима (Кузнецова), а также по ходатайству пермского епископа Никанора (Надеждина)

святейший Синод в 1908 году принял решение о преобразовании обители в женский общежительный монастырь, названный в память рождения наследника государя цесаревича и великого князя Алексея Николаевича. Настоятельница монастыря стала игуменья Глафира, а казначеем – монахиня Анастасия. Всего в монастыре находилось 163 монахини и послушницы³³.

Иноки скита во главе со своим скитона начальником Серафимом (Кузнецовым) не могли оказаться безучастными к событиям первой русской революции 1905-1907 годов. Пытаться что-то изменить – значит встать на путь, где можно оступиться, запятнать себя, легче наблюдать со стороны, с позиции «мы не нужны, но и не надо». В апреле 1906 года в речи, произнесённой перед выборщиками в Государственную думу, иеромонах Серафим заявил: «Я буду говорить и стоять за святую истину: за Веру, неограниченное Царское Самодержавие и Отечество – до последней капли крови!»³⁴. Кроме того, во время революции Серафим (Кузнецов) написал статью «Призыв к укреплению Веры, Царя и Отечества», изданную в 1906 году и разосланную во все концы России в десятках тысячах экземпляров. Статья эта стала лично известна императрице Александре Феодоровне, высказавшей признательность её автору³⁵. 8 декабря 1910 года император Николай II принял архимандрита Варлаама и скитона начальника Серафима в Царскосельском Александровском дворце. Во время аудиенции императору были переданы: икона святителя Николая, книга об истории Белогорского монастыря и фотоснимки обители³⁶. Серафим (Кузнецов) возложил на наследника цесаревича Алексея Николаевича серебряный крест на цепочке с частицами мощей св. Иона Предтечи, св. вмч. Георгия и частицей животворящего древа креста Господня. В дар монарху он преподнёс десять книг своих печатных трудов³⁷.

В монастыре находилась и работала своя типография, что позволяло выпускать большое количество книг, написанных в том числе белогорскими монахами. В 1912 году под общей редакцией настоятеля Серафимо-Алексеевского скита на Белой горе вышел в свет первый номер ежемесячного журнала «Голос долга». Этот журнал издавался в память 300-летия царствующего Дома Романовых и выходил ежемесячно в течение пяти лет (1912-1916 годы). Основная цель журнала – «поднятие патриотического духа в русском народе». За издательскую и публицистическую деятельность Серафима (Кузнецова) в апреле 1912 года удостоили высочайшей благодарности, а 19 августа 1912 года его возвели в сан игумена. В 1913 году игумен Серафим (Кузнецов) стал участником торжеств, посвящённых 300-летию Дома Романовых. В Москве в дни романовских торжеств он был принят Антиохийским патриархом Григорием IV (10 мая 1913 года).

Накануне первой мировой войны, 15 июля 1914 года, скит посетила великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Прощаясь с насельниками скита, она пожаловала в скит большого размера икону преподобного Серафима

с большой частью камня, на котором он молился тысячу дней и ночей. Игумену Серафиму (Кузнецову) великая княгиня подарила свой портрет в рамке с короной и своей подписью³⁸.

В годы Первой мировой войны игумен Серафим (Кузнецов) не мог остаться в стороне. Он вместе с четырьмя иеромонахами Белогорского монастыря добровольцем отправился на фронт для ведения пастырской работы³⁹.

Многим обязана наша Русь православному монашеству! Монахи на Руси были воинами, защищавшими страну от вражеских посягательств, первопроходцами, осваивающими пустынные земли, писателями, стоящими у истоков великой русской литературы, историками, старательно ведущими летописи, книжниками, оберегающими монастырские библиотеки, учителями, ведущими уроки в монастырских школах. Но самое главное, они – пример нравственного подвижничества, который помогал народу выстоять в «смутные времена» нашей трагической истории.

История Серафимо-Алексеевского скита (1902-1918 годы) занимает всего лишь 16 лет – это так мало по сравнению с 210-летней историей Пермской епархии, но трудно переоценить его появление с точки зрения укрепления позиций русской православной церкви в Прикамье. На пермской земле появился институт скитничества – для Урала это явление достаточно редкое и уникальное. За короткий 16-летний период благодаря Серафиму (Кузнецову) и насельникам скита появились новые святыни на православной карте земли пермской. Иноки скита во главе со своим скитона начальником Серафимом (Кузнецовым) не стояли в стороне от тех важных событий, которые приходились на краткий период его существования (экономический кризис, голод 1901 и 1911 годов, русско-японская война, первая и вторая русские революции, первая мировая и гражданская войны и другие) и тем самым заслужили память и уважение со стороны своих потомков.

¹ Андроник (в миру – Владимир Александрович Никольский; 1870-1918), епископ Киотский (1906-1907), епископ Холмский (1907), епископ Тихвинский (1908-1913), епископ Омский и Павлодарский (1913-1914), епископ Пермский и Соликамский, Пермский и Кунгурский (1914-1918).

² См.: История монастыря // <http://uralafon.perm.ru>.

³ Скит // Полный православный богословский энциклопедический словарь. – Спб., 1912. – С. 2074.

⁴ См.: Адрес-календарь Пермской епархии на 1909 год / Сост. дьякон Пётр Ершов. – Пермь, 1909. – С. 180; Справочная книга Пермской епархии / Сост. дьякон Пётр Ершов. – Пермь, 1911. – С. 116.

⁵ См.: Шестаков И., священник. Описание монастырей Пермской епархии. – Вятка, 1907. – С. 20.

⁶ Иоанн (Алексеев), епископ Пермский и Соликамский (05.1902 – 1.01.1905).

⁷ См.: «До последней капли крови!». Подвиг игумена Серафима: длиной в целую жизнь – серафимское горение за Царя и Отечество игумена Серафима Кузнецова // <http://>

www.luchmir.com.

⁸ Цит. по: Пермская епархия готовит материалы для канонизации основателя Серафимо-Алексеевского скита Белогорского мужского монастыря игумена Серафима // <http://on-line.perm.ru>; «До последней капли крови!». Подвиг игумена Серафима: длиной в целую жизнь – серафимское горение за Царя и Отечество игумена Серафима Кузнецова // <http://www.luchmir.com>.

⁹ Приют и церковно-приходская школа для обучения грамоте мальчиков-сирот при монастыре открылась в 1894 г. В монастыре была одноклассная церковно-приходская школа. Курс обучения в одноклассных школах продолжался три года по следующим предметам: закон Божий, русский язык, церковно-славянская грамота, пение и письмо. Сведения по отечественной истории и географии сообщались учащимся на уроках русского языка.

⁰ См.: «До последней капли крови!». Подвиг игумена Серафима: длиной в целую жизнь – серафимское горение за Царя и Отечество игумена Серафима Кузнецова // <http://www.luchmir.com>.

¹ Монах – это человек, посвятивший себя Богу через принятие обетов, которое сопровождается постригом волос, в знак служения Богу. Готовящийся к постригу в монахи и проходящий испытание в монастыре называется послушником. Монашество делится на три последовательные ступени в соответствии с принятыми обетами: рясофорный монах (рясофор) – подготовительная степень (рясофором становился послушник, которого «по усмотрению» игумена облакали в монашеские одежды, причём при этом даже «переменялось» прежнее мирское имя); монах малой схимы – принимает три обета (целомудрие, нестяжательство и послушание); и монах великой схимы (схимонах) – принимает обет отречения от всего мирского.

² См.: Марченко Алексей, протоиерей. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и начальник Серафимо-Алексеевского скита Белогорского монастыря Пермской епархии игумен Серафим (Кузнецов): История взаимоотношений // Серафим (Кузнецов), игумен. Августейшая Паломница Её Императорского Высочество Великая Княгиня Елисавета Феодоровна в Пермской губернии / Сост., вступ. ст. протоиерея Алексия Марченко. – Пермь, 2009. – С. 7-8; «До последней капли крови!». Подвиг игумена Серафима: Длинной в целую жизнь – серафимское горение за Царя и Отечество игумена Серафима Кузнецова // <http://www.luchmir.com>.

³ Цит. по: О почитании преподобного Серафима Саровского семьёй святого Царя-страстотерпца Николая II // <http://www.st-nikolas.orthodoxy.ru>.

⁴ 1 августа – обретение мощей преподобного Серафима, Саровского чудотворца // <http://www.patriarchia.ru>.

⁵ См.: О почитании преподобного Серафима Саровского семьёй святого Царя-страстотерпца Николая II // <http://www.st-nikolas.orthodoxy.ru>.

⁶ См.: «До последней капли крови!». Подвиг игумена Серафима: Длинной в целую жизнь – серафимское горение за Царя и Отечество игумена Серафима Кузнецова // <http://www.luchmir.com/JoseCortes/IgSerafim09.htm>.

⁷ Никанор (в миру – Николай Алексеевич Надеждин, 27.11.1858 – 01.11.1916), епископ Пермский и Соликамский (1905-1908), в последствии – епископ Олонецкий и Петрозаводский. Кандидат богословия.

¹⁸ Адрес-календарь Пермской епархии на 1909 год / Сост. дьякон Пётр Ершов. – Пермь, 1909. – С. 180.

¹⁹ Справочная книга Пермской епархии / Сост. дьякон Пётр Ершов. – Пермь, 1911. – С. 116.

²⁰ Адрес-календарь Пермской епархии на 1909 год / Сост. дьякон Пётр Ершов. – Пермь, 1909. – С. 180.

²¹ Справочная книга Пермской епархии / Сост. дьякон Пётр Ершов. – Пермь, 1911. – С. 116.

²² См.: Серафим (в миру – Кузнецов Георгий Михайлович), иг. (1873 – 22.02. (7.03). 1959) // <http://www.hrono.info>.

²³ См.: Чагин Г. Н. Праведный верою жив будет // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 1994. – № 1: К 380-летию восстановления российской государственности (1613-1993). – С. 74.

²⁴ См.: «До последней капли крови!». Подвиг игумена Серафима: Длинной в целую жизнь – серафимское горение за Царя и Отечество игумена Серафима Кузнецова // <http://www.luchmir.com>.

²⁵ См.: Всеподданейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1911-1912 годы. – СПб., 1913. – С. 105.

²⁶ Цит. по: «До последней капли крови!». Подвиг игумена Серафима: Длинной в целую жизнь – серафимское горение за Царя и Отечество игумена Серафима Кузнецова / <http://www.luchmir.com>.

²⁷ См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2406. Л. 20; История вновь строящегося Благодатного св. Троицкого мужского общежития Пермской губернии и уезда. – Б. м., б. г. – С. 4.

²⁸ Там же.

²⁹ Подробнее об этом см. там же.

³⁰ Ювеналий (в миру – Иван Кельсеевич Килин; 1875-1958), викарный епископ Синьцзянский (Китайский Туркестан) (1935-1941), епископ Цицикарский в г. Харбине (1941-1946), епископ Шанхайский (1946), епископ Челябинский и Златоустовский (1947-1948), архиепископ Иркутский и Читинский (1948-1949), архиепископ Омский и Тюменский (1949-1952), архиепископ Ижевский и Удмуртский (1952-1958).

³¹ См.: Ювеналий (Килин) // <http://drevo.pravbeseda.ru>; Килин Иван Кельсеевич // <http://www.ortho-rus.ru>.

³² К 1917 году в Российской империи баптистов и евангельских христиан насчитывалось примерно 150-200 тысяч человек. Удельный вес евангельских церквей на Урале был традиционно достаточно скромн. После революции 1905-1907 годов (речь идёт о пяти епархиях: Вятской, Пермской, Екатеринбургской, Уфимской, Оренбургской) количество баптистов и евангельских христиан увеличилось с 1895 до 3540 человек. В основном они селились в сельской местности, подалеже от крупных уральских городов. Пермский епископ Палладий в своём отчете в 1909 году писал: «Евангельские христиане пришли в Пермскую епархию из Уфимской губернии от немцев колонистов и пустили свои корни в Рябковской волости, Осинского уезда» (РГИА.-Ф.796.-Оп.442.-Д.2658.-Л.29).

³³ См.: Адрес-календарь Пермской епархии на 1909 год / Сост. дьякон Пётр Ершов. – Пермь, 1909. – С. 180; Справочная книга Пермской епархии / Сост. дьякон Пётр Ершов. – Пермь, 1911. – С. 112-113; Шестаков И., священник. Описание монастырей Пермской епархии. – Вятка, 1907. – С. 47.

³⁴ См.: «До последней капли крови!». Подвиг игумена Серафима: Длинной в целую жизнь – серафимское горение за Царя и Отечество игумена Серафима Кузнецова // <http://www.luchmir.com/JoseCortes/IgSerafim09.htm>.

³⁵ См.: Серафим (в миру – Кузнецов Георгий Михайлович), иг. (1873 – 22.02. (7.03). 1959) // http://www.hrono.info/biograf/bio_s/serafim_kuznec.html.

³⁶ См.: История монастыря // <http://uralafon.perm.ru>.

³⁷ См.: См.: Марченко Алексей, протоиерей. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и начальник Серафимо-Алексеевского скита Белогорского монастыря Пермской епархии игумен Серафим (Кузнецов): История взаимоотношений // Серафим (Кузнецов), игумен. Августейшая Паломница Её Императорского Высочество Великая Княгиня Елисавета

Феодорова в Пермской губернии / Сост., вступ. ст. протоиерея Алексия Марченко. – Пермь, 2009. – С. 5.

³⁸ Там же. – С. 10-11.

³⁹ См.: Вяткин В. В. История Пермской епархии в XIX – начале XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения: Дис. ... канд. ист. наук / Пермский гос. ун-т. – Пермь, 2005. – С. 161.

В. Ф. Гладышев

*Член Союза писателей России и Союза журналистов России,
председатель общества «Пермский краевед»
(г. Пермь)*

«Что-то крупное назревает»

(Новые данные о пермской ссылке великого князя
Михаила Романова)

Газета как подстрочник

Как известно, дневник Михаила Александровича Романова, который он вёл в пермской ссылке весной 1918 года, дошёл до нас лишь частично. На первый взгляд, информации в этом документе немного. Августейших лиц с детства приучали всегда вести дневник, но не откровенничать, поэтому и в романовских коротких записях мы почти не находим ни эмоций, ни чувств, ни мыслей.

Но автор приводит фамилии людей, с кем он встречался, упоминаются места, которые он полюбил, есть названия спектаклей и книг... В пермской ссылке Михаил Александрович читал две книги – какую-то французскую (занятия языком) и «Записки из мёртвого дома» Ф. М. Достоевского. Как будто готовил себя к чему-то подобному, что испытал великий русский писатель.

Из дневника Михаила Романова: «*Что-то крупное назревает*».

К такому дневнику нужно подыскивать ключ, код, чтоб разгадать, укрупнить, приблизить к себе происходящее с человеком. И такой ключ есть. Расшифровать романовский дневник нам отчасти помогут... газеты того времени, а также воспоминания участников тех событий. Однажды (задолго до пермской ссылки, в дневнике за 1917 год) Михаил Александрович признался, что не может без чтения газет и что они сейчас очень интересные. Это ещё один аргумент в споре с теми, кто пытался выдать младшего брата царя за аполитичного человека, попавшего под женский каблук. Политикой Романов-младший интересовался всегда и везде, Пермь не исключение.

И «Известия Пермского губернского исполнительного комитета» читал с острым любопытством, не пропуская ни одного номера. К такому

выводу приходишь, сопоставляя скупые дневниковые записи с газетными сообщениями. В номере Романова устраивались даже читки газеты вслух!

Возьмём для примера последнюю полосу. Здесь, как правило, под рубрикой «Местная жизнь» мы находим крупицы сведений о людях, которые наполняли досуг и скрашивали жизнь пермского ссыльного.

Прощальный бенефис госпожи Борегар

Великий князь был музыкально одарённым человеком и завзятым театралом. Он хорошо играл на гитаре, сочинил несколько пьес. (Мелодия его чудесного вальса звучит в фильме Глеба Панфилова «Романовы»). В пермской ссылке Михаил Александрович часто музицировал, вечерами ходил в загородный сад, где играл струнный оркестр, и в театр, где всегда занимал левую нижнюю ложу.

Из дневника: *«Борегар заходила к нам в нижнюю ложу».*

Кто это – госпожа Борегар, в исполнении которой Михаил посмотрел даже два спектакля – последние в своей жизни? В субботу 11 мая – «Мечта любви», а 22 мая – прощальный бенефис, для которого артистка выбрала «Нору» Генрика Ибсена.

Судя по репертуару, это была не «актёрка», как уничижительно называли иногда в ту пору представительниц лицедейского цеха, но серьёзная профессиональная актриса. Драматургия Генрика Ибсена не каждому по зубам. С другой, думаю, бывший великий князь и не стал бы близко знакомиться.

Сведения об этой женщине, одной из последних видевших Михаила Романова, удалось обнаружить в театральном музее, существующем при Пермском институте искусств и культуры. Галина Павловна Ивинских, заведующая музеем, показала несколько пожелтевших газетных вырезок. Лина Петровна Борегар – так звали актрису – приобрела известность в дореволюционные годы. Выступала во многих городах обширной империи, в основном с классическим репертуаром. Что интересно, ей удавалось выступать со сцены при всех властях. Уже при большевиках, 28 февраля 1924 года, Лина Борегар давала в Перми «прощальный бенефис по пьесе «Заза» в переводе Латернера, режиссер антрепризы Ю. В. Юренев.

После этого следы артистки теряются в неизвестности.

«Страшный балаган»

Редко, но всё же в дневниковых записях на темы культуры (не политики!) проскальзывают оценочные моменты. Это происходило почему-то, когда ссыльный посещал театр вместе со своей супругой, Натальей Сергеевной, приезжавшей в Пермь на две пасхальные недели 1918 года (уехала она 5/18 мая).

Конечно, в Перми им вспоминались другие театральные впечатления, яркие и незабываемые... Если судить по книге Розмари и Дональда Кроуфордов «Михаил и Наташа», самому подробному исследованию жизни этой пары, они старались не пропускать ни одного спектакля труппы С. П. Дягилева. А летом 1914 года русский балет приехал в Лондон, где жили в то время «счастливые изгнанники». Наталья Сергеевна пригласила артистов на ужин. Среди гостей были и звёзды русской оперы, гастролировавшие в рамках Русских сезонов, и, конечно, самый знаменитый и любимый Фёдор Шаляпин – на правах старого друга Наташи. Они были знакомы ещё с петербургских времён.

В пермском дневнике 1 (14) мая Михаил Александрович отмечает, что в театр ходили вместе с Наташей и Джонсоном, *«давал концерт Шебуев, участвовали и другие артисты»*. На следующий день они снова отправились в театр, где шёл концерт артистов Мариинского театра. И всё – ни репертуара, ни имён.

По газете «Известия Пермского губернского исполнительного комитета» удалось установить, что в это время в городском театре выступали исполнители еврейской народной музыки из Петроградского камерного ансамбля Государственного Мариинского театра. Приводились и имена артистов-лауреатов Петроградской и Московской консерваторий: С. Бейлинзон, К. Молдаван, И. Чернявский, Л. Бердичевский.

Не всё из увиденного супругам нравится, с их-то изысканным и воспитанным вкусом, но время проводить как-то надо. В воскресенье 6 мая они посмотрели в театре пьесы «Мой Бэби» и «Красивая женщина». Михаил Александрович не нашёл для них другого определения, кроме этого: *«Страшный балаган»*.

Гражданин Поляков слукавил

Более терпимо отнёсся Романов к постановке «Бездна»: *«...Кроме Казаровского и Полякова, играли плохо..., затем смотрели акт «Весёлой вдовы», под аккомпанемент пианино, но, несмотря на мизерную обстановку, было приятно слушать музыку, тем более что двое главных играли хорошо»*.

Один из «главных», артист Николай Сергеевич Поляков, 27 лет, уже на следующий день после инцидента в Королёвских номерах будет давать показания большевистскому следствию о том, что он может сказать о «похищении» великого князя. Это был очень важный свидетель! Артист не только видел похитителей в лицо, хорошо запомнил их приметы, но и разговаривал с ними. Проживал он в Королёвских номерах, в соседнем с Романовым номере – девятнадцатом. Когда поздним вечером 12 июня, около полуночи, раздался стук в дверь, Поляков выглянул из своего номера и увидел в швейцарской незнакомого человека в солдатской шинели, на правом рукаве которой он разглядел нашивку о ранении. Из

№ 12 вышел Николай Джонсон (секретарь Романова). После заявления Джонсона, что Романов болен и четвёртый день в постели, солдат ответил, что это его не касается. Предъявив какой-то мандат, он потребовал, чтобы Романов немедленно следовал за ним. И пригрозил, что иначе прибегнет к вооружённой силе.

«Дальнейшего разговора я не слышал, – показывает артист, – так как спустился вниз. Весь разговор был в очень грубой форме и на меня как на артиста произвёл впечатление наигранного...» (Документ хранится в московском архиве, публикуется впервые).

Вот этот момент, насчёт наигранности, был очень важен для следователя. Ему нужно было состряпать «дело о побеге», а для этого найти подтверждение тому, что «Мишку Романова» похитили заговорщики-монархисты, офицерё. На самом деле участники бессудной расправы и руководители города – одни и те же лица. С их ведома был изготовлен поддельный мандат, которому повиновался Романов.

Какая уж там «наигранность», вот-вот прольётся кровь!.. Артист Поляков подыграл следствию. Николай Сергеевич мог легко опознать и самих ночных визитёров, среди которых был даже начальник городской милиции. Общее руководство операцией осуществлял другой известный в Перми человек – член ВЦИК Гавриил Мясников, выступавший в том самом городском театре (на собраниях) едва ли не чаще, чем сам Поляков (судя по «Известиям» того периода). С ним Поляков столкнулся в ту роковую ночь у входа в гостиницу.

Но Николаю Сергеевичу хотелось жить. Не жить в искусстве – а просто жить...

А завтра – казнь

Интерес к новой жизни у Михаила Александровича, несомненно, был. 19 мая он отправился в театр, но представление отменили, так как собралось очень мало зрителей. Вернувшись домой, он записал: *«Очень досадно, потому что должны были играть рабочие и было бы интересно их послушать»*.

Да, не зря писатель Александр Куприн называл Михаила Романова демократом! Мы можем представить, какого зрелища лишили его в тот вечер, прочитав в «Известиях Пермского губисполкома» развёрнутую рецензию на спектакли Народного театра рабочих организаций. Весной 1918-го «вечера художественной драмы, музыки, пения и декламации» устраивались профсоюзом рабочих печатного дела города Перми. В программу включали и столичные артистические силы, благодаря чему «художественное впечатление получилось яркое и сильное».

Основной площадкой для талантов из народа была выбрана Александровская женская гимназия (ныне – Дягилевская).

Вдохновлённые успехом организаторы рабочей самодеятельности

ради эксперимента хотели выступить и с главной сцены городского театра. И если б всё же публика собралась, Михаила Александровича самодельные артисты «угостили» бы следующим: на первое – музыкальной картиной «Смерть девушки», на второе – водевилем «Гримаса жизни», на третье – дивертисментом из оперы «Пиковая дама» и «Смерть трубадура». Был в репертуаре коллектива и драматический этюд «А завтра казнь»...

Название последней вещи оказалось пророческим для ссыльного...

***«Я убеждён в правильности своего решения»
(Последний контакт со свободной прессой)***

За две недели до трагической развязки Михаил Романов принял в своём номере корреспондента Яблоновского, от центральной газеты «Свобода России». В дневнике (26 мая 1918 года) Михаил делает характерное примечание: *«Конечно, не для того, чтобы он обо мне писал в газете, а просто с ним интересно поговорить».*

Пишется это, скорее всего, для чужих глаз, ссыльный гражданин Романов не играет в опасные игры с властью. Но он же встречается с журналистом, как мог тот не написать о такой важной встрече! И написал. Правда, спустя несколько лет, уже будучи в эмиграции. В Париже, в журнале «Голос минувшего на чужой стороне», в первом номере за 1926 год появилось интервью С. В. Яблоновского с великим князем Михаилом. Точнее, расшифровка беседы, потому что пермский блокнот, в который весной 1918-го журналист записал состоявшийся разговор (длившийся почти три часа!) условными сокращениями, у него украли. Вскоре Яблоновскому пришлось уехать. Оказавшись в безопасности, он восстановил запись по памяти.

Инициатива встречи исходила от председателя местного комитета партии народной свободы, врача Александровской губернской больницы Владимира Павловича Иванова. Это он подсказал Михаилу, страдавшему приступами жестокой язвы, опытного специалиста, Владимира Шипицына. Организовал встречу Николай Джонсон. Михаил встретил Яблоновского радушно.

– Здравствуйте, – крепко пожал гостю руку великий князь, – рад поговорить со старым знакомым. Да-да, не удивляйтесь, хоть мы и не встречались ранее, но я вас читаю уж двадцать лет, наверное!

Собеседником Романов оказался действительно интересным. Сейчас, в положении ссыльного, он не мог понять и принять «тупую оскорбительную покорность» в русском народе. Яблоновскому запомнилось также, как свободно и непринуждённо вёл себя секретарь Михаила, Николай Николаевич. Когда речь зашла об отречении от престола Михаил сказал:

– Теперь я всё более убеждаюсь в правильности своего решения.

Джонсон с ним не согласился, он горячо вступил в беседу и начал убеждать своего «патрона», что если бы в те решающие дни с ним рядом оказались другие люди, надёжные и честные, всё могло обернуться по-иному! Корреспондента такой поворот в разговоре очень поразил, а Михаил на реплики Джонсона отвечал спокойно и не особенно ему противоречил.

Уже при прощании Джонсон ещё раз удивил журналиста, задав ему неожиданный вопрос из разряда некорректных:

– А скажите нам, пожалуйста, каким вы нашли состояние Михаила Александровича? Вы же тоже, конечно, читали в некоторых газетах, что он, якобы, в плохом состоянии, нервный и прочее.

Яблоновский развенчал эти газетные домыслы, причём вполне искренне.

Это был последний контакт ссыльного гражданина Романова с внешним миром, с представителем свободного общества.

М. И. Давидов

Кандидат медицинских наук,

доцент Пермской государственной медицинской академии,

(г. Пермь)

Соккрытие тел царской семьи и его уроки для поиска останков Михаила Романова

Убийство великого князя Михаила Александровича и последующая бессудная казнь царской семьи Николая II, по мнению целого ряда авторитетных историков, имеют очень много схожих черт. Считается, что убийство Михаила было своего рода репетицией расправы с Николаем II. Исходя из этого, важно вспомнить, как скрывали тела царской семьи в Екатеринбурге, чтобы извлечь уроки для поиска останков Михаила Романова в Перми.

Опираясь на архивные и документальные материалы¹⁻⁷, мы построили хронику сокрытия большевиками тел членов царской семьи, расстрелянных в Екатеринбурге в доме инженера Н. Н. Ипатьева в ночь на 17 июля 1918 года.

Как следует из приведённых документальных материалов, искусное захоронение трупов считалось важнейшей задачей, потому что нужно было скрыть следы преступления и так спрятать останки убиенных, чтобы помешать белому движению и монархистам использовать их в качестве «святых мощей».

В своей «Записке» чекист Я. М. Юровский писал: «Коменданту [Юровскому] было поручено только привести в исполнение приговор, удаление трупов и перевозка лежала на обязанности тов. Ермакова»¹.

Однако П. З. Ермаков, который должен был приехать с грузовым автомобилем к 24 часам, не только опоздал на 1,5 часа, но и в такой ответственный момент явился в состоянии сильного алкогольного опьянения. Это «внушало коменданту сомнения в аккуратности Ермакова, и комендант решил проверить сам всю операцию до конца»¹.

По одному стали выносить трупы из дома и укладывать в грузовой 4-тонный автомобиль марки «Фиат», кузов которого был выстлан сукном, чтобы не протекала кровь. Переноску трупов в автомобиль завершили лишь в 4-м часу. До рассвета оставалось совсем немного времени.

Водителем «Фиата» являлся рабочий С. И. Люханов. Автомобиль с трупами, а также вооружёнными красноармейцами и чекистами спустился с Вознесенской горки к городскому пруду, обогнул его через Главный проспект и направился через сонный 100-тысячный город в посёлок Верх-Исетского завода. Миновав Верх-Исетск, углубились в лес и поехали по топкой лесной дороге, ведущей в деревню Коптяки, расположенную на берегу Исетского озера. У будки № 184 переехали Горнозаводскую железную дорогу, соединявшую Екатеринбург с Нижним Тагилом. Вехали в лесное урочище Четыре Брата, названное так по сросшимся четырём соснам. В урочище, не доезжая 1,5 вёрст до Коптяков, вблизи коптяковской дороги располагалось 29 заброшенных открытых шахт, в которых раньше добывали железную руду. Это место, находившееся примерно в 16,5 верстах от Екатеринбурга, называлось Ганина яма, по имени небольшого прудика, располагавшегося в центре выработок. Именно в этих шахтах планировалось спрятать трупы. По крайней мере, членов Уралсовета А. Г. Белобородова и Ш. И. Голощёкина местные крестьяне видели здесь за 1-2 дня до расстрела. Однако безалаберный и хмельной Ермаков ночью слабо ориентировался в этих краях и вообще подготовился плохо: не было лопат, верёвок, телег и т.п.

Янкель Юровский вспоминал ^{1,2}, что, проехав Верх-Исетск, в лесу они наткнулись на целый табор – человек 25 верховых и в пролётках. Это были активисты-большевики с Верх-Исетского завода, которых приготовил Ермаков. Они гневно закричали: «Что ж вы нам их неживыми привезли?» Они думали, что казнь Романовых будет поручена им. Комендант был очень недоволен появлением лишних свидетелей. Позднее он убедился, что эти сподвижники Ермакова приносили больше вреда, чем пользы.

В урочище Четыре Брата грузовик С. И. Люханова застрял между двух деревьев. О телегах Ермаков не побеспокоился, а пролётки («коробки»), на которые вынуждены были перегрузить трупы, были для этого неудобны. С грехом пополам довели на коробках трупы до Ганиной ямы. Было около 6-7 часов утра. Уже рассвело (в этих краях 17 июля восход Солнца наблюдается в 5 часов 7 минут).

Ермаков вскоре уснул у разведённого костра (хмель взял своё), а комендант Юровский приказал перекрыть коптяковскую дорогу с обеих сторон, оцепить верховыми окружающий лес, раздеть трупы догола и

для конспирации сжечь всю одежду убитых. Все лишние «помощники» Ермакова были отправлены обратно в Верх-Исетск. К этому времени Юровский уже предполагал, что в одежде членов царской семьи спрятано много драгоценностей, так как бриллианты просвечивали из корсетов девиц через пулевые и штыковые отверстия.

Сформированная команда приступила к раздеванию и сжиганию одежды. На Александре Фёдоровне оказался целый жемчужный пояс, сделанный из нескольких ожерелий, зашитых в полотно. На четырёх дочерях весь внутренний слой корсетов состоял из сплошных бриллиантов. Драгоценности выпарывались, переписывались и складывались в сумки. Одежда была сожжена на костре.

Вскоре Ермаков проспался и начал деятельно участвовать в общем деле. Голые трупы от костра перенесли на полсотни метров и опустили в ближайшую шахту, которая войдет в историю как «открытая шахта». Глубина этой шахты составляла всего лишь 3,5 аршина (2,5 м), в шахте было на один аршин (70 см) воды. Тела были уже достаточно обезображены и раздеты. Поэтому Ермаков наивно полагал, что даже если трупы и найдут, то не опознают. Стенки шахты пытались обвалить ручной гранатой, но это не удалось. Поэтому трупы забросали сверху старыми деревянными плахами и ветками.

Закончив «операцию» и оставив у шахты охрану, комендант около 12 часов 17 июля, забрав драгоценности, поехал с докладом в Екатеринбург, где доложил обстоятельства председателю Уралсовета А. Г. Белобородову. К этому времени чекист Юровский прекрасно понимал, что место захоронения «провалено», так как было много свидетелей. Утром «процессию» видели одинокие путники на коптяковской дороге, из района Ганиной ямы чекисты выгнали крестьян, которые заночевали там на сенокосе. Но особое беспокойство Юровского вызывали два десятка сподвижников Ермакова. Действительно, через сутки весь Верх-Исетск только и говорил о том, что около Коптяков зарыли трупы царской семьи, в связи с чем Петра Ермакова вызвали в облЧК для дачи объяснений.

От председателя горисполкома С. Чуцкаева Юровский узнал, что на 9-й версте по Московскому тракту имеются глубокие заброшенные шахты. Юровский с чекистом Полушиным отправились туда, но по дороге сломалась машина, пришлось добираться пешком. Действительно, три осмотренные шахты оказались очень глубокими, заполненными водой и, по мнению Янкеля Юровского, вполне годились для погребения тел Романовых. В Екатеринбург вернулись во второй половине дня 17 июля на отобранной по дороге паре лошадей.

К этому времени у Юровского и его ближайшего окружения возникло три плана: 1) сжечь трупы; 2) захоронить в глубоких шахтах около Московского тракта; 3) похоронить группами в разных местах на коптяковской дороге. Юровский в 1934 году пояснял: «Дорога, ведущая в Коптяки, около урочища, глинистая, так что если здесь без посторонних

глаз похоронить, ни один бы чёрт не догадался. Зарыть и обозом проехать, получится мешанина и всё»².

Командант начал добывать в городе всё необходимое: бензин и керосин для сжигания трупов, лопаты, верёвки. В тюрьме он взял 11 подвод (телег) без кучеров. По записке областного комиссара снабжения П. Л. Войкова в аптеке выдали 11 пудов серной кислоты. Чекисты планировали ею обезобразить трупы до неузнаваемости. Серную кислоту и большую часть бочек с бензином и керосином доставили к урочищу Четыре Брата уже днём 18 июля на грузовике.

Поздно вечером 17 июля была сформирована новая группа чекистов, в которой преобладали не местные жители, а выходцы из городов Лысьва и Пермь. Она должна была под контролем лидеров облЧК заняться перезахоронением. Излюбленная тактика чекистов – непрерывная смена команд, занятых тайными операциями, причём одна команда могла не знать про действия других. Группу формировал Фёдор Лукоянов, председатель Уральской облЧК; он же и поставил перед чекистами задачу и затем контролировал её выполнение. Янкель Юровский значился в списке группы под № 1. Одним из его ближайших помощников стал член коллегии облЧК И. И. Родзинский, который держал связь с Ф. Н. Лукояновым («ездил докладываться»). На подводах группа отправилась к Ганиной яме и глубокой ночью приступила к извлечению трупов из открытой шахты.

Сам Юровский задержался в городе, ожидая «спеца по сжиганию» чекиста Полушина, который ещё днём ему заявил, что якобы знает, как сжечь и полностью уничтожить трупы. Но Полушин упал с лошади и травмировал ногу. Так и не дождавшись его, Юровский в полночь верхом отправился в район Ганиной ямы. Однако по пути лошадь запнулась, упала и придавила Юровскому ногу. Янкель больше часа пролежал в лесу, прежде чем смог снова сесть на лошадь. Добрався до группы чекистов он только под утро, в самый разгар работ по извлечению трупов.

Член группы чекистов Г. И. Сухоруков в 1928 году вспоминал: «Первым спустился в шахту с верёвкой в руке Сунегин Владимир, и начали извлекать сначала дрова, цельными плахами, потом... решили взяться прямо за трупы. На подмогу Сунегину спустился я, и первая попавшая нога оказалась Николая Последнего, который благополучно был извлечён на свет божий, а за ним и все остальные. Все были голые...»³. Когда чекисты вытащили из шахты верёвками все 11 тел, то были изумлены: «Стало ясным, насколько легкомысленным было первое захоронение. Перед нами лежали готовые «чудотворные мощи»: ледяная вода шахты не только начисто смыла кровь, но и заморозила тела настолько, что они выглядели словно живые – на лицах царя, девушек и женщин даже проступил румянец. Несомненно, Романовы могли в таком отличном состоянии сохраниться в шахтном холодильнике не один месяц»⁵.

Весь день 18 июля, оцепив район Ганиной ямы и коптяковскую дорогу

двойным кольцом, группа чекистов занималась уничтожением трупов. Подвезли из Екатеринбургa несколько бочек бензина, керосина и сосуды с серной кислотой. Сначала попробовали сжечь часть расстрелянных, чтобы число их было меньше 11. «Отобрали тела Николая II, Алексея, царицы, доктора Боткина, – вспоминал один из чекистов. – Облили их бензином и подожгли. Замороженные трупы дымились, смердели, шипели, но никак не горели»⁵.

Современное следствие В. Н. Соловьёва с проведением следственных экспериментов показало, что тем количеством бензина, керосина и серной кислоты, которым располагала эта группа, и в тех условиях (сжигание на лесном костре с использованием в качестве топлива дров) полностью уничтожить трупы физически невозможно. Поэтому версия колчаковского следователя Н. А. Соколова, утверждавшего, что тела Николая II и членов его семьи были полностью сожжены до пепла в районе Ганиной ямы⁶, является несостоятельной!

Пока часть трупов упорно пытались сжечь, Юровский решил оставшихся похоронить непосредственно на коптяковской дороге, чуть южнее открытой шахты и костров: «закопать и сверху заездить» машиной и телегами. Долго копали большую яму, так как под слоем глины оказался каменистый грунт. К этому времени группе чекистов снова помогал, в качестве уже рядового помощника, Пётр Ермаков. Когда яма была готова, к Ермакову подъехал знакомый крестьянин, который случайно увидел её. Из-за этого свидетеля пришлось яму зарыть. Получилось, что несчастный Ермаков, которого верхушка Уралсовета уже пожурела за плохое выполнение поставленной задачи сокрытия тел, опять невольно навредил общему делу.

К вечеру 18 июля все 11 трупов, некоторые из них – частично обгорелые, всё ещё реально существовали. Юровским было принято решение везти их на Московский тракт и бросить в осмотренные там глубокие шахты.

Телеги были старые и разваливались, везти на них трупы в такую даль было рискованно. Поэтому Юровский ещё днём съездил в город и взял три машины: грузовую – уже упомянутый 4-тонный «Фиат» Люханова, на котором должны были везти трупы, и две легковые – для сопровождающих груз чекистов. Машины поставили недалеко от линии горнозаводской железной дороги. Как только начало темнеть, отправились в путь по коптяковской дороге в направлении на Московский тракт. Все 11 трупов (4 из них – обгорелые) были уже погружены на телеги, на последних их провезли по топкой глинистой дороге из урочища Четыре Брата и вблизи железной дороги перегрузили на грузовик Люханова. Переехали полотно железной дороги у переезда № 184, где стояла будка сторожа.

Дальше коптяковская дорога пересекала Поросёнков лог. Здесь была мочажина: на лесной низменной поляне растекался в стороны ручей, практически теряя русло и образуя топкое, непроходимое место. В

Поросёнковом логу большой 4-тонный грузовик Люханова, кузов которого был загружен сложенными в штабель трупами, дважды застревал. В первый раз его, выгрузив трупы, удалось вытащить. Дорогу впереди вымачивали старыми гнилыми шпалами и досками, которые перенесли от будки железнодорожного сторожа. Тем не менее, машина в полночь застряла снова, уже окончательно. Её вытаскивали около двух часов, но всё было безрезультатно. Ночь кончалась, приближалось утро 19 июля. В любом случае до Московского тракта доехать уже не успевали.

Подходила к концу третья ночь с момента расстрела царской семьи. К Екатеринбург в плотную приблизилась белая армия А. В. Колчака, а трупы всё ещё не были спрятаны. Поросёнков лог был местом «бойким»: с железной дороги, проходившей в сотне-другой метров от него, он хорошо обозревался, в 300 метрах от застрявшей машины располагался железнодорожный переезд, где днём было многолюдно. Скоро начинался рассвет. Чекисты оказались, вроде бы, в безвыходном положении. Тут родилась идея: прямо на дороге, в топком месте, где уже успели наложить шпалы, вырыть яму и в эту болотистую жижу спрятать трупы, уложив снова шпалы поверх. Эту идею ныне приписывают Исаю Родзинскому. На самом деле ещё 17 июля Янкель Юровский наметил захоронение «прямо на дороге» как один из трёх возможных вариантов сокрытия тел, а 18 июля такую яму уже выкапывали на коптыковской дороге в районе урочища Четыре Брата.

На случай, если трупы всё же обнаружат, важно было, чтобы они не совпадали по числу (11) с расстрелянными в Ипатьевском доме. Поэтому два трупа, Алексея и, как предполагали, Александры Фёдоровны, решили в стороне от дороги расчленить, сжечь и остатки похоронить тут же под костром, что и было сделано. Правда, вместо супруги императора по ошибке вытащили из штабеля другой голый женский труп. Современное следствие и генетическая экспертиза показали, что вместе с Алексеем была сожжена и захоронена Мария Николаевна.

Вот как описаны события ночи с 18 на 19 июля 1918 года в «Записке» Юровского: «Смогли отправиться в путь только в 9 часов вечера. Пересекли линию железной дороги, перегрузили трупы на грузовик. Ехали с трудом, вымачивая опасные места шпалами, и всё-таки застревали несколько раз. Около четырёх с половиной часов утра 19-го машина застряла окончательно. Оставалось, не доезжая до шахт, хоронить или жечь... Хотели сжечь Алексея и Александру Фёдоровну, по ошибке вместо последней с Алексеем сожгли фрейлину Демидову (в действительности Марию Николаевну. – М. Д.). Потом похоронили тут же, под костром, останки и снова разложили костёр, что совершенно закрыло следы копания. Тем временем вырыли братскую могилу для остальных. Часам к 7 утра яма, аршина 2 ½ глубины, 3 ½ в квадрате, была готова. Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой, как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить

смерд от разложения (яма была неглубока). Забросав землёй и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали – следов ямы и здесь не осталось. Секрет был сохранён вполне – этого места белые не нашли»¹.

Мы ознакомились со стенограммой доклада Юровского, сделанного на совещании старых большевиков в 1934 году². В рассказе царского палача повторяются факты, изложенные в «Записке»: машина дважды застревала после того, как переехали полотно железной дороги, второй раз – окончательно. Юровский уточняет, что окончательно застряли в полночь, и два часа затем не могли вытащить машину из мочажины. «Тогда я решил, что надо хоронить где-то тут, так как нас в этот поздний час никто здесь видеть не мог», – рассказывал Янкель. Он сомневался только насчёт сторожа железнодорожного переезда, который мог видеть их, ибо они самовольно брали у переезда шпалы, чтобы сперва вымачивать впереди машины дорогу, а затем, когда родилась идея спрятать в топкой дороге голых покойников, дополнительно наложить шпалы поверх зарытых в яме трупов. В докладе Юровский точно указывает, что два трупа были сожжены именно здесь, в Поросёнковом логу: «Тут же развели костер, и пока готовилась «могила», мы сожгли два трупа: Алексея и по ошибке вместо Александры Фёдоровны сожгли, очевидно, Демидову (Марию Николаевну. – М. Д.). На месте сжигания вырыли яму, сложили кости, заровняли, снова зажгли большой костёр и золой скрыли всякие следы. Прежде чем сложить в яму остальные трупы, мы облили их серной кислотой, яму завалили, шпалами закрыли, грузовик пустой проехал, несколько утрамбовали шпалы и поставили точку»². По окончании работы Юровский собрал всех участников захоронения в Поросёнковом логу и приказал хранить тайну.

В спецархиве хранятся воспоминания от 3 апреля 1928 года рядового чекиста Г. И. Сухорукова, который непосредственно своими руками закапывал трупы в Поросёнковом логу: «Недалеко была мочажина, насланная шпалами в виде моста, и здесь-то задний грузовик, почти проехавши, застрял, все наши усилия ни к чему не привели. И решили шпалы снять, выкопать яму, сложить трупы, залить серной кислотой, закопать и снова наложить шпалы. Так было и сделано. Для того, что если бы белые даже нашли эти трупы и не догадались по количеству, что это царская семья, мы решили штуки две сжечь на костре, что мы и сделали... После того, как трупы были сожжены, мы разбросали костёр, на середине вырыли яму, всё оставшееся не догоревшее сгребли туда и на том же месте снова развели огонь и тем закончили работу»³.

Место и обстоятельства захоронения останков царской семьи рано утром 19 июля в Поросёнковом логу подробно освещены в хранящихся в спецархивах воспоминаниях участника захоронения чекиста Исаия Родзинского⁴ и участника расстрела царской семьи М. А. Медведева-Кудрина⁵. С первым беседовали в радиокomiteе в 1964 году (очевидно, хотели сделать передачу к 50-летию Октябрьской революции),

воспоминания второго перед смертью в декабре 1963 года записал его сын. Так вот, все четверо (Юровский, Сухоруков, Родзинский и Медведев-Кудрин), вспоминавшие обстоятельства окончательного захоронения в разные годы, в разных местах и по разному поводу, независимо друг от друга излагают все факты абсолютно одинаково. Даже в деталях всё сходится. Это убедительно свидетельствовало о том, что место окончательного захоронения трупов Романовых находится на участке старой коптяковской дороги в Поросёнковом логу.

Земля 73 года хранила тайну. И лишь в 1991 году вся страна узнала о подлинном месте захоронения Романовых. Останки пяти членов царской семьи, доктора и трёх слуг (всего 9 человек), благодаря титаническим усилиям Александра Николаевича Авдонина и его легендарных соратников, были обнаружены именно в том месте, которое описали четыре участника захоронения, чьи воспоминания обнаружены в архивах. Упорные, длительные поиски в различных местах останков цесаревича Алексея и великой княжны Марии закончились в 2007 году также полным подтверждением архивных указаний. Эти останки Л. Вохмяков, С. Погорелов и другие замечательные екатеринбургские поисковики обнаружили именно в лесу, непосредственно примыкающем к Поросёнкову логу, в 67 м от основного захоронения. Проведённая специалистами нескольких стран независимая генетическая и судебно-медицинская экспертиза свидетельствует о том, что найденные останки принадлежат Николаю Александровичу Романову и членам его семьи, в том числе последние обнаруженные останки – цесаревичу Алексею и великой княжне Марии⁸.

Поскольку в Екатеринбурге все царские останки обнаружены, центр поисков Романовского движения сместился в Пермь, где в земле никак не могут успокоиться останки зверски убитых и не по-христиански, варварски зарытых великого князя Михаила Александровича и Брайана (Николая Николаевича) Джонсона, кричащих из глубин земли или трясины болота о спасении и перезахоронении по православному обряду в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга.

Какие же уроки можно извлечь из анализа сокрытия тел царской семьи для облегчения поисков останков Михаила Романова в Перми? Где и каким образом прежде всего искать останки Михаила и его секретаря?

Во-первых, важнейшей задачей чекистов и большевиков было не только убийство Романовых, но и сокрытие их тел, чтобы не допустить поклонения «святым мощам» и тому месту, где они были погребены. Поэтому захоронение тел Михаила Романова и его секретаря и друга Николая Джонсона было тщательно продумано и законспирировано.

Во-вторых, место, куда были увезены для расстрела Михаил Романов и Джонсон, должно было быть хорошо знакомо убийцам. Не могли они увозить их из «Королёвских номеров» наугад, в случайно выбранном направлении. Они должны были действовать по плану: вот

туда увезём и там «ликвидируем». Для такого места прекрасно подходил район Красного лога, хорошо знакомый большевикам как красивый, удобный и безлюдный. Туда рабочие Мотовилихи выезжали на природу, там проводили маёвки и собрания. Впервые версию об убийстве и захоронении Михаила Романова в Красном логу выдвинул и обосновал Лев Валентинович Перескоков⁹.

В-третьих, П. И. Малков и другие чекисты, вероятно, контролировали похищение и расстрел М. А. Романова. Для чекистов излюбленная тактика – смена команд, занятых тайными операциями. Одна команда часто не знала о действиях других. Так было в Екатеринбурге, так, очевидно, было и в Перми. В историю попали Н. В. Жужгов, А. В. Марков, В. А. Иванченко и И. Ф. Колпащиков, которые похищали и расстреливали. Они в советское время – «герои», ликвидировавшие последнего императора Михаила П. Г. И. Мясников, вероятно, их направлял и контролировал (подобно Голощёкину в Екатеринбурге), но затем попал в опалу, и поэтому значение его было принижено непосредственными исполнителями убийства. Захоронение останков было поручено другой команде, которая выезжала в следующую после убийства ночь. Известно имя Жужгова, под вопросом имя милиционера И. Г. Новосёлова, другие пока неизвестны. Но Жужгов вряд ли играл главную роль, очевидно, его взяли, чтобы он просто указал место в лесу, где они накануне спрятали трупы, завалив их хворостом. А отвечал за захоронение, видимо, другой человек. Большинство членов команды похоронщиков в историю не попали, ибо в закапывании убитых никакого геройства нет. Но они выполняли свой долг, вероятно, рассказывали и описывали это в ближайшие годы в соответствующих партийных инстанциях, и информация эта, захороненная пока в пыльных архивах, ждет не дождется ещё своих первооткрывателей.

Пока же известны только скудные данные о захоронении; а именно, что тела Романова и Джонсона далеко не увозили, а закопали вблизи места убийства, на глубину до 3 саженей (6 м!), около сосны, на стволе которой якобы один из похоронщиков нацарапал перочинным ножом «ВКМР», что обозначало «великий князь Михаил Романов».

В-четвёртых, найденным в архивах воспоминаниям известной пермской четверки убийц Михаила Романова надо доверять. Почему-то среди пермских краеведов сложилось мнение, что «ликвидаторы» Михаила П сплошь и рядом давали дезинформацию, чтобы запутать нас, потомков. Но ведь воспоминания всех екатеринбургских похоронщиков царской семьи полностью подтвердились! Обратим внимание: в архивах хранились четыре источника, где было конкретно указано место захоронения императорской семьи Романовых. При этом цареубийцы не стремились запутать дело для последующих поколений и историков. Они писали воспоминания, делали записи для своих партийных начальников, где честно и правдиво всё изложили. Понятно, что все документы эти в дальнейшем были надёжно спрятаны в архивах.

Вспомним, в каких условиях пермские, как и екатеринбургские, «ликвидаторы» излагали устные показания и письменные воспоминания. Они рассказывали о событиях перед своими старшими товарищами по партии, ответственными партработниками. Зачем им было лгать перед своими соратниками по партии? И посмели ли они говорить неправду?

Думаю, что пермская четвёрка убийц, подобно екатеринбуржцам, достаточно правдиво изложила события той страшной ночи на 13 июня 1918 года. Большинство этих открытых на сегодняшний день воспоминаний чётко указывают на район Красного лога как место убийства и, вероятно, захоронения последнего императора Михаила II.

На наш взгляд, центральные, уральские и пермские архивы хранят ещё много тайн! В первую очередь, нужно продолжить архивные розыски документов, связанных именно с захоронением тел, и воспоминаний участников этого захоронения.

В-пятых, в настоящее время поиски останков Михаила Романова должны быть не расплывчатыми, а сосредоточиться в одном месте. Красный лог вблизи речки Язовая является если не единственным, то наиболее вероятным местом сокрытия тел, точно подтверждённым воспоминаниями участников убийства (по расстоянию от города, направлению и другим данным). Все другие направления и районы поисков (по Сибирскому тракту, Архиерейка, Запруд) не подтверждены достоверными материалами, не конкретны, а некоторые базируются на слухах или отдельных брошенных фразах, подлинность которых сомнительна. Например, пьяный А. С. Ребухин (Рябухин) в 1919 году слышал о Сибирском тракте от такого же пьяного А. И. Плешкова. (А, может, Ребухин напутал, и Плешков говорил о тракте, но Соликамском?)

Район Красного лога удобен для сокрытия тел, так как в 1918 году был безлюден, имел глухие лесные участки, удобные для спокойного захоронения в землю, и болотце, где легко можно было утопить трупы на достаточную глубину. Не было никакой нужды из этого потаённого лесного уголка куда-то увозить тела с риском их обнаружения по дороге случайными свидетелями.

Район Красного лога невелик. Он должен быть взят под особый контроль с категорическим запрещением здесь самовольных, бессистемных «закопушек». К поиску должны быть привлечены не только пермские специалисты, но и московские, и екатеринбургские поисковики, имеющие большой опыт археологических и поисковых работ. Должна использоваться современная техника, в том числе высокоэффективные эхолоты, «просматривающие» почву на большую глубину. Нужна государственная финансовая поддержка и спонсоры. Возможно, поиски будут длительными.

Верю: настанет день, когда Бог откроет нам тайну!

¹ Юровский Я. М. Записка. Центр документации общественных организаций

Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 221. Оп. 2. Д. 497. Л. 7-13.

² Юровский Я. М. Рассказ на совещании старых большевиков в г. Свердловске 1 февраля 1934 г. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 151. Л. 10-22.

³ Сухоруков Г. И. Воспоминания. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 149. Л. 219-221.

⁴ Родзинский И. И. Беседа в радиокомитете от 13 мая 1964 г. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее – РЦХИДНИ). Ф. 588. Оп. 3. Д. 14. Л. 23-45.

⁵ Медведев М. А. Воспоминания. РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 12. Л. 43-58.

⁶ Соколов Н. А. Убийство царской семьи. – М., 1990. – 365 с.

⁷ Лыкова Л. А. Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи. – М., 2007.

⁸ Лыкова Л. А. Архивные документы подтверждают подлинность обнаруженных останков цесаревича Алексея и великой княжны Марии // Уральская Голгофа. – Пермь, 2009. – Вып. 4: Мат-лы IV междунар. науч.-практ. конф. «Эпоха Николая II: политика, экономика, культура». Г. Пермь, 10-11 июня 2009 г. – С. 11-16.

⁹ Перескоков Л. В. Могила в Красном логу // Пермские новости. – 1995. – 4 августа. – С. 4.

В. Ф. Гладышев

*Член Союза писателей России и Союза журналистов России,
председатель общества «Пермский краевед»*

(г. Пермь)

Тайна Фёдора Лукоянова

(Видный революционер, цареубийца... или раскаявшийся преступник?)

В Пермском парке памяти – Егошихинском некрополе – совершён акт вандализма. Памятник, стоящий почти у входа на кладбище с улицы Тихой, неизвестными лицами залит краской. Портрет человека, похороненного здесь, исчез. Это революционер и журналист Фёдор Николаевич Лукоянов (1894-1947), человек яркой и кровавой судьбы.

Недоучившийся студент-юрист, редактор большевистской газеты «Пролетарское знамя» (предшественницы «Звезды») – и видный чекист. После пришествия советской власти Лукоянов стал сначала председателем штаба Красной гвардии в Перми, затем возглавлял Пермскую губчека (до июля 1918 года) и Уральскую ЧК. Причём руководить «чрезвычайкой» в Екатеринбурге он был направлен в июле, когда казнили семью Романовых и их приближённых...

Совесть как помеха в борьбе

Можно предположить, что у акта вандализма (порча памятника в любом случае остаётся порчей) есть некая идейная подоплёка. Особенно

если вспомнить плачевную участь памятников цареубийцам в соседнем Екатеринбурге. Там надгробие одного из убийц уже перестали приводить в порядок (а похоронен он в двух шагах от памятника Павлу Бажову); периодическим надругательствам подвергается и памятник Якову Свердлову. В случае с Лукояновым, однако, всё гораздо сложнее. Для многих исследователей остаётся загадкой, почему председатель УралЧК не оставил подписи под «историческими решениями» Уралсовета о казни семьи Романовых. Больше того, остаётся невыясненным, почему он уехал (дезертировал, по мнению некоторых однопартийцев), в решающий момент решил сопровождать вагон с архивом в Пермь.

Есть основания полагать, что между Фёдором Лукояновым и другими членами Уралсовета, прежде всего его председателем Филиппом Голощёкиным, возникли серьёзные расхождения по поводу участи членов семьи Николая Романова. Пермский чекист был против расстрела царских детей. Его товарищи, видимо, посчитали такое поведение проявлением мягкотелости. Как бы то ни было, документы того периода вместо Лукоянова подписывает комендант «дома особого назначения» Яков Юровский, человек гораздо более жёсткий, уже в юности сидевший за убийство. Причём подписывает, как заметил известный историк Иван Плотников, не в качестве «и. о.» или заместителя, нет, как председатель «чрезвычайки», то есть принявший на себя все полномочия Лукоянова. Это при живом-то председателе!

Такой «перевёртыш» так и остался загадкой для Плотникова, автора фундаментальной книги «Гибель царской семьи» (кстати, в годы моего студенчества в УрГУ Иван Фёдорович преподавал нам историю партии). Загадка для историка – но не для драматурга со склонностью к жанру фэнтэзи. Эдвард Радзинский на основе судеб Лукоянова и Юровского сочинил пьеску «Двое», в которой старательно пытается разглядеть человеческие чёточки в двух чекистах. Странное поведение Фёдора Лукоянова писатель объясняет тем, что тот был совестливым человеком, хотел пощадить царских детей, даже был неравнодушен к одной из царских дочерей, младшенькой Анастасии.

Действие происходит в кремлёвской больнице, где встретились двое больных, один – псих, другой – страдающий язвой.

– ... Ты сбежал, – говорит один.

Маратов (под этой фамилией выведен Лукоянов) отвечает на обвинение Юровского:

– Ты первый раз прав. Я предпочёл умыть руки. С тех пор я ощущаю себя мёртвым и зачем-то живым. Галлюцинации мучают. И я всё жду её... увидеть её..., чтобы она повторила те прекрасные слова. (О «любви, которая одна сможет победить зло»). Но она не приходит. Приходят только они... Старая парочка...».

Кто знает, что творилось на самом деле в душе пермского чекиста, молодого, в сущности, человека. Чужая душа потёмки... Но факт остаётся

фактом: царской крови на Лукоянове нет. Как ясно и то, что с Юровским они очень во многом не сходились. Тот в разговоре с Маратовым почти с вожделием перебирает в памяти свои придумки и уловки, без которых нельзя было сотворить чёрное дело:

– Я тогда всё и придумал. И когда они вошли в подвал, сказал Николаю: «После бегства вашего брата из Перми»... как у него глазки-то загорелись... не знал, что их императорское высочество, братец его (речь о Михаиле Александровиче. – В. Г.), засыпанный ветками, с месяц как в яме пребывает... Слухи, говорю, в Москве нехорошие, что сбежала вся ваша семья. Посему я хочу всех сфотографировать. И отослать снимки в Москву, чтоб успокоить...

Подкованный товарищ

Маратов – это не партийная кличка, это журналистский псевдоним Лукоянова. В юности он хотел казаться суровым и непреклонным, его кумиром был не кто иной, как французский революционер Марат. Среди пермских большевиков Фёдор представлял немногочисленных интеллигентов. Отец у него был чиновником казённой палаты, умер рано, так что братьям Лукояновым (старший Михаил также станет видным революционером) приходилось прирабатывать уроками ещё во время учёбы в гимназии. Студентом Московского университета Фёдор продолжает жить напряжённой жизнью, разрываясь между занятиями, частными уроками и... партийными заданиями. С социал-демократами студент сблизился во время работы в газете «Пермская жизнь». В 1913 году вступил в партию, с тех пор он с большевиками в одном строю.

Но «интеллигентскую закваску» в нём всё же товарищи по борьбе, в основном малограмотные рабочие или люди, прошедшие «тюремные университеты», всегда чувствовали. В практической борьбе, а тем более в «жареных» делах выходцам из интеллигенции не особенно доверяли. Такое отношение шло от лидера, Ульянов (Ленин) к «гнилой интеллигенции» относился очень разборчиво, а как-то вообще назвал ее «г...м» В том же духе обрабатывал Ленин большевистскую фракцию, добиваясь единства: «Пусть слабохарактерные интеллигенты, слабосильные и путающиеся, идут куда хотят» (по воспоминаниям Ф. И. Голощёкина). Но Фёдора Лукоянова как образованного, идейно подкованного борца уральцы двигали на руководящую работу.

Чего хотел Маратов?

Чтобы представить взгляды, уровень мышления, принципы этого человека, нужно поднять ещё один источник – его первую газету «Пролетарское знамя», которой он не только руководил, но сделал её партийной трибуной. Просуществовала газета всего два месяца, с

октября 1917 года. В ноябре 1917 года он публикует две статьи: «Чего они хотят» и «О свободе печати», в которых страстно, убеждённо, поленински обосновывает необходимость изданного Совнаркомом декрета о печати и разоблачает контрреволюционную сущность воззвания пермских меньшевиков и эсеров. Раз они выступили против декрета – значит они «враги революции»!

Лукоянов пишет: «Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага, в то время как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулемёты. Вот почему и были приняты меры для пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа жёлтая и зелёная пресса».

Оказывается, уже тогда классификация газет различалась по цветовым оттенкам. В своей красной газете в статье «Вооружение народа», опубликованной в декабре того же года, Фёдор Лукоянов – Маратов – пишет о необходимости укрепления Красной гвардии. Романтик, он надеется на мирное развитие революции. Но оно станет возможно только тогда, когда будет обеспечено вооружённым народом. По представлениям большевиков, «только тогда свободный народ сможет создать свободное государство».

Публицист из недоучившегося юриста, надо сказать, получился отменный. Полемически заострённые статьи Лукоянова уральцы читали с разным настроением, но всегда с интересом. И всё же печатный орган большевиков был не в силах «распропагандировать» пермское население, увлечь массу за собой. Хотя в редакционном прощальном заявлении, написанном самим редактором (с января 1918 года преемником «Пролетарского знамени» стали «Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов»), говорилось: «Мы сделали своё дело. Поддержав кампанию партии при выборах в Учредительное собрание, мы в течение двух месяцев своей работой помогли сделать тот сдвиг настроения, который мы наблюдаем сейчас».

Однако выборы в «Учредилку» большевики, как известно, проиграли. Вот тогда в дело вступили бомбы и пулемёты. Судя по всему, редактор Маратов этого не хотел, но... неумолимая логика борьбы большевистскими методами повлекла его за собой.

Держался в тени

Симпатии к этому человеку возникают, когда читаешь статьи Маратова в «Пролетарском знамени», убеждаясь в искренности его побуждений, и когда знакомишься с историей его любви, читая переписку

с юной пермячкой Клавдией, – это увлекательная романтическая повесть!

В лихую годину его вынесло на первые роли в карающие органы революции. Теорию потребовалось подтверждать на практике. И здесь Лукоянов повёл себя как-то странно. Замечали эти несоответствия не только свои, но и «по ту сторону». Сергей Смирнов, секретарь сербской княгини Елены Петровны, жены Иоанна Константиновича Романова (убитого в Алапаевске), давая показания следователю Н. А. Соколову, подыскал для Лукоянова странное, на первый взгляд, определение: он пишет, что «Лукоянов числился председателем Уральской чека». Числился! Княгиня рвалась воссоединиться со своим арестованным мужем, добивалась разрешения выехать к нему. И вдруг Лукоянов предупреждает её, что туда ехать нельзя: «Алапаевск ненадёжен».

Генерал-лейтенант Михаил Дитерихс, назначенный Колчаком руководить следствием по делу убийства царской семьи, замечает по поводу того, кто в «чрезвычайке» был «главнее»: «Когда Янкель Юровский бывал на заседаниях комиссии (ЧК), то председательствовал он, а не Лукоянов, числившийся официально председателем её». Юровский уже был тогда комендантом ипатьевского «дома особого назначения», где находились Романовы.

Другой свидетель описывает руководящую роль коменданта Юровского, а про Лукоянова ещё скажет: «Совершенно в тени держался Лукоянов» (!?).

Когда разразилась «пермская катастрофа» (бесславная сдача красными Перми в декабре 1918 года), Лукоянову удаётся «эвакуироваться» в Вятку. После роспуска уральских областных организаций он был членом редколлегии «Известий Вятского Совета», а возвратившись в Пермь, стал простым инструктором губкома.

Тайну унёс в могилу

Как бы то ни было, душевного равновесия Фёдор Лукоянов не обрёл даже после гражданской войны. И тайну того, что же с ним произошло на самом деле, никому не доверил, унёс с собой в могилу. Хотя внешне, для земляков-уральцев, он «держал марку», всё вроде бы у него наладилось. В мирные годы Лукоянов сосредоточился на журналистской работе, некоторое время поработал редактором пермской «Звезды», затем – журналы «Юго-Восток» (Ростов-на-Дону), «Красная печать», газета «Известия». В ЦК партии отвечал несколько лет за всю газетную политику.

В 1930-е годы почти все бывшие соратники Лукоянова были репрессированы (не есть ли это возмездие?) – а его не тронули, сохранили! Он работал в Наркомснабе и Наркомзаге (по снабжению и заготовкам), но всё это было уже не то... Свела Лукоянова в могилу нервная болезнь, полученная ещё в 1918 году на чекистской работе. В том году ему приходилось лично ликвидировать «кулацко-эсеровские» восстания, в том числе участвовать в самом кровавом столкновении в Сепыче. Как ни

крути, при нём и с Романовыми расправились, и заложников ни в чём не повинных сколько загубили... Кровь! Стрельба и резня, напряжение бессонных ночей, реки пролитой крови, жестокость и страдания людские бесследно для психики не проходят.

Выполняя завещание мужа, урну с прахом повезла в родную Пермь его вдова Клавдия Лукоянова. Собралась она исполнить долг спустя три года с лишним после кончины своего спутника жизни, повезла... да не довезла, умерла сама по дороге, точнее, её сняли с поезда уже в бессознательном состоянии. Как вспоминает краевед Е. А. Спешилова, их так и похоронили: К. А. Будрина-Лукоянова (происходила она из рода известных пермских священников Будриных, которых хоронили у стен близлежащего Всехсвятского храма) держала в руках урну с прахом горячо любимого мужа...

Несколько лет назад полузабытая могила Лукояновых была благоустроена, стараниями работников ФСБ и журналистов газеты «Звезда» были установлены новые памятники. Но «замирения на костях» не получилось. Даже во время открытия этого мемориала звучали нотки противоречий и слышалось отдалённое эхо гражданской. Одни говорили о социальной справедливости и видной роли Фёдора Николаевича в развитии отечественной журналистики. Другие толковали о революционной непримиримости «уральского Марата» и даже пытались задним числом опровергнуть неопровержимое, например, факт заболевания Лукоянова. Хотя партийный биограф в книге «Революционеры Прикамья», вышедшей в 1966 году, констатировал, что «тяжелое нервное заболевание, приобретённое им ещё в 1918 году во время работы в ЧК, всё больше и больше давало себя знать».

В последние годы жизни ему являлись видения, слышались голоса. Нет ему покоя, похоже, и поныне, на том свете. Заслужил ли этот человек покой своими муками совести – вопрос спорный... По выявленным данным следует одно: в планы уральского революционера уничтожение всей царской семьи под корень не входило.

В. С. Колбас

*Историк, председатель Пермского городского отделения ВООПИиК,
член Союза журналистов России, редактор газеты «Структура»
Ассоциации непрерывного гуманитарного образования «XXI век»
(г. Пермь)*

Я не знаю, где и когда, но я всё-таки встречу с тобой»

(О судьбе Анны Васильевны и
Владимира Сергеевича Тимирёвых)

Выход на российский экран художественного фильма «Адмираль» и его 10-серийной телевизионной версии режиссёра Андрея Кравчука, где в главной роли снялся Константин Хабенский, всколыхнул интерес к жизни и деятельности Александра Васильевича Колчака (1874-1920) – личности неординарной и неоднозначной, оценка которой вызвала большую полемику в пермской прессе¹. Сразу скажу, что фильм «Адмираль» я, профессиональный историк, воспринимаю как «фэнтези» на исторический сюжет, настолько в нём всего наворочено, подтасовано и... недоговорено. К сожалению, в широких слоях общества популярностью пользуются всякого рода «специалисты», которые подвизаются на так называемом «новом» прочтении истории. Достаточно вспомнить романы В. С. Пикуля, многочисленные фолианты и телевизионные передачи Э. С. Радзинского, «новую хронологию» А. Т. Фоменко и иже с ними. Но речь не о них и даже не о «Верховном правителе Российского государства» А. В. Колчаке. Разговор пойдёт о человеке, чья судьба оказалась трагически связана с судьбой самого адмирала. И акцент будет сделан на эпизодах, так или иначе связанных с Пермью, чтобы привлечь внимание историков и краеведов к этой теме.

Известно, А. В. Колчак дважды бывал в городе Перми². Но, оказывается, в Пермь приезжала, как утверждает журналист Валерий Лобачёв, и «давнишняя хорошая знакомая»³ адмирала Анна Васильевна Тимирёва (урождённая Сафонова)⁴. Правда, произошло это значительно позже, уже после её реабилитации.

Анна родилась 5 июля 1893 года⁵ в Кисловодске, который из военного укрепления и терской казачьей станицы превратился в курортный город, в семье известного композитора и пианиста Василия Ильича Сафонова⁶ и его жены Варвары Ивановны Сафоновой (урождённой Вышнеградской)⁷, которая получила консерваторское образование по классу вокала (окончила её с малой золотой медалью) и до замужества выступала на многих знаменитых европейских сценах, затем отдалась делам дома и воспитанию десятирех своих детей – семи дочерей и трёх сыновей⁸.

Когда Анна была в подростковом возрасте, Сафоновы из Кисловодска перебрались в Москву, а в 1906 году – и в северную столицу. В Санкт-Петербурге Анна окончила гимназию княгини Оболенской и занималась рисунком и живописью в частной художественной студии С. М. Зейденберга⁹. Помимо этого она прекрасно музицировала, увлекалась историей, свободно владела французским и немецким языками.

Совсем юной девушкой Анна Сафонова вышла замуж за своего троюродного брата Сергея Николаевича Тимирёва¹⁰, адмирала, героя Порт-Артура, награждённого золотой саблей «за храбрость». Рождение сына Владимира совпало с началом войны с Германией и переездом семьи в Гельсингфорс, куда получил назначение её муж. Здесь и произошла роковая встреча Анны Тимирёвой и Александра Колчака¹¹, определившая вектор судьбы того и другого до конца их дней. Лишённые возможности видеться, они писали друг другу письма. Позже, отправив сына к матери в Кисловодск, Анна вместе с мужем выехала во Владивосток, затем, уже одна, – в Харбин, для встречи с А. В. Колчаком. Вернувшись во Владивосток, Анна объявила мужу о разрыве, брак их был расторгнут постановлением Владивостокской духовной консистории¹², и уехала в Японию, где в Токио её ждал Александр Колчак, затем последовал переезд в курортный город Никко. Здесь, в горах, среди экзотической природы, влюблённые провели, пишет Валерий Лобачёв в очерке «Букет ландышей», самый счастливый месяц в своей жизни. Об этих незабываемых днях Анна Васильевна позже вспоминала: «Мы остановились в японской части гостиницы, в смежных комнатах. В отеле были и русские, но мы с ними не общались, этот месяц единственный. И кругом горы, покрытые лесом, гигантские криптомерии, уходящие в небо, горные речки, водопады, храмы красного лака, аллея ста Будд по берегу реки. И мы вдвоём. Да, этот человек умел быть счастливым»¹³.

Гражданская война привела Анну Тимирёву в Омск, где она, не выставляя на показ своего отношения к А. В. Колчаку, работала переводчицей Отдела печати при Управлении делами Совета министров и Верховного правителя, позже устроилась в мастерскую по шитью белья и на раздаче его больным и раненым воинам, и только в последние тяжёлые месяцы перешла в штабной вагон. Когда адмирала арестовали в январе 1920 года, Анна не пожелала расставаться с любимым человеком и «добровольно арестовалась»¹⁴. В прошениях о реабилитации, не достигавших цели, Анна Васильевна писала об этих событиях следующее: «Я была арестована в поезде адмирала Колчака и вместе с ним. Мне было тогда 26 лет, я любила его и была с ним близка и не могла оставить его в последние дни его жизни. Вот в сущности всё. Я никогда не была политической фигурой, и ко мне лично никаких обвинений не предъявлялось»¹⁵.

В 1922 году Анна Васильевна вышла замуж за инженера-путейца

Всеволода Константиновича Книпера¹⁶ и взяла его фамилию, но это не спасло её от репрессий – тридцать семь лет она провела на каторге, в ссылках и тюрьмах. Как отмечает Валерий Лобачёв, «ссылный список Анны Васильевны удивляет географическим разбросом».

Каков же был её тернистый путь? Как уже отмечалось, Анна Васильевна «самоарестовалась» вместе с А. В. Колчаком в январе 1920 года, в том же году, читаем во вступительной статье к её «Фрагментам воспоминаний», была освобождена по октябрьской амнистии и в мае 1921 года вторично арестована. Находилась в тюрьмах Иркутска и Новониколаевска (ныне – Новосибирска), освобождена летом 1922 года в Москве из Бутырской тюрьмы. В 1925 году арестована и административно выслана из Москвы на три года, жила в Тарусе. В четвёртый раз взята в апреле 1935 года, в мае получила по ст. 58.10 пять лет лагерей, которые через три месяца при пересмотре дела заменены ограничением проживания («минус 15»)¹⁷ на три года. Возвращена из Забайкальского лагеря, где начала отбывать срок, жила в Высшем Волочке, Верее, Малоярославце. 25 марта 1938 года, за несколько дней до окончания срока «минуса», арестована в Малоярославце и в апреле 1939 года осуждена по прежней статье на восемь лет лагерей; в Карагандинских лагерях была сначала на общих работах, потом – художницей клуба Бурминского отделения. После освобождения жила на 100-м километре от Москвы (станция Завидово Октябрьской железной дороги). 21 декабря 1949 года арестована в Щербакове как повторница без предъявления нового обвинения. Десять месяцев провела в тюрьме Ярославля и в октябре 1950 года отправлена этапом в Енисейск до особого распоряжения; ссылка снята в 1954 году. Затем в «минусе» до 1960 года в Рыбинске¹⁸. Как говорится, и врагу таких испытаний не пожелаешь.

В промежутках между арестами работала библиотекарем, архивариусом, дошкольным воспитателем, чертёжником, ретушёром, картографом в Москве, членом артели вышивальщиц в Тарусе, инструктором по росписи игрушек в Завидово, маляром в енисейской ссылке, бутафором и художником в театре в Рыбинске; подолгу оставалась безработной или перебивалась случайными заработками¹⁹. И занималась воспитанием сына Владимира, неоднократно тайком приезжала к нему из ссылки в Москву, и он бывал у неё, когда появлялась такая возможность.

Только после реабилитации в марте 1960 года, Анна Васильевна смогла поселиться в Москве, где она жила в маленькой комнатке на Плющихе у приютивших её дальних родственников. Лишь по ходатайству группы деятелей музыкального искусства – педагога и пианистки Е. Ф. Гнесиной, певца И. С. Козловкого, певицы Н. А. Обуховой, скрипача Д. Ф. Ойстраха, хорового дирижёра А. В. Свешникова, педагога и пианистки В. Н. Шацкой, композитора Д. Д. Шостаковича педагога и арфистки К. А. Эрдели – Анне Васильевне, как дочери выдающегося русского музыканта, с сентября 1960 года была назначена смехотворная

пенсия республиканского значения... 450 рублей (с 1961 года – 45 рублей) в месяц²⁰. «Чуть больше студенческой стипендии», – не без иронии и горечи прокомментировал это решение советских властей Валерий Лобачёв.

Но Анна Васильевна не склонилась перед судьбой. Несмотря на стеснённые обстоятельства, она оставалась привлекательной и благородной. Получая мизерную пенсию, посещала консерваторию, слушала А. Н. Скрябина, других учеников своего отца. Участвовала в массовках на съёмках фильмов «Война и мир», «Бриллиантовая рука», где за мелкие эпизоды ей платили по три рубля в день.

Ходила Анна Васильевна на выставки в Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, который приобрёл две картины её сына. Ездил в Пермь, где, пишет Валерий Лобачёв, в местном музее хранились ещё около ста его картин.

Это заявление журналиста очень заинтересовало меня (особенно количество картин) и начался поиск. Из каталога «Русская оригинальная графика 1920-1930-х годов», подготовленного научным сотрудником Пермской государственной художественной галереи Н. Н. Новопашиной, удалось узнать, что Владимир Сергеевич Тимирёв (1914-1938) – график, акварелист, иллюстратор, художник игрушки, учился в студии А. И. Кравченко, Московском архитектурном институте, работал в Загорском институте игрушки, в 1918-1922 годах жил в Кисловодске, с 1922 года – Москве, где у него в 1934 году прошла персональная выставка. Семь графических работ, зарегистрированных в каталоге, – «Плотина», «Каспий. Рыбачий посёлок», «Пейзаж с мостиком», «Вышней Волочек», «Вышней Волочек. Торговые ряды», «Каспий. Возвращение судов», «Пейзаж за рекой» – выполнены автором в 1932-1938 годах и поступили в галерею, как лаконично указала Н. Н. Новопашина, в 1979 году «из семьи художника (Москва)», акварель «Каспий. Возвращение судов» экспонировалась на выставке новых поступлений галереи в 1987 году²¹. Если анализировать даты, то графические листы В. С. Тимирёва были приобретены Пермской галереей после смерти Анны Васильевны²². Тогда возникает вопрос: какие же картины приезжала она смотреть в Пермь? Тем более в таком большом количестве? Понятно, что эту информацию надо было проверить.

И новые материалы нашлись... в первом томе исторического альманаха «Минувшее», здесь опубликованы «Фрагменты воспоминаний» А. В. Книпер – Анны Васильевны Тимирёвой²³. Из комментариев к воспоминаниям удалось узнать, что Владимир Сергеевич Тимирёв (1914-1942), которого в кругу семьи и друзей звали Одей²⁴, учился в 1929-1931 годах в строительно-конструкторском техникуме при высшем строительном училище, затем, в 1931-1933 годах, в Московском архитектурно-конструкторском институте, откуда ушёл. Стал художником, в 1934-1936 годах участвовал в ряде выставок. А вот

далее – самое интересное. Как утверждают публикаторы воспоминаний А. В. Тимирёвой, две работы её сына были куплены Музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, около пятнадцати находятся в Пермской художественной галерее, свыше ста – в Нукусском музее в Каракалпакии (Узбекистан). В. С. Тимирёв оформил книгу Джека Лондона «Киш, сын Киша»²⁵, которая вышла двумя изданиями. В 1933-1938 годах он работал художником в Загорском научно-экспериментальном институте игрушки, где делал эскизы анималистических игрушек. В 1935 и 1937 году ездил на Каспий в составе научной экспедиции на судах научно-промысловой разведки, изучал планктон Каспийского моря; работы, созданные в первой поездке, экспонировались на специальной выставке. По некоторым сведениям, в 1930-е годы молодой человек пытался завязать переписку с заграницей (скорее всего, с отцом). Видимо, это, а также отказ сотрудничать с «органами» и послужило поводом (в числе прочих) для репрессивных мер: Владимира Тимирёва арестовали в Москве в 1938 году, попал он на Север – на лесоповал, посмертно был реабилитирован, но без указания даты смерти²⁶.

Да, найденные материалы сняли часть вопросов, но ещё больше поставили новых. В частности, необходимо было уточнить дату смерти Владимира Сергеевича Тимирёва, ибо приводимые исследователями даты 1938 и 1942 год необходимо было документально подтвердить, если это вообще возможно. Помимо биографических подробностей, нужно было определить объём творческого наследия художника, а также музеи и частные собрания, где его работы хранятся. Думаю, назрел вопрос о монографическом исследовании его творчества. Правда, имя В. С. Тимирёва стало упоминаться в ряду молодых талантов 1930-х годов²⁷, а его работы экспонироваться на выставках. Так, помимо Перми, его работы были представлены в 1979, 1983 и 1989 годах в Москве, в 1998 году – в Каннах (Франция), в 2001 и 2003 – в Ташкенте (Узбекистан), в октябре-ноябре 2003 года прошла его персональная выставка в Москве в Мемориальном научно-просветительском общественном центре «Бутово», 4 октября 2004 года – вечер, посвящённый 90-летию со дня рождения Владимира Тимирёва в Библиотеке-фонде «Русское зарубежье», где были организованы однодневная выставка его работ и демонстрация документального фильма «Я к вам травкою прорасту...»²⁸. Но самое главное из последних событий – это выход книги о Владимире Сергеевиче Тимирёве, изданной в Москве Историко-литературным обществом «Возвращение» в 2008 году, которая, если и не всё, то очень многое в биографии художника расставила по своим местам²⁹.

Итак, Владимир Сергеевич Тимирёв родился 20 сентября (4 октября) 1914 года в Петрограде, в семье, составившей славу русской музыкальной культуры и русского флота – Тимирёвых и Сафоновых. Жизнь Владимира Тимирёва оборвалась чрезвычайно рано по постановлению тройки при УНКВД СССР по Московской области от 17 мая 1938 года, приговорившей

молодого человека к высшей мере наказания. В двадцать три года, 28 мая 1938 года, о чём свидетельствует выписка из акта о приведении приговора в исполнение, он был расстрелян и вместе с другими убитыми сброшен в заранее вырытый ров на спецобъекте НКВД «Бутовский полигон», что находится на 18-м километре Старо-Варшавского шоссе в Ленинском районе Подмосковья, на территории бывшей усадьбы Зиминых³⁰.

Первая выставка, на которой экспонировались работы Владимира Тимирёва, выполненные художником летом 1935 года в экспедиции на Каспии, состоялась не в 1934 году, а в декабре 1935 года в Москве, во Всесоюзном научно-исследовательском институте морского рыбного хозяйства и океанографии. Вторая выставка, организованная по инициативе ЦК ВЛКСМ, на которой демонстрировались работы В. С. Тимирёва, прошла весной 1936 года тоже в Москве³¹.

В книге о Владимире Тимирёве, изданной Московским историко-литературным обществом «Возвращение», представлены работы художника, находящиеся в семи музеях и трёх частных коллекциях. Так, выяснилось, что в городе Нукусе в музее искусств Республики Каракалпакстан им. И. В. Савицкого хранятся 52 работы Владимира Тимирёва³², в Пермской государственной художественной галерее нет живописных работ В. С. Тимирёва, его творчество в пермском собрании представлено семью акварелями³³.

Да, просто трагически-фантазмагорическое переплетение судьбы матери и сына! Так получилось, что Владимир Сергеевич писал пейзажи Вышнего Волочка, куда перебралась на жительство его мама. Находясь в заключении и ссылках, Анна Васильевна разыскивала своего сына, который, как ей сказали, был приговорён к «десяти годам без права переписки». Поэтому, не зная тогда, что это значит, Анна Васильевна долгие годы жила надеждой на встречу с сыном, выплёскивая свою душевную боль в пронзительные стихотворные строки.

Где б ты ни был, но если жив,
Если ходишь ты по земле –
Путь к тебе найдёт мой призыв
По туманной утренней мгле³⁴.

В другом стихотворении она писала:

За годами идут года,
Предназначенные судьбой.
Я не знаю, где и когда,
Но я всё-таки встречаюсь с тобой³⁵.

Спустя годы, они «встретились» в Перми, куда на своего рода свидание с сыном (можно это и так понимать) Анна Васильевна приезжала. Если,

конечно, верно то, что она бывала в Перми.

Скончалась Анна Васильевна Тимирёва (урождённая Сафонова) 31 января 1975 года, похоронена на Ваганьковском кладбище в Москве³⁶.

¹ См., например: Кто вы, адмирал Колчак? [Копылова Н. Жизнь – родине, честь – никому! Константинов А. «Заслужил то, что с ним случилось»] // Звезда (Пермь). – 2008. – 7 ноября; «Кто вы, адмирал Колчак?» [Отклики читателей] // Звезда (Пермь). – 2008. – 5 декабря.

² См., например: Гладышев В. Ф. Колчак в городе! // Пермские новости. – 2008. – 31 октября; Коробейников В. Ю. Колчак в Перми // Вечерняя Пермь. – 1992. – 3 марта; Субботин Е. П. Тост за адмирала: Хроника пребывания Верховного Правителя России Александра Васильевича Колчака в Перми в 1919 году // Шпиль (Пермь). – 2009. – Июнь-июль. – № 40. – С. 26-31; Субботин Е. П., Ситников М. Г. По пермским адресам адмирала Колчака: Хроника пребывания Верховного правителя России в Перми в 1919 году // Пермский дом в истории и культуре края: Мат-лы второй науч.-практ. конф. / Сост. и ред. Т. И. Быстрых. – Пермь, 2009. – С. 145-164.

³ См.: Допрос Колчака // Колчак Александр Васильевич – последние дни жизни / Сост. Г. В. Егоров. – Барнаул, 1991. – С. 64.

⁴ Биография Анны Васильевны Тимирёвой даётся, если это не оговорено особо, по: Лобачёв В. Букет ландышей // Секретные материалы 20 века. – 2008. – Август. – № 18. – С. 25. Кстати, в этом же номере газеты (с. 24) опубликована статья Валерия Лобачёва «В Эдемском саду и в преисподней...» и о первой жене А. В. Колчака Софье Михайловне Колчак (урождённой Омировой; 1876-1956). Психологическую характеристику А. В. Тимирёвой последних лет жизни см.: Егоров Г. В. Вступительное слово составителя // Колчак Александр Васильевич – последние дни жизни / Сост. Г. В. Егоров. – Барнаул, 1991. – С. 296-300

⁵ См.: Подлинные протоколы допросов А. В. Колчака и А. В. Тимирёвой // Отечественные архивы. – 1994. – № 6. – С. 54.

⁶ О Василии Ильиче Сафонове (1852-1918) см.: Музыкальный энциклопедический словарь / Гл. ред. Г. В. Келдыш. – М., 1990. – С. 487; Н. С. [Соловьёв Н. Ф.] Сафонов (Василий Ильич) // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: Репринт. Воспроизведение. – М., 1992. – Т. 56. – С. 477; Пресман М. Л. Рубинштейновский и Сафоновский периоды в Московской консерватории // Русская музыкальная газета. – 1916. – № 36/37. – Стб. 654-660, Василий Ильич Сафонов: К 150-летию со дня рождения: Мат-лы науч. конф. – М., 2003. – (Науч. тр. Моск. гос. консерватории им. П. И. Чайковского. – Сб. 49); Владимир Тимирёв: 1914-1938. – М., 2008. – С. 10-11, 31-32, а также прим. к воспоминаниям А. В. Тимирёвой: Книпер А. В. Фрагменты воспоминаний / Публ. К. Громова и С. Боголепова // Минувшее: Истор. альманах. – М., 1990. – С. 152-153.

⁷ О Варваре Ивановне Сафоновой (урожд. Вышнеградской; 1863-1921) см. в прим. к воспоминаниям А. В. Тимирёвой: Книпер А. В. Фрагменты воспоминаний / Публ. К. Громова и С. Боголепова // Минувшее: Истор. альманах. – М., 1990. – С. 154.

⁸ См.: Владимир Тимирёв: 1914-1938. – М., 2008. – С. 10 (фото), 11, 32.

⁹ О Савелии Моисеевиче Зейденберге (Зайденберге; 1862-1942) см.: Художники народов СССР: Биобиблиогр. словарь / В 6-ти т. – М., 1983. – Т. 4. – Кн. 1. – С. 280-281.

¹⁰ О Сергее Николаевиче Тимирёве (1875-1932) см. прим. к воспоминаниям А. В. Тимирёвой: Книпер А. В. Фрагменты воспоминаний / Публ. К. Громова и С. Боголепова // Минувшее: Истор. альманах. – М., 1990. – С. 159, а также: Владимир Тимирёв: 1914-1938. – М., 2008. – С. 11-13, 29, 104. По этому изданию приводится дата смерти С. Н. Тимирёва. Кстати, С. Н. Тимирёв – автор книги «Воспоминания морского офицера: Балтийский флот во

время войны и революции (1914-1918 гг.)» (М., 1993).

¹¹ О взаимоотношениях А. В. Тимирёвой и А. В. Колчака см.: «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...» – М., 1996.

¹² См.: Подлинные протоколы допросов А. В. Колчака и А. В. Тимирёвой // Отечественные архивы. – 1994. – № 6. – С. 54.

¹³ Книпер А. В. Фрагменты воспоминаний / Публ. К. Громова и С. Боголепова // Минувшее: Истор. альманах. – М., 1990. – С. 137.

¹⁴ См.: Допрос Колчака // Колчак Александр Васильевич – последние дни жизни / Сост. Г. В. Егоров. – Барнаул, 1991. – С. 64.

¹⁵ Книпер А. В. Фрагменты воспоминаний / Публ. К. Громова и С. Боголепова // Минувшее: Истор. альманах. – М., 1990. – С. 99.

¹⁶ О Всеволоде Константиновиче Книпере (1888-1942) см. прим. к воспоминаниям А. В. Тимирёвой: Книпер А. В. Фрагменты воспоминаний / Публ. К. Громова и С. Боголепова // Минувшее: Истор. альманах. – М., 1990. – С. 188-189; Владимир Тимирёв: 1914-1938. – М., 2008. – С. 14-15, 32.

¹⁷ «Минус», «минусовое проживание» – запрещение на определённый срок проживания в крупных городах, числом от трёх до ста.

¹⁸ См.: предисловие к воспоминаниям А. В. Тимирёвой: Книпер А. В. Фрагменты воспоминаний / Публ. К. Громова и С. Боголепова // Минувшее: Истор. альманах. – М., 1990. – С. 100-101.

¹⁹ Там же. – С. 101.

²⁰ См.: прим. к воспоминаниям А. В. Тимирёвой: Книпер А. В. Фрагменты воспоминаний / Публ. К. Громова и С. Боголепова // Минувшее: Истор. альманах. – М., 1990. – С. 190.

²¹ См.: Русская оригинальная графика 1920-1930-х годов: Каталог / Авт. вступ. статьи и сост. науч. каталога Н. Н. Новопашина; Пермская гос. худож. галерея. – Пермь, 2002. – С. 138-139.

²² Работы В. С. Тимирёва поступили в Пермскую государственную художественную галерею от его двоюродного брата и крестника И. К. Сафонова. См.: Владимир Тимирёв: 1914-1938. – М., 2008. – С. 43.

²³ Книпер А. В. Фрагменты воспоминаний / Публ. К. Громова и С. Боголепова // Минувшее: Истор. альманах. – М., 1990. – С. 99-190. К. Громов и С. Боголепов – это псевдонимы Ф. Перченка и И. Сафонова. См. также: Книпер А. В. «...Не ненави́деть, но любить»: Стихи. Воспоминания. – Кисловодск, 2003.

²⁴ См.: Сафонов И. К. Одя: История одной недолгой судьбы // Новый мир. – 1997. – № 6. – С. 152-158. Автор очерка – Илья Кириллович Сафонов – двоюродный брат и крестник В. С. Тимирёва.

²⁵ Правильное название книги – «Сказание о Кише». См. ил.: Владимир Тимирёв: 1914-1938. – М., 2008. – С. 40.

²⁶ См.: прим. к воспоминаниям А. В. Тимирёвой: Книпер А. В. Фрагменты воспоминаний / Публ. К. Громова и С. Боголепова // Минувшее: Истор. альманах. – М., 1990. – С. 160. Причина смерти В. С. Тимирёва была сфальсифицирована. В заключении КГБ от 8 февраля 1957 г. для внутреннего пользования капитан Корнеев, рассмотрев материалы архивно-следственного дела, «полагал бы зарегистрировать смерть осужденного, сообщив в ЗАГС о том, что Тимирёв В. С., отбывая наказание в ИТЛ, умер 17 февраля 1943 г. от крупозного воспаления лёгких». См.: Владимир Тимирёв: 1914-1938. – М., 2008. – С. 28.

²⁷ Ройтенберг О. На рубеже 1920-1930-х годов. Поиски и находки // Панорама искусств. – М., 1981. – Вып. 4. – С. 323.

²⁸ Владимир Тимирёв: 1914-1938. – М., 2008. – С. 106.

²⁹ См.: Владимир Тимирёв: 1914-1938. – М., 2008. – С. 106. Выражаю благодарность

сотрудникам Пермской государственной художественной галереи Олегу Петровичу Брезгину за информацию об этой книге, а Наталье Николаевне Новопашиной – за предоставленную возможность ознакомиться с этой книгой.

³⁰ Владимир Тимирёв: 1914-1938. – М., 2008. – С. 5, 9, 26-27, 103, 105.

³¹ Там же. – С. 20, 106.

³² Там же. – С. 43, 45-46, 107-110.

³³ Там же. – С. 198-109; Русская оригинальная графика 1920-1930-х годов: Каталог / Авт. вступ. статьи и сост. науч. каталога Н. Н. Новопашина; Пермская гос. худож. галерея. – Пермь, 2002. – С. 138-139.

³⁴ Владимир Тимирёв: 1914-1938. – М., 2008. – С. С. 28.

³⁵ Там же.

³⁶ См. предисловие к публ.: Книпер А. В. Фрагменты воспоминаний / Публ. К. Громова и С. Боголепова // Минувшее: Истор. альманах. – М., 1990. – С. 101; Владимир Тимирёв: 1914-1938. – М., 2008. – С. 29.

В. Б. Серебренников

*Член ученого совета Русского географического общества,
академик Петровской академии наук и искусств
(г. Обнинск)*

«Медлить нечего, а надо приниматься за всё...»

«Медлить нечего, а надо приниматься... за всё: за дороги, железные и каменные, за оружейные, пушечные и пороховые заводы, за медицинские факультеты и госпитали, за кадетские корпуса и училища мореплавания, за гимназии и университеты, за промыслы и торговлю, за крестьян, чиновников, дворян, духовенство, за воспитание высшего сословия... за взятки, роскошь, пенсии, аренды, за деньги, за финансы, за всё, за всё», – отмечал писатель и историк, академик Петербургской академии наук М. П. Погодин в «Историко-политических письмах и записках в продолжении Крымской войны 1853-1855 годов», определяя задачи, которые необходимо было решать российскому обществу.

1. Политико-экономическая ситуация в первой половине XIX века

И. А. Шестаков, адмирал и морской министр при Александре III, назвал правление Николая I в России в сравнении с быстро развивающейся Европой «застоем»¹. Его признаки появились уже в дониколаевскую эпоху.

Страна жила екатерининским величием России, славными победами её полководцев и флотоводцев, приведших к победам и в начале XIX века, впечатлением нерушимости «Священного союза» и «золотой лихорадкой» в Пермской губернии. Власть, очевидно, полагала, что безопасность и величие России можно купить богатствами её недр и обеспечить союзническими договорами с европейскими державами и,

по существу, тормозила техническое перевооружение промышленности, армии и флота и развитие производственных отношений. После разгрома турецкого флота адмиралом П. С. Нахимовым в 1853 году в очередной, Крымской войне с Османской империей, военную помощь последней оказала по существу «объединённая Европа» во главе с Великобританией и Францией. Военно-политическую ситуацию И. А. Шестаков охарактеризовал предельно ясно: «На нас поднималась вся Европа, даже друзья наши становились к нам в положение весьма сомнительное»². Англо-французский флот появился у российских берегов на железных военных винтовых пароходах с войсками, оснащёнными нарезным оружием, значительно превосходившим по боевым качествам российское гладкоствольное. Парусный деревянный российский флот был оснащён устаревшими пушками, половина из которых была отлита еще в XVIII веке. Практическое отсутствие дорог и современного транспортного хозяйства не позволили оказать своевременную помощь Севастополю.

Выдающиеся российские достижения в 1-й половине XIX века, прежде всего в металлургии и машиностроении, говорят о возможности России не только следовать за европейским прогрессом в технике, но и опережать его.

2. Управленческая структура тяжёлой и военной промышленности, власть и производственные отношения

В середине XIX века в Пермской губернии, охватывавшей территорию нынешних Пермского края, трёх четвертей Свердловской области, отдельных частей Челябинской и Курганской областей и республик Коми, Башкирии и Удмуртии, выплавлялось более 80 процентов чёрных и цветных металлов России, добывалось более 40 процентов мирового объёма золота и платины, добывались все российские алмазы и уникальные уральские самоцветы. Более полутора сотен крупных заводов чёрной и цветной металлургии губернии производили весь ассортимент металлических изделий, удовлетворявший требованиям рынка и центральной власти в отношении военной продукции. Заказы власти определялись сиюминутными потребностями государства и сведениями о возможностях тяжёлой индустрии, сосредоточенной в основном более чем за две тысячи вёрст от столицы при отсутствии телеграфа и железных дорог.

Важную, а порой и решающую роль в выпуске необходимой продукции играла управленческая структура тяжёлой и военной промышленности.

С эпохи Петра I в России развивалась система казённых и частных заводов, центральное управление которыми осуществлялось из Петербурга Берг-коллегией (министерством). Исключением был период екатерининских реформ в промышленности, когда упразднилась Берг-коллегия с передачей её функций Пермской казённой палате. Город Пермь с губернским статусом основывался и развивался Екатериной II в качестве

«запасной» столицы, если исходить, основываясь на географических и экономических исследованиях³. Берг-коллегия была возрождена Павлом I в 1797 году, а в 1807 году Александром I была подчинена Министерству финансов под названием Горного департамента (Департамента горных и соляных дел в 1811-1862 годах) и, таким образом, потеряла статус министерства. Этот департамент и штаб корпуса горных инженеров в 1834-1863 годах осуществляли надзор за частными заводами и общее руководство казёнными заводами, продукция которых производилась по заданиям и заказам главным образом Военного и Морского министерств. Военные заказы при необходимости давались и частным заводам.

Местным органом управления заводами в Пермской губернии по екатерининским реформам была Горная экспедиция при Пермской казённой палате. В 1797 году Горная экспедиция под названием Главное правление заводов Урала была переподчинена Берг-коллегии и переведена обратно в горный уездный город Екатеринбург, располагавшийся в географическом центре Пермской губернии и уральской горнозаводской промышленности. В 1802-1806 годах это правление разделялось на Екатеринбургское, Пермское и Гороблагодатское горные начальства, после чего было переведено в Пермь под названием Пермское горное правление. Главный надзор за его работой поручался генерал-губернатору пермскому и вятскому, а после упразднения генерал-губернаторства в 1811 г. – пермским губернаторам.

В 1826 году Николай I в связи с начавшейся «золотой лихорадкой» в горном Урале учредил в Екатеринбурге должность главного начальника горных заводов Уральского хребта. В его подчинении находились горная полиция, горные батальоны и Пермское горное правление, переведённое окончательно в Екатеринбург в 1831 году и названное Уральским.

Основным недостатком сложившейся системы управления является, прежде всего, отсутствие руководящих органов по развитию перспективных направлений в промышленности. Как на местном, так и на столичном уровне Министерства финансов приоритетом являлась добыча валютных металлов и самоцветов из «неисчерпаемых» недр Урала. Чиновникам Министерства финансов для решения вопроса о внедрениях изобретений или выдачах привилегий уральским заводчикам «приходилось» при отсутствии телеграфа и железных дорог советоваться со столичными авторитетами в основном британского происхождения. Эти советники фактически взяли под контроль развитие перспективных направлений российской промышленности и скорее из политических, а не из коммерческих соображений тормозили их развитие. Великобритания и в периоды союза с Россией стремилась к её ослаблению.

На Урале определённую роль в задержке рассмотрения и внедрения изобретений и новых производств сыграл перевод в Екатеринбург Пермского горного правления. Уральский хребет, на восточном склоне которого находится Екатеринбург, делил Пермскую губернию на две

примерно равные части – европейскую (Западный Урал, Прикамье) и азиатскую (Восточный Урал). В обеих частях в тот период находилось примерно одинаковое число крупных казённых и частных заводов чёрной и цветной металлургии. Перевод имел большое значение для добычи валютных металлов и для развития металлургии горного и Восточного Урала с их «неиссякаемыми» источниками сырья. В Прикамье медные руды к XIX веку практически иссякли, железные находились на грани истощения, но в то же время постепенно открывались «неиссякаемые» месторождения горючих и осадочных ископаемых. Для сохранения прикамских металлургических заводов была начата их модернизация, прежде всего частными владельцами, опиравшимися и на многовековой опыт местных металлургов. Металлургия в Прикамье развивалась более 5 тысяч лет, а на Восточном Урале фактически с эпохи Петра I. Древние прикамские мастера, веками развивавшие традиции уникальной пермской металлической скульптуры, знали и применяли самые разнообразные приёмы работы с металлом: «плоское и объёмное литьё в жёстких формах (каменных, глиняных, костяных и, возможно, деревянных), выпуклую чеканку, напайку, гравировку поверхности, уникальные отливки по восковым моделям»⁴. С XI века Северное Прикамье (Пермь Великая) входило в состав новгородских, а с конца XV века – московских земель, значительно заселённых русскими выходцами с Поморья. В Прикамье продолжала развиваться кустарная металлургия наряду с появлением заводов с XVII века, когда только начиналось массовое заселение Восточного Урала, вошедшего в состав России в конце XVI века. По воле Петра I, запретившего «кустарщину», по обоим склонам Уральского хребта начали строиться крупные заводы. Оставался опыт прикамских мастеров, которые и являлись авторами многих изобретений, разработок и идей эпохи промышленного переворота в металлургии, машиностроении, вооружении и т. д. Однако путь проектов по внедрению новинок удлинился географически и в отрыве от пермской губернаторской власти осложнился с переводом Горного управления в Екатеринбург. Из поля зрения столичных структур выпал в какой-то степени новаторский опыт прикамских заводов.

По существу, своевременным решением было бы разделение Пермской губернии на две губернии, расположенные на различных по историческому развитию и экономическим задачам землях Западного и Восточного Урала. Пример для разделения Пермской губернии подала Русская Православная Церковь в 1885 году, выделив Екатеринбургскую епархию из Пермской. Разделение Пермской губернии состоялось в 1919-1923 годах выделением Екатеринбургской губернии, но затем была образована обширная Уральская область с включением в неё бывшей Пермской губернии и центром в Екатеринбурге, а в Перми создавался крупнейший военно-промышленный комплекс. Вопрос окончательно был решен в 1938 году разделением Среднего Урала и прилегающих регионов

на Свердловскую и Молотовскую (Пермскую) области (ныне – Пермский край) в существующих ныне границах.

Последним словом во всех крупных начинаниях, в конечном счёте, была верховная самодержавная власть. От внешней и внутренней политики этой власти и от личных качеств императоров зависели в большинстве случаев и итоги работы всей управленческой структуры.

Внешняя политика России зачастую формировалась под влиянием Великобритании, сыгравшей из-за страха перед сближением наполеоновской Франции с Россией не последнюю роль и в дворцовом перевороте 1801 года.

Самодержавие как форма правления с господствовавшими в тот период в большинстве губерний крепостническими отношениями тормозом для развития экономики могло и не являться, как показали опыты правления Петра I и Екатерины II. Эти монархи, каждый по-своему, лично возглавляли развитие промышленности, приводившее Россию к мировому лидерству. При этом они не только сами были специалистами во многих областях знаний, но и умели подбирать необходимые кадры для реализации своих идей.

В области производственных отношений, образования и воспитания был наглядный пример Пермского имения графов Строгановых, по площади и экономическому потенциалу сравнивавшегося с несколькими развитыми европейскими странами. Человеческие отношения в этом имении были по существу даже не капиталистическими. Об отношении Строгановых к своим крепостным говорит, например, напутствие в XVIII веке предводителя петербургского дворянства, президента Академии художеств графа А. С. Строганова главному управляющему Пермским имением С. П. Климову: «Помни, что ты сердцу моему ни спокойствия, ни сладкого удовольствия принести не можешь, когда хотя бы до миллионов распространил мои доходы, но отяготил бы чрез то судьбу моих крестьян»⁵. Крестьянами назывались тогда все крепостные, среди которых в строгановских имениях были купцы, рабочие, интеллигенция, промышленники. Строгановский крепостной мог купить и продать недвижимость, а рабочие, зарплата которых была в 3-5 раз выше зарплаты рабочих других заводчиков, наделялись и землёй⁶.

3. Пожвинский завод и Пермское имение Всеволожских

В первой половине XIX века Пожвинский (Пожевский) чугунолитейный и железоделательный завод зачастую назывался Пермским и, по выражению исследователя развития технологии сталеварения в России П. Н. Батурова, являлся «центром передовой русской технической мысли»⁷. Завод не сходил со страниц документов и различных массовых изданий благодаря достижениям в металлургии, машиностроении и других областях техники.

Пожвинский завод был основан в 1754 году бароном Н. Г. Строгановым

на камском правобережье древней великопермской земли в 170 километрах к северу от будущего города Перми. В 1773 году завод был продан при содействии Екатерины II активному участнику её переворота князю Всеволоду Алексеевичу Всеволожскому с землёй площадью около 5 тысяч квадратных километров, населением, соляными промыслами и рудниками, в числе которых пожвинские, кизеловские, чикмановские, косьвинские, вильвенские и талицкие железные рудники, 26 медных рудников.

В последующие полвека Всеволожские приобрели в основном у Строгановых в обмен на соляные промыслы неосвоенные горные земли Западного и Восточного Урала, оказавшиеся особенно богатыми чёрными, цветными и благородными металлами и каменным углем. Новые владельцы быстро осваивали эти земли жителями Прикамья. Площадь их Пермского имения увеличилась до 16,1 тысяч квадратных километров, что составляло примерно десятую часть уральских владений Строгановых начала XVIII века, или более половины территории такого государства как Бельгия.

С 1796 года наследником имения до своей кончины в 1836 году был племянник покойного владельца, активный организатор промышленного переворота в имении, известный театральный деятель князь Всеволод Андреевич Всеволожский. Его дело продолжили дети Александр и Никита. В конце XVIII века Пожвинский завод был крупным металлургическим предприятием с доменным, железоделательным и железообрабатывающим оборудованием. Его основной продукцией были чугунное литьё, железо и изделия из них. В 1800 году было выплавлено 2488 тонн чугуна и 2032 тонны железа, что в общероссийском производстве составляло, соответственно, полтора и более двух процентов. Качество железа, и в особенности прокатно-листового, неоднократно отмечалось на выставках различного уровня. В значительных количествах оно продавалось в России и Европе, включая Англию.

В 1799 году при Пожвинском заводе открылась школа для крепостных, дававшая помимо общего образования навыки чертёжно-конструкторской работы и готовившая квалифицированных мастеров.

В первое десятилетие XIX века и во время войны с Наполеоном 1812-1814 годов в имении было построено еще 5 металлургических заводов на камских притоках, освоены многие новые рудники и проведена коренная реконструкция Пожвинского завода под руководством главноуправляющего имением крепостного уроженца Пожвы В. П. Воеводина по заданиям державшего постоянную связь с имением В. А. Всеволожского. На реке Пожве был построен уникальный гидротехнический комплекс с каскадом плотин, каналами и шлюзами для прохода судов. Плотина длиной 1,3 километра и высотой 10,6 метров, укрепленная доменным шлаком и облицованная камнем, долгое время была рекордной на Урале. Были также реконструированы старые цеха с

заменой оборудования без остановки производства и построен ряд цехов новых производств, в числе которых сталелитейный и механический.

Цеха завода «были не только совершенными инженерными сооружениями, но являлись произведениями искусства промышленной архитектуры своего времени»⁸. Их внутренний интерьер был образцом для многих заводов России. А. И. Мельников-Печерский писал: «Прихожу в завод, вижу прекрасный порядок, чистоту: совершенно не похоже на завод»⁹.

Механический цех по численности штата и оборудованию являлся крупнейшим машиностроительным заводом, выпускавшим оборудование для заводов, гидросооружений и шахт, включая металлообрабатывающие станки различного назначения, печи с воздуходувными устройствами, прокатные станы, прессы, паровые молоты, паровые машины и т. д. Ряд изобретений не применялся не только в России, но и во всём мире. Например, изобретённая и применявшаяся на заводе с начала XIX века цепная передача во 2-й половине этого же столетия была «изобретена» американцами. Каждый станок представлял своего рода произведение искусства. Директор Пермской государственной художественной галереи Н. Н. Серебrenников в первые годы Советской власти о старом токарном станке Пожвинского завода писал: «Станок прост, и вместе с тем вычурен – каждая гаечка, каждый кончик бруска, либо какой-нибудь другой части – отделан «праздниками», по выражению местных рабочих. Мастер станка украсил его: он хотел, чтоб станок ласкал его взгляд...»¹⁰.

В течение всей войны с Наполеоном Пожвинский завод получал заказы на изготовление артиллерийских снарядов. Усовершенствованная на заводе полировальная машина Екатеринбургского завода повысила производство в четыре с половиной раза. Было изготовлено несколько сотен тысяч плановых и несколько сотен тысяч сверхплановых боеприпасов в погашение долга некоторых заводов из-за допущенного брака. Всего по весу более 900 тонн. Среди изделий завода в это время были и «коноводки» на основе проекта И. П. Кулибина, практически решившие проблему бурлачества на Каме.

В 1813 году в дополнение к двум существовавшим доменным печам завода была пущена крупнейшая в Европе древесноугольная доменная печь оригинальной конструкции. Производство росло настолько стремительно, что вододействующих устройств уже реконструированной гидросистемы становилось недостаточно для энергообеспечения завода. В цехах началась установка паровых машин собственного производства. В механическом цехе уже в 1814 году все основные станки работали от паровых машин. Для их работы использовалось отходящее тепло от металлоплавильных печей.

В 1814-1817 годах В. А. Всеволожский с семьёй проживал в Пожве. В этот период под руководством главного механика завода, изобретателя и конструктора П. Г. Соболевского внедрён ряд крупных изобретений и

новых технологий, в числе которых выплавка железа прогрессивными способами, такими как пудлингование и прямая переработка чугуна в железе с каменным углем без молотовой работы, построены первые российские пароходы. Цеха завода с 1816 года освещались мягким светом газовых ламп от первого в мире промышленного газогенератора Соболевского (термолампа). В 1817 году после его переезда в Петербург газовое освещение появилось в столице, а затем и в других городах и на заводах до перехода на электрическое в конце XIX века. За изобретение термолампа П. Г. Соболевский был удостоен ордена св. Владимира, а за изобретение порошковой металлургии, вызвавшей переворот в мировой металлургии, и технологииковки платины совместно с В. В. Любарским, в 1830 году избран член-корреспондентом Академии наук.

После 1817 года Всеволожские проживали в основном в Рябово под Петербургом (ныне – Всеволожск), откуда и руководили работой имения. Крупными достижениями Пожвинского завода в этот период были и изделия точной механики, среди которых установленные в 1826 году на Спасо-Преображенском соборе Петербурга башенные часы, привлекавшие внимание Горного департамента не столько их оригинальностью, сколько машинным способом изготовления, намного опередившим своё время: «Но самое главное достоинство сих часов состоит в том, что они сооружены не одним изобретательным человеком, но составом разных цехов; ибо разные детали часов, отделанные разными людьми, предполагают и совершенство машин, необходимых для их обработки, и искусство мастеров»¹¹.

Основные выдающиеся разработки завода описываются в следующих разделах в контексте российского и мирового технического прогресса.

Говоря о технических достижениях завода, следует упомянуть о нем как и о крупном культурном центре XIX века. В 1802 году В. А. Всеволожский организовал крепостной хор, а затем оркестр и театральную труппу. В 1805-1807 годах театр с успехом гастролировал в Москве, и В. А. Всеволожскому предлагали стать директором московских театров. Театра такого уровня, в отдельном здании со сценой, в то время не было и в дворянской Перми. В театре ставились драмы, комедии и оперы. Сочинялись свои произведения. Некоторые пьесы и оперы, впервые поставленные в Пожве, переносились на сцены столичных театров. С переездом Всеволожских в Рябово переехал и основной состав пожвинских артистов и музыкантов, с успехом выступавших и на сценах императорских театров, о чём неоднократно сообщала столичная печать. В Рябово на представления театра съезжались аристократы и многие известные деятели русской культуры и искусства. Внук, сценарист и художник И. А. Всеволожский с 1881 года был директором императорских театров. После отъезда в столицу основного состава артистов театральная жизнь в Пожве не прекращалась и освещалась в различных уральских изданиях, благодаря сохраняемому «классическому» репертуару столичных театров.

4. Литая сталь – основа прогресса в машиностроении и вооружении

Изобретение паровых машин и агрегатов с их применением, в числе которых пароходы и паровозы, потребовали и значительного количества прочного, упругого и пластичного материала не только в общем объёме производства, но и в изготовлении отдельных многопудовых деталей, как, например, парходные валы. Таким материалом могла быть только сталь.

В малых количествах качественную сталь получали с древнейших времен, используя различные технологические секреты и ручную молотовую работу. Эта сталь использовалась в основном для изготовления холодного оружия, элементов защитных доспехов, отдельных сельскохозяйственных и бытовых орудий. Высококачественная сталь была известна и в Прикамье. В числе лучших трофеев, доставшихся московскому войску в 1472 году, были подаренные лично Ивану III «3 панциря, шлем и 2 сабли булатные»¹². В начале XIX века «бадаевская» инструментальная сталь Воткинского камского завода и сталь Баташёвских заводов Центральной России ценилась в Европе.

Значительные объёмы хрупкого чугуна и мягкого железа выплавлялись уже в XVIII веке в отличие от стали, которая отличалась от чугуна и железа содержанием углерода. Свойства стали зависят и от структуры, формирующейся при выплавке, и от добавок разных элементов. Поиски технологии получения больших объёмов литой «капризной» стали проводились на ряде заводов различными путями.

На Пожвинском заводе до 1810 года сталь получали способом «томления» железа и дальнейшей проковкой. Этот малопродуктивный и трудоёмкий способ не удовлетворял запросы машиностроителей. Совместная плавка чугуна и железа по способу Златоустовского завода, расположенного на реке Ай Камского бассейна, давала тогда сталь более низкого качества.

Особая технология получения литой стали путём науглероживания расплавленного железа была разработана в 1814 году на Пожвинском заводе после трёхлетних опытов под руководством мастера Матвея Левина. В. А. Всеволожский обратился в Пермское горное правление за получением правительственной привилегии на внедрение изобретения. Техническая комиссия дала положительное заключение о качестве литой стали и изделий из неё. Ответы на запросы Горного департамента в казённые и частные заводы подтвердили приоритет Пожвинского завода. Однако Министерство финансов направило образцы и документацию для оценки на Петербургский чугунолитейный завод британца Ч. Берда. Основной продукцией этого завода были чугунные изделия для обустройства императорского двора, Петербурга и Кронштадта – скульптуры, ограды, решётки, фонари, детали мостов и т. д. Более года Ч. Берд медлил с ответом, а затем дал отрицательную оценку.

Через 17 лет (!) Министерство финансов сообщило, наконец, что среди нерешённых дел, внесённых от Департамента горных и соляных

дел, не оказалось дела «О изобретении г. Всеволожского делать литую сталь». Внедрение в производство литой стали на казённых, и в первую очередь военных заводах, затормозилось, таким образом, на десятилетия.

П. Н. Батуров, исследовавший деятельность Берда в России, дал такое заключение: «Столь длительная задержка и отрицательный характер заключения свидетельствуют, что Берд, которому были чужды интересы России, пытался сорвать внедрение в практику замечательное изобретение пожвинских сталеваров... Берд неоднократно выступал против Пожвинского завода, центра передовой русской технической мысли того времени»¹³. Конечно, пожвинская литая сталь не осталась достоянием только Пожвинского завода, выплавлявшего и использовавшего её для производства необходимых деталей и механизмов. Она шла и на продажу.

Технология выплавки пожвинской стали путём науглероживания железа дала толчок к работам по её улучшению на ряде заводов. До совершенства эту технологию в 30-е и 40-е годы XIX века довёл горный инженер, будущий генерал-майор П. П. Аносов на Златоустовском заводе. Он впервые в мировой практике применил для изучения структуры стали микроскоп, раскрыл утерянный секрет булатной стали и использовал литую сталь как для изготовления холодного оружия, так и для пробных отливок артиллерийских орудий. Эта новация в то время поддержки не получила.

На Пожвинском заводе в эти годы добились получения качественной стали в пудлинговых печах, и в 1840 году впервые в мире была разработана технология выплавки рельсовой стали, а затем построены рельсопрокатные станы. Спустя три десятилетия Н. И. Путилов основал сталерельсовый завод в Петербурге и начал заменять в России на стальные рельсы чугунные и им ранее изобретённые чугунные рельсы со стальными головками.

В Златоусте горный инженер П. М. Обухов в 1854 году изобрёл особую технологию выплавки литой стали путём совместной плавки чугуна и железа с магнитным железняком и другими добавками. По существовавшим тогда методам определения качества, эта сталь «превосходила английскую в 30 раз... Клинки с надписью «Литая сталь П. Обухова» свободно свёртывались в кольцо – развёртываясь, они не изменяли несколько своей первоначальной прямизны, – упругость, превосходящая всякое вероятие» Это написал в «Истории Обуховского завода» его военпред генерал-майор В. И. Колчак¹⁴. П. М. Обухов в разгар войны разработал проект изготовления артиллерийских орудий из своей «тигельной» стали и направил его в Департамент горных и соляных дел Министерства финансов. Там проект пролежал два года, до наступления эпохи Великих реформ.

Ижевский прикамский завод первым начал выпускать нарезное стрелковое оружие ещё во время войны, но оно уже не решало её исход.

5. Паровые машины, пароходы, паровозы

Эра парового машиностроения началась с изобретений И. И. Ползунова паровой машины и паросиловой установки, проработавшей 43 дня уже после смерти её автора в 1766 году. В России в то время ещё не были исчерпаны доступные гидроэнергетические ресурсы, и паросиловое направление в промышленности развития не получило в отличие от заводчиков Британии, ухватившихся за изобретенную Д. Уаттом в 1784 году машину аналогичного назначения, применявшуюся на заводах и приспособляемую для водного и наземного транспорта. В Россию уаттовские паровые машины завозились для разных целей уже в конце XVIII века. Пожвинский завод начал конструирование паровых машин в начале XIX века. Пароход Саймингтона (1801 г.) и паровоз Тревитика (1803 г.) были первыми паровыми агрегатами, прошедшими успешные испытания, но решили судьбу этих видов транспорта пароход американца Р. Фултона «Клермонт» (1807 г.) и паровоз британца С. Стефенсона «Ракета» (1829 г.), удовлетворившие требования заказчиков. До «Клермонта» и «Ракеты» работы над паровым транспортом начал Пожвинский завод.

В первой половине XIX века основными транспортными артериями России оставались водные пути, которые в Европейской части значительно удлинились за счёт пуска в эксплуатацию Мариинского, Тихвинского, Северо-Екатерининского, Северодвинского каналов, связавших воедино Центральную Россию, промышленный Урал, Балтику и Беломорье.

В 1813 году Россия заключила договор с Р. Фултоном на постройку пароходов с условием спуска на воду первого парохода к 1816 году. В феврале 1815 года Р. Фултон умер, не построив парохода. Договор потерял силу.

В начале мая 1815 года первый российский пароход Пожвинского завода с машиной 8 л. с. готовился к буксировке баржи на Макарьевскую ямарку за 1300 верст по Каме и Волге. Печатное сообщение о намеченном плавании опубликовано 24 мая в «Московских ведомостях». На следующий день, 25 мая 1815, года Ч. Берд обратился с ходатайством о получении привилегии на строительство пароходов в России в Департамент государственного хозяйства и публичных зданий, где было заведено дело «О выдаче привилегий владельцу чугунно-литейного завода Чарльзу Берду на судно, приводимое в движение паром». В течение лета он установил на баркасе-тихвинке паровую машину Д. Уатта в 4 л. с. с кирпичной трубой, опробовал на Неве этот «стимбот» «Елизавета» и 3 ноября 1815 года совершил рейс из Петербурга в Кронштадт и обратно под ликование народа.

В 1816 году Ч. Берд установил на пароходе машину такой же конструкции, что и пожвинская, но мощностью 16 л. с., а П. Г. Соболевский сконструировал и установил на пароходе машину в полтора раза мощнее. Использовался пожвинский пароход для прогулок

по Каме семейства В. А. Всеволожского, губернского начальства и столичных гостей. Столичные газеты обратили внимание не только на достоинства «пермских» пароходов, но и на их цену, вчетверо меньшую бердовских.

В том же 1816 году в Пруссии построен первый пароход континентальной Европы «Принцесса Шарлотта», плававший между Берлином и Потсдамом.

В паровом машиностроении у Пожвинского завода в ту пору в России конкурентов не было. Ижорский завод выпустил первую паровую машину в 1816 году, когда Пожвинский завод, обеспечив ими имение, начал производить паровые машины и на продажу, о чём сообщалось 24 и 27 мая 1816 года в «Московских ведомостях». На Нижнетагильском Демидовском заводе (Восточный Урал) мастер Е. А. Черепанов приступил к изготовлению первой паровой машины мощностью 4 л. с. в 1822 году.

В 1817 году П. Г. Соболевский изобрел на пять лет раньше британца Гутцмера паровую машину «прямого действия», приведшую к прогрессу в паровом машиностроении. Машину такой конструкции мощностью 36 л. с. П. Г. Соболевский установил на одном из пароходов, плававших в том же году в Казань. Изготовление отдельных деталей этой машины в России тогда было под силу только Пожвинскому заводу. Цилиндр с поршнем весил 3 тонны, паровой котел весом 4,3 тонны имел размеры 2,4 x 2 x 5 метров. Длина парохода – 30,6 м, ширина – 6,9 м, высота борта – 2,6 м. Экипаж – 21 человек.

В это же самое время Ч. Берд «окрутил» столичных чиновников и получил по своему «делу» беспрецедентную привилегию на исключительное право строительства и пользования паровыми судами в России. Никто не имел права без разрешения Ч. Берда не только строить пароходы, но и делать их на заказ и эксплуатировать. После известия о плавании пожвинских пароходов в Казань, Ч. Берду удовлетворили его жалобу в высшие инстанции. Различным нападкам подверглись строители камских пароходов и владелец. Трудно себе представить, насколько сильным было в столице пробердовское лобби, если неслышанному унижению подвергся русский потомственный князь. Так или иначе, но события первой половины XIX века показывают, что Ч. Берд был звеном британской политики в России с далеко идущими целями.

Монополия Ч. Берда, уничтожившая отечественное пароходостроение, продолжалась более трёх с половиной десятилетий до его смерти. Право строительства какого-либо парохода можно было купить только у Ч. Берда. Так, право на строительство крупного пожвинского парохода «Всеволод» было куплено в 1820 году за астрономическую сумму. Построенный под руководством главного мастера П. К. Казанцева, «Всеволод» в 1821 году отправился в Петербург, и, проплыв около двух тысяч вёрст до Рыбинска, не смог пройти дальше по Мариинскому каналу из-за своих габаритов.

Борьба Всеволожских за отечественное пароходостроение довела

их до банкротства, от которого спасла начатая в имении в 1825 году золотодобыча и печатание собственных денег «всеволоженок» для расчётов с рабочими и мастерами. Печатание денег было расценено правительством как подрыв финансовой системы государства. Выпуск пароходов был прекращён.

В. А. Всеволожский не оставлял мысли о строительстве всех видов парового транспорта. Ещё в 1810 году он хотел проложить рельсовые пути на рудных промыслах. Частично окрепнув «на золоте», В. А. Всеволожский, казалось бы, нашел юридический выход, заключив с британским механиком П. Тетом в начале 1828 года контракт, по которому тот должен был работать в Пермском имении «в должности инженера по железозаводским всякого рода изделиям, изобретениям и ныне существующим в Англии системам, касающихся до железных заводов, пароходов, карет паровых с дилижанцом, паровых фур для перевозки руды или угля по чугунным дорогам»¹⁵.

Роль П. Тета в делах имения была скорее скандальной, чем положительной. За семь лет его работы не было построено ни одного парохода. С паровозами дела поначалу шли успешнее. Уже в начале 1829 года, до испытаний паровоза С. Стефенсона, действующая модель пожвинского паровоза была отправлена в столицу. В отделе истории русской культуры Эрмитажа она экспонировалась с надписью: «Модель первого русского паровоза. Пожвинский завод, 1828 г.»

В 1830 году на Пожвинском заводе был изготовлен первый в России паровоз для безрельсовых дорог. В историко-технической литературе он получил известность как «паровая коляска Пожвинского завода».

По контракту 1831 года П. Тет должен был построить первую в России чугунную дорогу длиной около 33 км на камском левобережье от Кизеловского рудника к Александровскому и Всеволодо-Вильвенскому заводам и пристани на Вильве, на правобережье – дорогу 29 км между Пожвинским и Майкорским заводами, и обеспечить эти дороги паровозами.

В 1833 году на выставке в Петербурге экспонировались «паровая коляска» и паровая машина высокого давления, являвшаяся прообразом машин, устанавливаемых в 1850-е годы на военных судах. П. Тет в числе авторов указан не был и высказал известное по архивам сожаление. В конце года механический цех сгорел по невыясненным причинам вместе с недостроенным паровозом, оборудованием и несколькими цехами.

В этом же году мастер Нижнетагильского металлургического завода Е. А. Черепанов съездил на стажировку в Англию и в следующем 1834 году под его руководством был построен узкоколейный паровоз и чугунная дорога длиной менее километра. Задуманная дорога в три версты не была построена.

В 1835 году механический цех возобновил работу. Начал строиться первый в России паровоз широкой колеи «Пермяк» мощностью 43 л.

с. П. Тет не выполнил условий контракта и покинул завод с чертежами паровоза. Их пришлось составлять заново. Паровоз строился под руководством главного мастера завода А. П. Кочегина тремя сотнями мастеров. Работу замедлила и смерть В. А. Всеволожского в 1836 году. В итоге «Пермяк» не был достроен к планировавшейся эксплуатации на сооруженной в 1837 году Царскосельской железной дороге. Паровозы и оборудование для неё закупились в Европе.

В мае 1839 года разобранный «Пермяк» был доставлен на выставку в Петербурге. В Решении экспертной комиссии указано, что паровозостроение на «заводе гг. Всеволожских заслуживает особого внимания правительства».

Министр финансов доложил Николаю I: «На заводах гг. Всеволожских построен первый в России паровоз, который одобрен знатоками. О сем важном шаге... считаю долгом, по представлению Промышленного совета, довести до высочайшего сведения Вашего императорского величества»¹⁶.

Пресса восторгалась паровозом. Так, газета «Северная пчела» писала: «Взоры наши не могут насытиться видом превосходного паровоза «Пермяк» с завода гг. Всеволожских... Чувство наше воспламеняется и мысль рвётся на простор при виде полезнейшего из всех изобретений человеческого ума! ... Это изобретение есть венец гениальности... рода человеческого»¹⁷.

«Пермяк» как «первый паровоз, построенный в России»¹⁸, был отмечен золотой медалью, но её получил Э. Тет (брат П. Тета), с которым В. А. Всеволожский заключал контракт, очевидно, с целью быстрого выхода на российский рынок. Дети В. А. Всеволожского ждали заказов и предавались производственным планам строительства паровозов и железных дорог. Но столица предпочла закупать паровозы в Европе, а «Пермяк» вернулся в имение, где совершенствовалось железнодорожное хозяйство. К 1847 году в имении были достроены запроектированные в 1831 году две железные дороги общей протяженностью 64 километра.

Вернёмся к пароходам. В 1841 году пожвинская паровая машина была установлена на первом в мире пароходе с железным корпусом, построенном на признанной «родине русского самовара», хотя и оспариваемой древним Соликамском, – Суксунском Демидовском заводе в горном Прикамье под руководством мастера П. И. Тёмкина. Неизвестны договоренности с Ч. Бердом, но пароход использовался для перевозки руды по камским притокам, а эпоха металлического судостроения ведёт отчёт от спуска на воду в Англии «Великой Британии» в 1843 году, в конце которого скончался Ч. Берд. Его наследники сын Френсис, а затем внук Джордж монополию уже не имели.

Началась «камская пароходная лихорадка». 28 апреля 1845 года в камские воды спущен железный пароход П. И. Тёмкина «Никита Демидов». В 1846 году Пермское пароходное общество построило первый пароход

«Пермь». В 1847 году в Перми пароходы строили уже две компании. В том же 1847 году начал строить пароходы Воткинский казённый завод, а в следующем году и паровозы, став крупным машиностроительным заводом России благодаря инициативе его директора И. П. Чайковского. В 1851 году в Перми было образовано Камско-Волжское пароходное общество. Число пароходных заводов в Прикамье продолжало расти и вскоре перевалило за десяток. Лавиной посыпались изобретения.

Но даже эта «камская пароходно-паровозная лихорадка», начавшаяся задолго до Крымской (Восточной) войны, не вызвала у власти интерес к строительству военных пароходов, не говоря о железных их корпусах. А во Франции в 1850 году был построен уже первый винтовой пароход «Наполеон». Денег у правительства на закупку европейского железнодорожного оборудования и паровозов «хватило» только для построенной в 1852 году Николаевской «чугунки» Петербург – Москва. Каменные и грунтовые дороги были хорошими только вблизи столиц и в Пермской губернии, где, как писал в своих «Дорожных записках...» И. П. Мельников-Печерский, они «доведены до такого совершенства, что им удивлялись иностранцы, видевшие дороги Франции и Англии»¹⁹. И Россия не смогла своевременно помочь Севастополю во время оборонительных боёв 1854-1855 годов – войска и ополчение шли по бездорожью.

6. Военная паровая винтовая флотилия Петербурга

Состояние пароходного морского флота в начале войны И. А. Шестаков описывает так: «Небольшое число колёсных пароходов, употреблявшихся для надобностей двора... механиками были иностранцы, преимущественно англичане»²⁰. Таков итог «эпохи Берда» и бездействия послебердовского десятилетия. Общественность вспомнила В. А. Всеволожского, о котором в «Справочном энциклопедическом словаре» выпуска военного 1854 года сказано: «В 1815 году он устроил первый пароход в России, и, совершив путь от своих заводов до Казани, доказал возможность пароходства».

С началом сражений в черноморском бассейне ожидалось появление парового англо-французского флота в Белом море, на Камчатке и летом в Финском заливе. Для эффективной защиты Кронштадта и Петербурга по инициативе и чертежам в ту пору капитан-лейтенанта И. А. Шестакова было решено строить флотилию винтовых канонерских лодок. Герой кавказской войны, дворянин Смоленской губернии И. А. Шестаков описал в дневнике эту «форс-мажорную» ситуацию так: «Затруднения к снаряжению паровой флотилии были не только значительны, но разнообразны. Нужно было выстроить самые суда, снабдить их механизмами и обученными экипажами, познакомить служащих с действием артиллерии, набрать и обучить механиков, согласовать манёвры на случай боев. Всё это предстояло сделать в 5-6 зимних

месяцев, при коротких днях и морозах. Задача была поистине трудная и... невозможная... В техническом отношении изготовление механизмов при наших детских заводских средствах, и при неуверенности, существуют ли они, представляло важнейшее затруднение»²¹.

Но в любой ситуации есть место для подвига. За создание военной флотилии взялся чиновник особых поручений Морского министерства, известный математик и будущий выдающийся организатор промышленности на северо-западе России и в Петербурге, дворянин Новгородской губернии Н. И. Путилов. Вступивший в должность Морского министра великий князь Константин Николаевич, первыми шагами которого стали новый Морской устав, морская реформа, учреждение надминистерского Пароходного комитета, поверил в Н. И. Путилова и предоставил ему все полномочия.

Весной флотилия из 40 деревянных канонерских винтовых лодок весом около тысячи тонн каждая и с тремя орудиями наибольшего тогда калибра была готова. В течение года было спущено на воду еще 35 канонерских лодок и 14 винтовых корветов с 14-ю орудиями на каждом.

Как и в каких условиях строились эти боевые суда под руководством Н. И. Путилова в военную зиму и как подбирались и обучались экипажи и механики, И. А. Шестаков подробно описывает в своих воспоминаниях «Полвека обыкновенной жизни». Если сказать кратко, то Н. И. Путилов «поднял» весь Петербург и даже «без ведома Министра Двора и придворной конторы... придворное каретное заведение»²² для изготовления необходимых деталей и узлов паровых машин. «Изготавливаемые во всех углах Петербурга механизмы, влекомые по мостовой, тащились к остовам, которые назначались оживить. Неутомимый Путилов грузил тяжёлые котлы и цилиндры на нарочно устроенные телеги, стегал коней, подгонял погонщиков и едва ли подчас не впрягался сам, когда веская колесница встречала препятствия, а их на петербургских улицах немало... Канал у Галерного острова углубили, соскребли со дна все следы прежних дел и бездействия. В марте начали разбивать на нем лёд и в мёрзлую кашу сталкивали оледенелые ещё суда... Рядом с постройкой шло образование личного состава... Устроили под навесом батарею как палубу лодки с орудиями; с неё вместо отдыха стреляли после работы в поставленный на льду сруб – артиллеристы приучались к меткой стрельбе... На железных дорогах Петербурга учились будущие механики»²³.

Для ремонта поврежденных судов Н. И. Путилов построил три плавучих дока и ремонтную мастерскую в Кронштадте, превращённую вскоре в пароходный завод. Одновременно он принял участие в постройке в Петербурге 14-и плавучих батарей, 6-и канонерских лодок для Риги и 6-и паровых клиперов для защиты Архангельска и выхода на британские морские коммуникации. В течение всей войны Н. И. Путилов письменно отвечал на многочисленные запросы различных ведомств по экономическим вопросам и издал 37 томов «Сборника известий о войне

1853-1855 годов».

Появление российской паровой винтовой военной флотилии на подступах к Кронштадту и Петербургу явилось неожиданностью для англо-французского флота, не рискнувшего их штурмовать, а ограничившегося морской блокадой, обстрелом городов и крепостей в Финском и Ботническом заливах, где их не могли защитить устаревший парусный флот и устаревшая артиллерия, штурмом и захватом крепости Бомарзунд. О бомбёжке Свеаборга И. А. Шестаков с горечью и болью писал: «Огонь продолжался двое суток. Наши орудия были ничтожны в сравнении с неприятельскими, и снаряды не долетали. В крепости сожжены магазины, казарменные флигели, ...истреблено всё, что могло гореть, ...но враги отделались, как на манёврах, без потери»²⁴. Подобные обстрелы выдержали Або (Турку), Сестрорецк, другие города и селения. Соловецкий монастырь и Петропавловск на Камчатке выдержали осаду благодаря мужеству и находчивости обитателей этих дальних российских рубежей. В это же время потенциал уральских заводов был таков, что если хотя бы за год им дали заказ на постройку канонерских лодок, то к войне сотни железных «лодок» в летнее время своим ходом приплыли бы на Балтику и Беломорье.

Говоря о героической обороне Кронштадта и Петербурга путем создания в немыслимо короткий срок в тяжелейших условиях и фактически без материальной базы военной паровой флотилии, следует в контексте статьи понять роль «завода Берда». И. А. Шестаков в своих мемуарах подробно описывает весь ход работ с указанием основных его участников, мастерских, в которых изготовлялись паровые машины и те или иные механизмы, места сборки боевых лодок, но он ни разу не упомянул «завод Берда», который, казалось бы, и должен был строить эти «лодки».

Главным подрядчиком, построившим первую экспериментальную лодку, был «купец Кудрявцев», а «в техническом отношении поручик Иващенко и главный инженер Николаевской железной дороги американец Уайненс, оба горели огнём сопротивления неприятелю, а Уайненс как американец прибавлял национальную неприязнь к англичанам»²⁵. В. И. Колчак в «Истории Обуховского завода» при описании организаторских подвигов Н. И. Путилова по созданию паровой винтовой военной флотилии также упоминает Кудрявцева, но ни слова не говорит о «заводе Берда». В более поздние времена наследники и многочисленные биографы Ч. Берда приписали ему вымышленные заслуги, начисто «забыв» В. А. Всеволожского и других выдающихся деятелей российской науки и промышленности, и ущерб, причинённый России. Такая «история» развития техники в России переключалась в советскую и постсоветскую справочную и историческую литературу. Мемуары И. А. Шестакова с нелюбимыми характеристиками многих членов императорского двора Александр III распорядился считать «не

подлежащими оглашению», и они впервые в полном виде опубликованы в 2006 году. «История Обуховского завода» В. И. Колчака после первого издания в «Морском сборнике» за 1901-1902 годы переиздана в 2001 году.

Наследники В. А. Всеволожского, увязнув в астрономических долгах, в том числе и из-за паровозных изобретений, во второй половине XIX века распродали свое Пермское имение по частям и техническими делами, как и приоритетными, не занимались, в отличие, например, от Демидовых.

Пожвинский завод, последним владельцем которого с 1899 года был князь С. Е. Львов, вошёл по административному делению РСФСР в Коми-Пермяцкий автономный округ, в 1954 году был ликвидирован в связи с затоплением Камским водохранилищем, как и ряд других, строгановских в основном, заводов. Уникальные архивные материалы о работе завода с момента его основания и оставшиеся после П. Тета, пожара и гражданской войны, собранные и сохранённые последним директором П. М. Казанцевым, частично публиковались в его монографиях²⁶ и других пермских и коми-пермяцких изданиях. Остальные упомянутые заводы работают и поныне. Например, Воткинский завод производит стратегические ракеты. На другом берегу Камы построен город Чайковский Пермского края, названный в честь уроженца Воткинска П. И. Чайковского. С полным правом можно считать, что в название вложена и память об его отце – директоре завода И. П. Чайковском.

7. Послесловие

С кончиной Николая I в разгар Крымской войны закончилась и эпоха застоя. Исторический момент И. А. Шестаков описал так: «Волею Провидения сражена сила, запиравшая все отдушины, которыми могли выходить наружу способности и энергия, нарождавшиеся между Уральскими хребтами и Карпатами, от Ледовитого моря до «пламенной Колхиды»... 18 февраля (1855 г.) Россия стала жить новой жизнью – умер Николай Павлович»²⁷. С приходом во власть его детей началась эпоха Великих реформ.

¹ Шестаков И. А. Полвека обыкновенной жизни: Воспоминания (1838-1881 гг.). – СПб., 2006. – С. 171.

² Там же. – С. 174.

³ Серебренников В. Б. Екатерининский город Пермь: Ч. 1 // Вестник Петровской академии. – 2008. – № 11. – С. 74-85.

⁴ Обороин В. А. Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль. – Пермь, 1976. – С. 6.

⁵ Ильинский: Страницы истории. – Пермь, 2004. – С. 49.

⁶ Серебренников В. Б. Наследие села Ильинского – столицы Строгановского пермского имения в 1771-1918 годах // Вестник Петровской академии. – 2007. – № 8. – С. 125-133.

⁷ Батуров П. Н. Развитие техники производств стали в России в первой четверти XIX века // Труды по истории техники. – М., 1954. – Вып. IV. – С. 88.

⁸ Алфёров Н. С. Творчество русских архитекторов на уральских заводах XVIII

и первой половины XIX века // Труды Уральского политехнического института. – Свердловск, 1957. – Сб. 40. – С. 171.

⁹ Мельников-Печерский П. И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. – 1840. – Кн. XII.

¹⁰ Серебrenников Н. Н. Памятка в Пожве о построенном там первом русском паровозе // Вестник Пермской железной дороги. – Свердловск, 1926. – № 26. – С. 5-6.

¹¹ О некоторых произведениях промышленных искусств на заводах В. А. Всеволожского // Горный журнал. – 1826. – № XII. – С. 139.

¹² Карамзин Н. М. История государства Российского. – М., 2002. – С. 468.

¹³ Батуров П. Н. Указ. соч. – С. 88.

¹⁴ Колчак В. И. История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники // Колчак В. И., Колчак А. В. Избранные труды. – СПб., 2001. – С. 127.

¹⁵ Государственный архив Пермского края. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1051. Л. 46-47.

¹⁶ Центральный государственный исторический архив. Ф. 18. Оп. 2. Д. 970. Л. 9.

¹⁷ Северная пчела. – 1839. – № 124.

¹⁸ Санкт-Петербургские ведомости. – 1839. – № 191.

¹⁹ Мельников-Печерский П. И. Указ. соч.

²⁰ Шестаков И. А. Указ. соч. – С. 184, 188.

²¹ Там же. – С. 184-185.

²² Там же. – С. 187-188.

²³ Там же. – С. 197.

²⁴ Там же. – С. 181.

²⁵ Там же.

²⁶ Казанцев П. М. На старом уральском заводе. – Пермь, 1966; Пожвинский завод: Историческая хроника. – Кудымкар, 2004.

²⁷ Шестаков И. А. Указ. соч. – С. 193.

П. Н. Агафонов

*Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры теологии
Регионального института непрерывного образования
Пермского государственного университета
(г. Пермь)*

Пермская епархия в годы Великой Отечественной войны¹

Из 782 православных церквей и часовен в Пермской области действовали в 1939 году лишь 84, общин верующих насчитывалось 74, служителей культа – 42 человека²; в 1940 году были закрыты 55 храмов и 11 часовен.

Почти разгромленную Церковь областной совет воинствующих безбожников «добивало» сборником по антирелигиозной пропаганде тиражом в 5000 экземпляров, выпущенным Молотовским областным издательством³.

Несмотря на ширококомасштабные репрессии, в записке начальника

Ворошиловского отдела НКВД А. Морякова первому секретарю РК ВКП(б) М. А. Павловскому в марте 1937 года говорилось о том, что «...только с одного содового завода посещают церковь, принимают для богослужения на дому попов, крестят детей и совершают панихиды 37 рабочих, каустического цеха – 13 человек, подсобных хозяйств – 29 человек. Посещают церковь не только рабочие, но и служащие из учреждений: коммунальный отдел, ТЭЦ, складское хозяйство, акустика. Аналогичное явление наблюдается и по Соликамску...»⁴.

В феврале 1941 года Всехвятская церковь была закрыта и возобновила свою деятельность в связи с приездом в город епископа Александра (Толстопятова) только в 1943 году⁵.

За первое полугодие 1941 года закрыты 31 церковь и 9 часовен, на 1 января 1942 года действующими в епархии были лишь 12 храмов⁶.

В пригороде Перми Ераничах в 1941 году продолжал функционировать лагерь для перемещённых лиц и прочих контрреволюционеров и антисоветчиков; в нём находились и представители духовенства.

На 1 сентября 1941 года в епархии действовали лишь 6 храмов и одна часовня, зарегистрировано 20 небольших общин верующих. Надзор за их деятельностью осуществлял инструктор облисполкома по культовым вопросам Симонов⁷.

В первый день войны местоблюститель патриаршего престола блаженнейший митрополит Московский Сергей (Страгородский) обратился с «Посланием к пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором призвал весь православный народ на защиту Отечества. В своём послании он писал: «Жалкие потомки врагов православного христианства хотят ещё раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу».

Духовенство и верующие Молотовской епархии в 1942-1944 годах сдали в фонд обороны более 1 700 000 рублей, на подарки Красной Армии было собрано 920 250 рублей и на помощь семьям и детям фронтовиков 53 256 рублей.

После знаменитой встречи руководства СССР с группой иерархов церкви 4 сентября молниеносными «большевистскими» темпами был подготовлен и 8 сентября 1943 года в 11 часов дня открыт Собор иерархов Русской Православной Церкви (РПЦ), созданный для избрания патриарха Московского и всея Руси. На Соборе присутствовало 19 лиц из высшей церковной иерархии: 3 митрополита, 11 архиепископов и 5 епископов, среди которых был и епископ Александр (Толстопятов), пребывавший до этого на покое, которого назначили епископом Молотовским⁸; с 26 декабря 1944 года владыка Александр стал именоваться епископом Молотовским и Соликамским⁹. 27 февраля 1945 года «во внимание к архипастырским трудам и за патриотическую деятельность» владыка был возведен в сан

архиепископа¹⁰.

К моменту приезда владыки Александра в епархии действовали всего 9 православных храмов: в Лысьве и Добрянке – Иоанна Богослова, в Романово–Сретенский, в Шубино – Иоанна Златоуста, в Воробьях, Блинах – Покровский, в Ильинском – Благовещения Пресвятой Богородицы, в Польшгареце – Преображенский и в Покче – обновленческий.

В «Журнале входящих и исходящих документов», хранящемся в Государственном архиве Пермского края, зарегистрированы письмо жительницы Чусовского района П. А. Третьяковой И. В. Сталину об открытии церкви в с. Лямино и письмо епископу Александру от М. Долматовой с подобной же просьбой. За 1944 год поступило 316 прошений об открытии церквей; открыто было всего 38 храмов. В апреле того же года церковный совет храма Похвалы Богородицы п. Орёл обратился в Ворошиловский райисполком с просьбой о возвращении из музея церковного имущества.

Уполномоченный с нескрываемым раздражением писал о том, что владыка Александр «принимает от верующих все заявления, как бы они ни были оформлены, даже на отдельных клочках бумаги, в том числе и от белокринитцев и беспоповцев, принимает и назначает протоиереев, священников и диаконов без всякого разбора, совершенно не могущих подчас вести службу в церкви...»¹¹.

Епископ принимал и переводил настоятелей без согласования с уполномоченным Совета по делам РПЦ, что затрудняло последнему ведение учета и личных дел. В круг их прямых обязанностей уполномоченных Совета при СНК СССР по делам Русской Православной Церкви входило экономическое удушение Церкви и духовенства, поощрение её развала, использование осведомителей и «агентов влияния», борьба со звоном и церковным пением, недопущение поминовения праведников-иереев, борьба с благолепием, борьба с омоложением священноцерковнослужителей, преследование за обряды, запреты на служение на национальных языках и т. п.

Кроме регистрации уполномоченные обязаны были обращать «главное внимание на глубокое и детальное изучение происходящих в жизни церковных кругов процессов, изучение кадров духовенства», деятельности учебных заведений, положение в монастырях, рассматривать «по существу» поступающие заявления.

3 июня 1944 года епископ Александр получил разрешение на открытие храмов в Осе, в сёлах Плотниково и Спас-Барде. Владыка сам вникал во все мелочи епархиальной жизни, до нас дошли сведения, что он лично направлял ходатаев об открытии храмов на «правильный» путь.

Летом 1944 года церковный совет Свято-Троицкого собора отправил ходатайство начальнику Молотовской АГТС «об установке телефонной связи для епископа»¹². Тогда же ему был оформлен пропуск для проезда в Москву для участия в сессии Синода.

В ноябре 1944 года владыка Александр уехал на Предсоборное совещание в Москву; вместе с представителями епархии он принял участие в Поместном Соборе Русской Православной Церкви 31 января – 4 февраля 1945 года¹³. Участниками Собора были: 4 митрополита, 13 архиепископов, 29 епископов, 87 других клириков и 38 мирян; в качестве почётных гостей прибыли Александрийский, Антиохийский и Грузинский патриархи.

Собор избрал митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (Симанского) патриархом¹⁴. На Соборе к присутствующим обратился с небольшой речью председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме Союза ССР Г. Г. Карпов. Он, в частности, сказал: «Великая Октябрьская социалистическая революция... освободила Русскую Православную Церковь от тех пут, которые сковывали и стесняли её внутрицерковную деятельность»¹⁵.

За 1944 год, как уже говорилось, поступило 316 заявлений от граждан Молотовской области с просьбами об открытии храмов, открыто было лишь 38, а 175 заявлений возвращено, «как неправильно оформленные». В январе 1945 года уполномоченный Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР П. С. Горбунов, до того работавший начальником спецотдела Молотовского облисполкома, сообщил владыке Александру, что его ходатайство об открытии церкви в с. Мысы и Никольской церкви в Кудымкаре рассмотрено и отклонено. Замечу, что подавляющее большинство подобных ходатайств отклонялось. Заявления владыки Александра о «неправильном (завышенном) налоге» на храмы также отклонялись.

Летом 1945 года в с. Брехово Суксунского района церковь была «переоборудована» под школу, «культурно-массовая работа проводилась там же»¹⁶.

Внутренний, внутрихрамовый, колокольный звон был разрешён только в пяти храмах епархии. Церковный совет Градо-Пермской Всехсвятской церкви получил из Молотовского управления Главлторгцветмета колокол¹⁷.

В начале февраля 1945 года райгорисполкомы получили совершенно секретное, подписанное председателем Молотовского областного совета депутатов трудящихся А. И. Швецовым постановление, запрещавшее «проведение богослужений лицам, не имеющим на руках указа епископа Александра и отношения уполномоченного о назначении и регистрации их для службы в той или другой церкви или молитвенном доме».

В документе также говорилось о том, что «здания церквей и молитвенных домов разрушаются и продаются на слом разным организациям или переоборудуются, не испросив разрешения облисполкома. Заборы церковных оград разламываются, сады на усадьбах вырубаются на дрова и другие цели... Масса случаев, когда без всякого разрешения проводят богослужения в деревнях и сёлах области бродячие священники, нигде не зарегистрированные и не рукоположенные. Эти

же священники ведут антисоветскую работу среди населения, проводят незаконные денежные сборы в таких районах как: Суксунский, с. Большие Ключи, Чернушинский – 3 священника и в ряде других районов»¹⁸.

На 1 апреля 1946 года численность городского духовенства составляла 33 человека, из них 9 протоиереев, 2 протодиакона и 7 диаконов; сельского – 61 человек, из них 7 протоиереев, 1 протодиакон и 2 диакона¹⁹.

Высшее духовное богословское образование имели архиепископ Александр, протоиереи Л. Зубарев (1881 г. р.), В. Попов (1885 г. р.) и М. Лукканен (1914 г. р.).

Участвовали в Великой Отечественной войне и были награждены медалями «За победу над Германией» священник Свято-Троицкой церкви д. Мыльниково И. Л. Смердов, и диаконы Василий Байдин²⁰ и А. Пантелеймонов²¹.

Почётный житель Кунгура Борис Степанович Бартов (1925 г. р.) – из семьи служащего, окончил семилетку и три курса Кунгурского машиностроительного техникума. В 1942-1950 годах служил в Советской Армии авиамехаником, старшим писарем, радиотелеграфистом 11-й гвардейской авиационной Орловско-Берлинской дивизии. В августе 1948 года у него была изъята справка о регистрации. Отец Борис был посвящён в сан диакона 24 декабря 1950 года, а 27 сентября 1951 года архиепископом Иоанном (Лавриненко) – в сан иерея и назначен настоятелем церкви с. Шубино Кунгурского района. Приезжая «...на дом к верующим с требой и видя, что семья недостаточно обеспечена, за требу с такой семьи не берёт, а наоборот, ещё сам даёт ей деньги...»²². Священника Б. С. Бартова «...верующие считают сверхчеловеком, венчает бесплатно, требы на дому правит и, если «бедный» верующий, за требу не берет... Молодёжь склоняет посещать храм»²³.

Ещё один известный в епархии служитель алтаря – Валентин Степанович Другов родился в д. Грибаны в 1926 году, окончил семилетку. Служил в Советской Армии с 1944 по 1950 год в звании младшего сержанта. После службы в армии трудился столяром на машзаводе в Кунгуре. Будучи духовным сыном о. Владимира Шамонина, Валентин Другов 20 ноября 1954 года был посвящён в сан диакона и назначен в Александро-Невскую церковь с. Ёгва, а 15 февраля 1955 года рукоположен в сан иерея. Владыка Иоанн (Лавриненко) называл о. Валентина «мужичок–простачок». В 1965 году, когда о. Валентин служил в Вознесенской церкви с. Васильевское, уполномоченный А. А. Сонько вынес ему строгое предупреждение за вмешательство в административные и финансово-хозяйственные дела «двадцатки». Женится о. Валентин на родственнице матери о. Бориса Бартова. Надо сказать, что о. Валентин до сих пор служит приходским священником в Духосошествиевском храме с. Заспалово Кунгурского района; в апреле нынешнего 2010 года ему исполнилось 84 года.

Несмотря на совершённое над Церковью надругательство, физическое

истребление сотен тысяч священно-, церковнослужителей и мирян, она без колебаний и раздумий встала в ряды защитников Отечества, духовно осветила грядущую Победу.

¹ Впервые этот материал был опубликован в моей брошюре «Епископы Пермской епархии. 1928–1965 гг.» (Пермь, 1997), изданной Градо-Пермским во имя святых апостолов Петра и Павла собором при финансовой поддержке ТОО «Ратуша».

² Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. р-1205. Оп. 2. Д. 2. Л. 82. Из записки консультанта по культурвопросам Оргкомитета Президиума Верховного Совета РСФСР по Пермской обл. Матвеевой.

³ Общий тираж атеистической литературы в СССР за 1928-1940 гг. превысил 140 млн. экземпляров.

⁴ Общество и власть. Российская провинция. 1917-1985. Пермский край: Док-ты и мат-лы. – Пермь. 2008. – Т. 1. – С. 795-796.

⁵ ГАПК. Ф. р-1205. Оп. 2. Д. 2. Л. 8.

⁶ ГАПК. Ф. р-1205. Оп. 2. Д. 32. Л. 29.

⁷ ГАПК. Ф. р-1205. Оп. 2. Д. 2. Л. 13. Двумя годами ранее старшим инспектором по охране памятников был некто Златогорский.

⁸ Епархия в Свердловске была восстановлена в 1942 г., кафедру занял вернувшийся из лагеря архиепископ Варлаам (Пикалов), арестованный снова в 1944 г.

⁹ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943: Сб. В 2-х ч. / Сост. М. Е. Губонин. – М., 1994. – С. 959.

¹⁰ В марте 1945 г. личное дело архиепископа Александра было отправлено члену Совета по делам РПЦ в Москву.

¹¹ ГАПК. Ф. р-1205. Оп. 2. Д. 2. Л. 49.

¹² ГАПК. Ф. р-1205. Оп. 1. Д. 1. Л. 83.

¹³ Собор созывался уже не большевистскими темпами, решение о его созыве было принято ещё осенью 1944 г.

¹⁴ На Предсоборном совещании епископов в ноябре 1944 г. митрополит Алексей был выдвинут единственным кандидатом на патриарший престол, хотя архиепископ Тамбовский Лука (В. Ф. Войно–Ясенецкий, 1877–1961) предлагал процедуру избрания из нескольких кандидатов, как это было на Соборе 1917-1918 гг. В церковных кругах патриарха Алексея называли «дедушкой Алёшей».

¹⁵ Известия. – 1945. – 4 февраля.

¹⁶ ГАПК. Ф. р-1205. Оп. 1. Д. 1. Л. 56об.

¹⁷ ГАПК. Ф. р-1205. Оп. 1. Д. 1. Л. 117.

¹⁸ ГАПК. Ф. р-176. Оп. 6. Д. 82. Л. 30. Ротаторный экземпляр заверен факсимильной печатью А. И. Швецова.

¹⁹ По другим данным, в епархии было 40 священников, 30 диаконов, 12 псаломщиков, 2 священника-обновленца и столько же диаконов.

²⁰ Родился в 1896 г., с 1926 г. по 1937 г. служил псаломщиком. В 1932 и 1933 годах был судим по «бытовым статьям». В 1945-1949 гг. – диакон Свято-Троицкого кафедрального собора, в связи с болезнью ушёл на покой; снова принят в 1951 г. За «ленностное отношение к служению уволен за штат». Архиепископ Леонид (Поляков) настоял на его посвящении в иерея в 1965 г., «хотя в этом не было никакой необходимости». ГАПК. Ф. р-1204. Оп. 2. Д. 19. Л. 20. Сын Василия Байдина – Пётр, иподиакон и жезлоносец владыки Иоанна (Лавриненко). Родился в Чагинском районе, восемь лет проработал кузнецом на заводе (п/я 210), служил в Советской Армии (1942-1949), работал в свечной мастерской. Посвящён в сан диакона епископом Павлом 3 июня 1960 г. и направлен в

Свято-Никольский храм в Нижней Курье.

²¹ Пантелеймонов Арсений Федорович родился в 1906 г. Диакон Кунгурской Всесвятской церкви в 1946 г. В 1935 г. его жена Мария Семёновна обвинила священника И. Романовского в том, что он сотрудничает с органами НКВД. В июле 1936 г. был осуждён в Кунгуре за антисоветскую деятельность по ст. 58-10, в 1935–1942 гг. находился в лагере (ИТУ). Инвалид войны, служил на костылях. Позднее протоиерей; прослужил во Всесвятском храме 43 года, скончался 3 апреля 1988 г.

²² ГАПК. Ф. р-1205. Оп. 2. Д. 32. Л. 37.

²³ ГАПК. Ф. р-1205, Оп. 2. Д. 33. Л. 2.

Раздел третий

**Творческие поиски в литературе,
изобразительном искусстве,
музыке и архитектуре на изломе истории**

А. В. Жохов

*Кандидат философских наук, доцент Пермского государственного
технического университета, член-корреспондент Петровской
академии наук и искусств,
музыковед, культуролог
(г. Пермь)*

Музыкально-философское осмысление излома русской истории в творчестве А. Н. Скрябина

*И музыке вселенной внемля стройной,
И мастерам времён благословенных,
На праздник мы зовем, на пир достойный
Титанов мысли вдохновенных.*

Г. Гессе

В Библии мы встречаем повествование о строительстве уникальной башни в Вавилоне – «до неба». Непомерная гордыня мастеров привела к тому, что Бог смешал их языки, и они перестали понимать друг друга. Работа застопорилась, и дерзкому замыслу не дано было осуществиться. С тех пор непонимание, глухота к речам Другого стали нормой человеческого общежития на всех уровнях: в семьях, коллективах, государствах, цивилизациях. Но как некое утешение в ситуации тотальной смысловой разобщённости людям всё же был дан своеобразный универсальный язык, доступный пониманию всех.

И этот язык – музыка.

Причём, начиная ещё с Пифагора, с его идеи «музыки сфер», и до сего дня живёт убеждение в том, что музыка – это не изобретение человека, а субстанция самого бытия. И порой в истории встречаются люди, наделённые не только тонким физическим слухом, но и слухом метафизическим, способным улавливать вселенскую гармонию и воплощать её в своих художественных творениях.

У нас в России таким человеком был Александр Николаевич Скрябин (1871/1872-1915). На рубеже XX века в русской музыке не было, пожалуй, более оригинальной и многообещающей творческой фигуры, чем Скрябин. Первые же самостоятельные опыты молодого композитора вызвали жгучий интерес современников. В Скрябине – человеке и художнике – всё казалось необычным, привлекательным: масштаб и разносторонность дарования, редчайший исполнительский талант, умение сочетать в музыке бурную экспрессию с высоким полётом мысли,

а главное – стремление связать образно-эмоциональный строй каждого сочинения со сложным миром философских идей. «Музыка живет мыслью» – эти слова великого композитора могут служить эпиграфом к его вдохновенному, проникнутому страстью и пламенным лиризмом искусству. Высокий градус философичности творчества Скрябина делает его уникальной фигурой среди собратьев по композиторскому цеху. Никто из музыкантов до автора «Поэмы экстаза» всерьёз не пытался выражать чисто логические формулы в своих симфонических опусах. Нечто аналогичное скрябинской философичности мы можем встретить, пожалуй, только у гения русской литературы Ф. М. Достоевского. Во всех курсах русской религиозной философии этому писателю уделяется, как правило, солидное место.

Если на становление Скрябина-композитора повлияло творчество Шопена, Листа, Вагнера, Чайковского, то на формирование философских взглядов Александра Николаевича оказало влияние и посещение заседаний Московского религиозно-философского общества памяти В. С. Соловьёва, и присутствие на международном философском конгрессе в Женеве в 1904 году, и дружба с известными русскими мыслителями С. Н. Булгаковым, Н. А. Бердяевым, Вяч. Ивановым, и увлечение антропософскими идеями Рудольфа Штейнера. Скрябину были близки по духу также немецкие романтики Йенской школы, которые, кстати, много размышляли о философской сути музыки. Непосредственным учителем Скрябина в области философии был князь Сергей Николаевич Трубецкой, автор таких работ, как «Метафизика в Древней Греции» и «Учение о Логосе в его истории».

В своём музыкально-философском творчестве А. Н. Скрябин воспевал мощь и всеислие человеческого духа и уповал на то, что через посредство музыки возможно преобразование чувственного мира. В задуманной им «Мистерии» должны были слиться в единое целое под неким куполом где-то в Гималаях музыка, поэзия, пантомима, танец, игра красок и запахов. Предполагалось, что данное эстетико-религиозное действие подвигнет мир к существенной метаморфозе, кардинальному обновлению. Осуществить свой дерзкий замысел композитору было не суждено. Он умер в 43 года от заражения крови (сковырнул фурункул на лице). В качестве своеобразной прелюдии к своей «Мистерии» Скрябин создаёт симфоническую поэму «Прометей» («Поэма огня»), в которой он выразил идею героического подвига-дерзания. В партитуре «Прометей» впервые в музыкальной практике была прописана «партия света» – специальная строка света-цвета: предполагалось, что во время звучания зал будет окрашиваться с помощью прожекторов в те или иные цвета.

Одним из наиболее философичных творений Скрябина является его 3-я симфония («Божественная поэма»). Каждая из трёх частей симфонии имеет своё название: первая – «Борьба», вторая – «Наслаждения», третья – «Божественная игра». В авторской программе к симфонии

говорится: «Божественная поэма» представляет развитие человеческого духа, который, оторвавшись от прошлого, полного верований и тайн, преодолевает и ниспровергает это прошлое и, пройдя через пантеизм, приходит к упоительному и радостному утверждению своей свободы и своего единства со вселенной (божественного «я»)). В музыке симфонии передана трепетная восторженность перед красотой мира, перед силой и величием человеческого духа.

На примере скрябинского творчества хорошо просматриваются четыре основные функции музыки как таковой. Первая функция – магическая. Ярчайшей иллюстрацией здесь служит грандиозный замысел «Мистерии», призванной преобразить всё мироздание. Вторая функция – мистическая. Скрябин настойчиво во многих своих произведениях (сонатах, симфониях, «Поэме экстаза») проводит идею слияния индивидуального Я с Абсолютным Духом, божественным Я. Третья функция – этическая. Композитор мечтал о том, что его музыка способна сделать человека благородней, добрей, возвышенной. И, наконец, четвёртая функция – эстетическая. Здесь с полным правом можно утверждать, что всё творчество А. Н. Скрябина есть не что иное, как «литургия красоты» (если воспользоваться словосочетанием Константина Бальмонта).

При обзоре всего созданного композитором невольно напрашивается сопоставление мировоззренческой позиции А. Н. Скрябина с идеей всеединства и цельного знания В. С. Соловьёва – зачинателя линии русской религиозной философии. «Всеединство» в концепции Соловьёва – начало и цель мирового процесса, внутренняя связь между Богом и миром. «Всеединство» есть идеальный строй мира, предполагающий воссоединённость, гармонизированность всех эмпирически несогласованных, конфликтных элементов и «стихий» бытия. Идея всеединства дополняется у Соловьёва идеей мистического восхождения к Первоединому – теургий. Стремясь, как и Скрябин, к универсальному синтезу философии, искусства, религии, Соловьёв говорит о реальной возможности «цельного знания», которое вместе с «цельным творчеством» образует «цельную жизнь». Одним из средств достижения этого как у Скрябина, так и у Соловьёва является магия любви, эстетическое творчество как «общение с высшим миром путём внутренней творческой деятельности». Акт творения, преображающий хаос, разрозненный мир в гармонический космос, есть длительный процесс мистического соединения «лучезарного небесного существа Софии» с реальной стороной мира, с материей. И Скрябин, и Соловьёв были убеждены в том, что реальной силой, просветляющей и перерождающей весь человеческий мир, является искусство, красота которого демиургична (несёт в себе творческое начало) по отношению к природе и теургична с точки зрения окончательного состояния будущего мира (способствует единению всех элементов мира в Абсолюте).

Всё творчество А. Н. Скрябина (а это – 90 прелюдий, 10 сонат для фортепиано, 3 симфонии, симфонические поэмы – всего 222 произведения) являет собой сочетание титанизма с утончённой лирикой, нежной, хрупкой, изысканно-причудливой. И в этом звуковом космосе скрябинской музыки явственно просматривается пророческое начало, предощущение духовно-творческих перемен. Композитор обладал высшим даром музыкального романтизма, что позволило ему, как никому другому из его современников, осмыслить и отобразить излом русской истории в канун грандиозных социальных потрясений и перемен.

Литература

1. Юсфин А. Г. Музыка – сила жизни. – СПб, 2006.
2. Федякин С. Р. Скрябин. – М, 2004.
3. Михайлов М. К. Александр Николаевич Скрябин: Краткий очерк жизни и творчества. – Л., 1971.
4. Чёрный О. Е. Молодой Скрябин: Повесть. – М, 1974.
5. Лосев А. Ф. Владимир Соловьёв и его время. – М, 2000.

О. И. Сыромятников

*Кандидат филологических наук, старший преподаватель
Пермского филиала Нижегородской академии МВД Российской
Федерации
(г. Пермь)*

Судьба России в зеркале русской литературы XIX века

Важнейшей чертой великой русской литературы XIX века является её слитность с национальной философией, которая всегда ставила перед собой самые главные, крайние вопросы, без решения которых дальнейшее историческое бытие России казалось невозможным: вопросы о смысле жизни, о Боге, о красоте, добре и любви. В осмыслении этих вопросов русская философия и русская литература не повторяли Запад, но шли своим путём, начатым еще «Словом о законе и благодати» митрополита Илариона. С этого времени *русская идея* – представление о месте и роли России в мире – стала главной темой и русской философии и русской литературы. Трудно и долго шла русская литература к её осмыслению, пока в XIX веке Н. В. Гоголь не поставил проблему предельно остро: «Куда несёшься, Русь?».

Не повторяя пройденное Западом, русская общественная мысль, тем не менее, всегда внимательно следила за тем, как он решал те же самые вопросы. И скоро стало ясно, что в европейском мире есть лишь два столбовых пути исторического развития – *русская идея и западная*

идея. Однако в XXI век человечество вошло с мыслью о возможности синтеза этих путей, получившего название *глобализации*, под которой в широком смысле понимается процесс (и результат) создания единого мирового экономико-политического пространства. В основе этого процесса лежит древняя полуинстинктивная идея всечеловеческого единения. Разные народы в разное время искали к нему пути, следуя собственным представлениям о добре, зле и счастье. Своим путём шёл Восток, своим – Запад, и свой путь искала между ними Россия. Актуальная в наши дни модель единения человечества представляет собой исторически активную форму фундаментальной идеи западной цивилизации – идеи механического объединения людей на основе личных эгоистических устремлений и экономической целесообразности. Духовная составляющая такого единения (например, религия) сегодня или отсутствует вовсе, или задействуется постольку, поскольку она может быть полезна для достижения главной цели.

Единственное, что объединяло страны старой Европы помимо материальных интересов и что составляло главнейшую суть *западной идеи*, – в большей или меньшей степени сознательное стремление к мировому господству. Ради этой цели народы Европы вели жестокие сражения как друг с другом, так и с теми, кто казался им слабее. Эти захватнические войны, сопровождавшиеся безжалостным геноцидом коренного населения, беззастенчивым грабежом его природных богатств и варварским уничтожением его культуры, позднее были лицемерно названы «географическими открытиями» или «культуртрегерством». Непосредственным осуществлением этой идеи являлись все европейские империи: от Александра Великого до гитлеровского рейха. В XX веке эстафету одряхлевшей Европы приняла Америка, ибо принципиальных различий между классическим европейским империализмом и тем, что сегодня творят Соединённые Штаты Америки во всем мире под вывеской установления «правильной» демократии, нет.

Россия неоднократно за свою историю подвергалась агрессии со стороны то восточных, то западных держав, и потому *была вынуждена* отодвигать свои границы всё дальше от центра, удаляя таким образом от него опасность со стороны «неразумных» соседей, а затем или заключала с ними братский союз (вследствие чего сегодня они являются коренными народами России) или силой лишала их возможности явно и тайно вредить себе. При этом Россия никогда не стремилась к духовному порабощению присоединённых племён, к их насильственной культурной ассимиляции. Напротив, зачастую русские переселенцы перенимали многие внешние атрибуты автохтонных этносов: детали быта, одежду, еду, элементы духовной культуры, но всегда оставались при этом вполне русскими. Эту способность к всемирной отзывчивости и духовной восприимчивости других народов Ф. М. Достоевский в своей знаменитой «Пушкинской речи» (1880) назвал главной чертой русского национального характера.

Именно благодаря ей русский народ не просто понял и принял слово Христа, но воспринял его как откровение о себе самом. Это оказалось возможно вследствие того, что православие утверждает главной сутью Бога любовь¹ и верит, что слово Христа может и должно стать явью братской любви людей друг к другу ещё в земной человеческой жизни. Эта вера, найдя живой отклик в русской душе, стала *русской идеей*, и по своему содержанию она совершенно чужда *идее западной*.

Русская культура давно заметила это существенное различие, но никогда не считала его фатальным. В противопоставлении *русской* и *западной идеи* она стремилась найти не то, что разделяет народы, а то, что сможет лечь в основу их грядущего единения. Поэтому со второй трети XIX века *русская идея* становится единым творческим вектором русской культуры и навечно запечатлевается в ее лучших образцах. По-разному воплощается она в творчестве великих русских прозаиков и поэтов: И. С. Тургенева, А. Н. Майкова, А. С. Хомякова, И. С. и К. С. Аксаковых, Н. А. Некрасова, Н. Я. Данилевского, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, А. А. Блока, С. А. Есенина и др. Именно эти воплощения подняли русскую литературу на тот недостижимый высокий уровень, который она занимает сейчас. Начало этому было положено А. С. Пушкиным, в творчестве которого Ф. М. Достоевский отмечал три основных этапа: романтический, реалистический и национальный. Последний характеризуется обращением к вопросам отечественной и мировой истории, вследствие чего, полагал Достоевский, Пушкин не только осознал *русскую идею*, но и стал её первым и ярчайшим выразителем², стал первым и главным славянофилом России³.

Действительно, с конца 1820-х годов Пушкин начинает внимательно изучать историю России и славянства, и это находит естественное выражение в его поэтическом творчестве («Олегов щит», 1829; «Стамбул гяуры нынче славят», 1830; и пр.). Особое значение здесь имеет цикл «Песни западных славян» (1832), о котором Достоевский писал: «Русский дух разлит в творениях Пушкина, русская жилка бьётся везде. В великих, неподражаемых, несравненных песнях будто бы западных славян, но которые суть явно порождение русского великого духа, вылилось всё воззрение русского на братьев славян, вылилось всё сердце русское, объявилось всё мировоззрение народа, сохраняющееся и доселе в его песнях, былинах, преданиях, сказаниях, высказалось всё, что любит и чтит народ, выразились его идеалы героев, царей, народных защитников и печальников, образы мужества, смирения, любви и жертвы»⁴.

Тема России и её судьбы неоднократно звучит и в переписке Пушкина. Показательно в этой связи его письмо П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 года, содержащее вполне славянофильское определение *русской идеи*: «Это Россия, это её необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация

была спасена. <...> Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня оскорбляют, как человек с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал»⁵. Эта же тема звучит и в публицистике поэта, обращённой к проблемам геополитики. Пушкин исследует особенности взаимодействия России с другими народами и государствами, анализирует причины исторических и современных конфликтов, но всегда в центре его внимания – судьба самой России, в которой поэт видит ключ к решению всех остальных мировых проблем. Ярчайшим примером такого поиска стала его знаменитая «История пугачёвского бунта» (1833).

Поэтическое творчество Пушкина запечатлело прекрасные образцы стихотворной формы выражения *русской идеи*. Следует упомянуть в этой связи автобиографическое стихотворение «Моя родословная» и «Post scriptum» к нему (1830), в которых через летопись рода Пушкина показана вся история России. Особое значение сегодня обретают строки стихотворения «Бородинская годовщина» (1831). Поэт с негодованием обращается к тем европейским властителям, которые надеялись руками Наполеона уничтожить Россию. Они, считает Пушкин, слишком скоро

Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь –
Хмельна для них славяннов кровь;
Но тяжко будет их похмелье;
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под знаком северных полей!

Показательно, что Пушкин обращается не к народам Европы, у которых нет причин ненавидеть Россию, а к тем, кто обманом подталкивает их на вражду с ней:

Но вы, мучители палат,
Легкоязычные витии;
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что, взяли вы?.. Ещё ли росс
Больной, расслабленный колосс?
Ещё ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?

Пушкин сознает силу врагов России и понимает, что их усилия могут на время увенчаться успехом. Фантастически точно звучит сбывшееся пророчество поэта:

Куда отвиним строй твердынь?
За Буг, до Воркслы, до Лимана?
За кем останется Вольнь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?

Но поэт верит в силу России, в силу духа её народа и предвидит великое будущее своей Родины:

Сильна ли Русь? Война и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Её, беснуясь, потрясали, –
Смотрите ж: всё стоит она!
<...>

Победа! Сердцу славный час!
Россия! Встань и возвышайся!

Характерной чертой лирического воплощения Пушкиным *русской идеи* является то, что Россия всегда предстаёт как некая интегративная, соборная целостность русского духа, русской души и русской природы. Поэт естественно, по праву национального самосознания, предстательствует от лица всей России перед миром и Богом. Он мужественно и открыто вступает в бой за честь своей Родины с любым её врагом, и это даёт ему право говорить от лица всего её народа – «мы». Это сочетание глубокого теоретико-философского осмысления *русской идеи* и активной борьбы за неё тем оружием, которое вложил в руки поэта Сам Господь («Пророк», 1826), составляет важнейшую особенность творчества Пушкина, воспринятую его идейными учениками и последователями. Ярчайшим выражением этой особенности являются строки, патриотический пафос которых не померкнет никогда:

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? – волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою

То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? – вот вопрос.
Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага –
И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?
Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайльский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая
Стальной шетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии, своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.
(«Клеветникам России», 1831).

Безусловной идейной доминантой была *русская идея* и в творчестве Ф. И. Тютчева. Уже в самом начале своего поэтического поприща поэт обращается к теме России, осмысляя события русско-турецкой войны 1828-1829 годов в широком историческом контексте («Олегов щит», 1829). Подобно Пушкину, Тютчев не довольствуется лишь постановкой вопроса об исторической судьбе России, а ищет его решение, развивая

идею достижения всеславянского единства на основе братского духовного союза («Как дочь родную на закланье...», 1831; и др.).

Поэт исследует *русскую идею* глубоко и разносторонне. Так, стихотворение «Эти бедные селенья» (1855) выражает *мессианское самосознание* русского народа, а *гносеологические особенности* восприятия *русской идеи* отражает не менее известное стихотворение «Умом Россию не понять...» (1866). Замечательно лаконичное и точное выражение глубинной сути *русской идеи* через её противопоставление с *западной идеей*, олицетворяемой во времена поэта Германией «железного канцлера» Бисмарка, содержится в стихотворении «Два единства» (1870):

Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льётся через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на нас, друзья и братья наши! –
Славянский мир, сомкнись тесней...
«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью –
А там увидим, что прочней...

Предельно актуализируется *русская идея* в преддверии новой русско-турецкой войны 1867-1868 годов:

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?
Ужель навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?
Всё гуще мрак, всё пуще горе,
Всё неминуемой беда –
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись – теперь иль никогда...
(20 декабря 1866 г.).

Русская идея занимает важнейшее место и в публицистике Тютчева. Глубокий геополитический анализ с позиций державного патриотизма содержат его политические статьи 1840-х годов («Россия и революция», «Россия и Германия», «Папство и римский вопрос»), представляющие собой разработку различных аспектов *русской идеи* и должных, по замыслу автора, впоследствии составить единый фундаментальный труд «Россия и Запад». Главной идеей этого труда должна была стать концепция «Великой греко-русской Восточной империи», согласно которой «русское царство» не только станет центром и оплотом православно-славянского

союза в границах «от Нила до Невы, от Эльбы до Китая» («Русская география», 1848/1849), но и в религиозно-государственном отношении подчинит себе страны Западной Европы. Подобная цель, указывает Тютчев, определяется не алчным стремлением русских к наживе, а исключительно необходимостью защиты от тлетворного влияния атеистических, социалистических и революционных идей, развившихся на почве разлагающегося западного христианства и расплзающихся из неё по всему миру. Лишь твердыня русского духа, укоренённого в православии, уверен поэт, способна остановить и сокрушить надвигающееся море мрака («Море и утес», 1848).

Подобно Пушкину, Тютчев решительно выступает против «клеветников России», с пером в руках отстаивая честь своей Родины. Публицистическим примером такой апологетики является письмо поэта редактору немецкой «Аугсбургской всеобщей газеты» Г. Кольбу, опубликованное впоследствии как статья «Россия и Германия» (1844). Тютчев отмечает участвовавшие случаи появления в европейской печати сообщений, заведомо тенденциозно, а порой и намеренно искаженно рисующих облик России и формирующих у европейского читателя устойчивый негативный стереотип её восприятия. Поэт связывает это с реакцией *западной идеи* на пробуждение общественного сознания России, выражающееся во всё более активном стремлении русского народа к осмыслению своего исторического предназначения: «О России много говорят; в наше время она служит предметом пламенного, тревожного любопытства; очевидно, что она сделалась одною из главнейших забот нашего века; но эта забота, ни в чем не схожая с остальным, что его (Запад. – О. С.) волнует <...>, скорее гнетёт его, чем возбуждает. <...> Современное настроение, детище Запада, чувствует себя в этом случае перед стихией если и не враждебной, то вполне ему чуждой, стихией, ему не подвластной... <...>. Что такое Россия? Каков смысл её существования, её исторический закон? Откуда появилась она? Куда стремится? Что выражает собою?..»⁶

В поисках причин «пламенного, слепого, неистового, враждебного настроения»⁷ по отношению к России Тютчев следующим образом обобщает наиболее характерный взгляд просвещённого европейца на Россию: «Мы обязаны вас ненавидеть; ваше основное начало, самое начало вашей цивилизации внушает нам <...> отвращение; у вас не было ни *феодализма*, ни *папской иерархии*; вы не испытывали ни борьбы *религиозной*, ни войн *империи*, ни даже *инквизиции*; вы не принимали участия в крестовых походах, вы не знали рыцарства; вы четыре столетия тому назад достигли того единства, к которому мы еще теперь стремимся; ваше основное начало не уделяет достаточного простора личной свободе, оно не допускает возможности разъединения и раздробления»⁸ и пр.

Тютчев утверждает, что подобное отношение Европы к России противоестественно и рано или поздно должно быть преодолено: «Россия

вполне готова уважать историческую законность народов Запада; <...>, но и вы, с своей стороны, должны учиться уважать нас в нашем единении и нашей силе»⁹. Эта сила, выражающая историческое призвание России, состоит, по мысли поэта, в том, чтобы «раз навсегда утвердить торжество права исторической законности над революционным движением. <...> Потому, что право, историческая законность, это её (России. – О. С.) собственное призвание, назначение её будущности, это то право, которое она требует для себя и для своих (т. е. братских славянских народов. – О. С.)»¹⁰.

Через четверть века, в конце августа 1868 года, по аналогичному поводу в редакцию одной из европейских газет обратился Ф. М. Достоевский, отмечая, что «в массах европейской публики распространяются ложные, искажённые, мнения и тем сильнее, чем малоизвестнее европейцам русская жизнь»¹¹. По наблюдению писателя, это происходит с определённым постоянством, и в результате публика «верит, что всё это правда, святая истина, а не спекуляция на благородных чувствах читателя, не продажа на фунты <...> благородного негодования, отлично фабрикованного для двух целей – для вреда России и для собственной выгоды...»¹².

В творчестве Достоевского *русская идея* занимает главное место. Сам термин «русская идея» был введён им в общественное сознание России в 1856 году. В письме А. Н. Майкову от 18 января Достоевский пишет: «Я говорю о патриотизме, об русской идее, об чувстве долга, чести национальной <...> вполне разделяю с Вами патриотическое чувство *нравственного* освобождения славян. Это роль России, благородной, великой России, святой нашей матери. <...> Да! разделяю с Вами идею, что Европу и назначение её *окончит Россия*. Для меня это давно было ясно»¹³.

И так же, как Пушкин и Тютчев, Достоевский не довольствуется лишь изучением и художественным воплощением *русской идеи*, он, следуя пушкинскому завету, страстно и неустанно борется за неё, борется за Россию и будущее всеславянское братство. Подведением итогов этой борьбы и указанием путей будущего развития России является идейное завещание писателя – его знаменитая «Пушкинская речь» (1880). Решение *русской идеи*, высказанное в ней Достоевским, предельно близко взглядам Пушкина, в творчестве которого «повсюду <...> слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда за русского человека...»¹⁴. Достоевский говорил: «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только <...> стать братом всех людей, *всечеловеком* <...>. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретённая, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей»¹⁵.

Последние двадцать лет жизни и творчества Достоевский всецело посвящает *русской идее* – и как объекту познания, и как предмету художественного воплощения. Главной чертой, сутью и назначением *русской идеи* Достоевский считает православие. Всё его художественное творчество 1865-1881 годов, основу которого составляет романное «великое пятикнижие», не просто проникнуто православной символикой, а представляет собой новый, небывалый прежде в русской (да и в мировой) литературе жанр христианского светского романа. Главной особенностью этого жанра является гениальный синтез формы светского, «обычного» в восприятии современников романа, и христианской онтологии. Причем речь идёт именно о православном исповедании Христа, основанном, прежде всего, на вере в бессмертие души человеческой и возможности обретения спасения любым человеком. Другая, не менее важная особенность, прямо восходящая к личным мировоззренческим установкам писателя и обуславливающая все особенности его авторского стиля и поэтики, – это атрибутивная для христианского сознания способность видеть в каждом человеке образ и подобие Божие. Поискам путей просветления и воскресения этого Божественного начала в человеке и посвящено всё творчество Достоевского. При этом личный путь какого-либо персонажа к спасению не только корректно экстраполируется на судьбу самой России, а всегда является более или менее явной аллегорией поисков Россией своего исторического призвания, своей *идеи*.

Те аспекты *русской идеи*, которые по объективным причинам не могли быть воплощены в художественной образности или в силу их актуальности и скоротечности не были до конца осмыслены самим писателем, становились темой его публицистических трудов. Большая часть статей Достоевского во «Времени», «Эпохе», «Гражданине» и «Дневнике писателя» посвящены рассмотрению *внутреннего* (внутрироссийские проблемы) и *внешнего* (проблемы взаимодействия православно-славянского мира с западно-европейской цивилизацией) аспектам *русской идеи*. Подобный широчайший охват проблемы позволил Достоевскому сделать множество открытий, к осмыслению которых мы приближаемся лишь сегодня.

Одно из таких открытий Достоевского заключается в том, что во всех обращениях к своей национальной идее, даже в самых частных её проявлениях, русская культура неизбежно приходила к выводу, что решение собственных российских проблем невозможно без решения задачи мирного ненасильственного духовного объединения человечества на основе прежде всего не материальной, а духовной идеи. Такой идеей европейское человечество некогда посчитало слово Христа, но затем, поддавшись третьему диаволу искушению, предало его забвению. Всё, что пережила Европа в своей последующей истории, было лишь уходом от первоначального смысла учения Христа и попытками заменить его теориями «разумного эгоизма», «общественного договора», «прогресса»

и разглагольствований о демократии «вообще». Результатом этого стала тяжелая, смертельно опасная духовная болезнь Европы, очевидная уже для современников Достоевского и несомненная в наши дни.

Представляется, Европа потому и заговорила о глобализации, что соединение с живым, здоровым *духовным* организмом – это её последняя надежда на спасение. Как известно, Россия уже не раз приходила ей на помощь (монгольское нашествие, Наполеон, Гитлер), спасёт и теперь, несмотря на все свои внутренние беды и проблемы. Ибо никакие общеизвестные современные неурядицы России, уверен Достоевский, не дают ей права отказаться от этого своего долга, предначертанного свыше: «Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она *всё* решительно <...> и останется в сути своей такою же прежнею, святою нашей Русью, как и была до сих пор, и, сколь ни изменился бы, пожалуй, облик её <...>. Да и не таково назначение её и цель её, чтобы зря повернулась она с вековой своей дороги...»¹⁶.

Конечную цель этого пути, суть *русской идеи*, писатель определил в «Пушкинской речи» предельно ясно: «...Стремиться внести примирение в европейской противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»¹⁷.

«Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём» (1-е Иоанна, 4:16).

² Здесь и далее ссылки на Ф. М. Достоевский даны по изд.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений / В 30-ти тт. – Л.: Наука, 1972-1990. См.: Т. 26. – С. 136-149.

³ Там же. – Т. 21. – С. 269.

⁴ Там же. – С. 116.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений / В 17-ти тт. – М.: Воскресенье, 1997. – Т. 16. – С. 392.

⁶ Тютчев Ф. И. Россия и Германия // Русская идея: Сб. статей. – М.: Республика, 1992. – С. 96.

⁷ Там же. – С. 100.

⁸ Там же. – С. 101.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. – 97-98

¹¹ Достоевский Ф. М. Указ. соч. – Т. 28. – Кн. 2. – С. 315.

¹² Там же. – 314.

¹³ Там же. – Т. 28. – Кн. 1. – С. 208.

¹⁴ Там же. – Т. 26. – С. 144.

¹⁵ Там же. – С. 147.

¹⁶ Там же. – Т. 25. – С. 174.

¹⁷ Там же. – Т. 26. – С. 148.

Л. В. Перескоков

*Искусствовед, член Центрального совета,
председатель Пермского краевого отделения ВООПИиК
(г. Пермь)*

Образование и краеведение в губернском городе Перми к началу XX века

К началу XX века губернская Пермь становится крупным учебным и культурным центром Урала. Для такого утверждения есть все основания.

В 1808 году главное народное училище в Перми было преобразовано в губернскую гимназию. Особое участие в основании гимназии принимал пермский генерал-губернатор К. Ф. Модерах. Под его личным наблюдением была окончена постройка нового каменного здания на углу улиц Сибирской и Петропавловской, 26. Им же были обустроены прекрасные физический и минералогический кабинеты, а также собрана фундаментальная библиотека. Училище являлось всесословным учебным заведением. К сожалению, гимназия сгорела в пожаре 1842 года. В 1844 году директором гимназии был назначен И. Ф. Грацинский, пробывший на этой должности сорок лет. Обгоревшие стены пришлось разломать и на этом же месте в 1851 году построить новое здание, сохранившееся и по сей день. По инициативе И. Ф. Грацинского в 1862 году был построен также второй корпус по улице Петропавловской для церкви и пансиона. В 1871 году пермская гимназия была вновь преобразована теперь уже в «классическую», где преподавались два древних языка. При гимназии также находилась замечательная библиотека о Пермском крае, пожертвованная бывшим её учеником, впоследствии известным общественным деятелем Д. Д. Смышляевым. Среди наиболее выдающихся воспитанников Пермской гимназии следует упомянуть известного поэта, профессора русской словесности Московского университета А. Ф. Мерзлякова; востоковеда, профессора Петербургского университета И. Н. Березина; профессора технологии Московского университета М. Я. Киттары; исследователя Урала Н. К. Чупина; юриста, профессора Казанского университета П. А. Муллова; историка, профессора Московского университета П. Н. Кудрявцева; профессоров медицины Казанского университета Ф. М. Суворова и А. М. Дохмана; исследователя Алтая и Средней Азии, профессора ботаники Томского университета В. В. Сапожникова; историка Пермского края А. А. Дмитриева.

Пермская духовная семинария возникла одновременно с учреждением Пермской епархии 11 ноября 1800 года. Первоначально семинария помещалась в деревянном доме, пожертвованном канцеляристом

А. Медведевым и находившемся в устье речки Медведки. Но уже в 1807 году она заняла четыре деревянных дома, купленных у князей Голицыных в том квартале, где впоследствии будет построена консистория. Особое внимание семинарии уделял епископ Пермский Иустин. При нём в 1818 году семинария была приведена в соответствие уставу 1809 года с повышенными требованиями и строгой систематизацией учебного плана. Благодаря его же заботам она обзавелась библиотекой и физическим кабинетом. В 1829 году было заложено, а в 1831 году построено каменное здание семинарии на углу улиц Монастырской (Орджоникидзе) и Кунгурской (Комсомольского проспекта). При архиепископе Пермском Аркадии в комплексе семинарских зданий были построены каменный корпус столовой с кухнями на 300 воспитанников, деревянная больница на 40 кроватей и куплен большой деревянный дом для квартиры ректора. В 1851 году приступили к строительству домовая церкви, которая была освещена 10 мая 1853 года во имя св. Иоанна Богослова.

11 ноября 1901 года прошло торжественное празднование 100-летнего юбилея Пермской семинарии. За этот период в семинарии получили образование многие замечательные люди, своими трудами внёсшие большой вклад в различных областях деятельности, среди которых архиепископ Волынский Иннокентий, епископ Олонецкий Палладий, епископ Екатеринбургский Иона, историки Пермской епархии протоиереи Е. А. Попов, А. М. Луканин и священник Я. (И.) В. Шестаков, известный писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк, изобретатель радио А. С. Попов, общественный деятель, врач П. Н. Серебренников, общественный деятель и основатель Томского народного университета П. И. Макушин, математик И. М. Первущин, П. П. Бажов, ставший известным писателем уже в советское время. Практически все, кто работал ректором семинарии, впоследствии достигли высших церковных званий.

Пермское духовное училище изначально функционировало в составе Пермской семинарии. По уставу 1809 года (введенному в Перми в 1818 году) предполагалось двухуровневое образование. Учащиеся первых трёх классов составляли контингент духовного училища, а воспитанники старших четырех классов являлись, собственно, семинаристами. И духовное училище располагалось в одном здании с семинарией. При архиепископе Аркадии училище было переведено в особый деревянный дом. Затем епископ Антоний (1868-1876) для размещения духовного училища благословил покупку прекрасного каменного барского дома на углу улиц Покровской (Ленина) и Оханской (Газеты «Звезда»). Позднее, уже при владыке Ефреме (1883-1888) здание было расширено пристройкой по улице Оханской. Тогда же была устроена домовая церковь, освящённая во имя св. Кирилла и Мефодия в память 1000-летнего юбилея со дня кончины последнего из славянских просветителей. Все строительные работы проводились под руководством смотрителя Г. И. Холмогорова.

В 1901 году при училище было открыто Общество вспомоществования нуждающимся учащимся.

Функционирование так называемой «вольной школы» в Перми первой трети XIX века – одна из интереснейших страниц городского народного образования. Идея проекта взаимного обучения с целью «формирования общественного мнения» родилась у активистов тайного общества декабристов «Союза благоденствия» в 1818 году в Москве. Уже 5 сентября 1819 года «вольная школа» начала действовать в Перми. Главными инициаторами стали учитель Пермской мужской гимназии В. Т. Феонов и служащий губернского правления М. Г. Сведомский. Начинания поддержал пермский губернатор А. К. Кридинер и выделил помещение. После разгрома «декабристов» школа стала терять своё значение. В 1834 году «вольная школа» в Перми прекратила свое существование.

Профессиональное образование в Пермском крае вышло на новый уровень с открытием в Перми реального училища. Своему появлению учебное заведение обязано известному общественному деятелю, промышленнику И. И. Любимову, который в 1873 году, будучи в тот период городским головою, внёс это предложение на рассмотрение в городскую думу, пожертвовал двухэтажный каменный дом на Воскресенской площади и в течение первых пяти лет ежегодно выделял необходимые средства на его содержание. Гласные Пермской городской думы с благодарностью приняли предложение И. И. Любимова, постановив отпускать из городской казны ежегодно по три тысячи рублей и, кроме того, по три тысячи рублей из прибыли общественного Марьинского банка. По предложению И. И. Любимова Пермское реальное училище стало именоваться Алексеевским в память проезда через Пермь в том же году великого князя Алексея Александровича. Инициатива И. И. Любимова по устройству реального училища была поддержана Пермскими губернским и уездным земствами, а также Чердынским и Осинским уездными земствами, постановившими выделять значительные средства для обустройства и содержания столь необходимого учебного заведения.

Торжественное открытие Пермского реального училища состоялось 12 сентября 1876 года в присутствии министра народного просвещения Д. А. Толстого. Первым директором был назначен А. А. Залежский, которого в 1882 году сменил М. М. Дмитриевский. Преемником М. М. Дмитриевского в 1907 году стал Ф. Ф. Скурский. В 1896 году при реальном училище было открыто горнозаводское отделение, переведённое, в свою очередь, из Красноуфимска. С 1899 года горнозаводское отделение помещалось в отдельном здании на углу Екатерининской (Большевицкой) и Соликамской (Горького) улиц.

В Пермском реальном училище устраивались выставки работ учащихся по рисованию и черчению.

Частная инициатива регионов была поддержана в центре. В 1884 году

правительством издаётся «Общий нормальный план промышленного образования в России». А в 1888 году были высочайше утверждены «Основные положения о промышленных училищах». На рубеже XIX-XX веков реальные и ремесленные училища открываются во всех уездных городах Пермской губернии.

Общественное движение в России 1860-х годов выдвинуло на повестку дня вопрос о женском образовании. Эти предложения нашли горячую поддержку в Перми. С целью изыскания необходимых средств для будущей женской гимназии было устроено одиннадцать благотворительных музыкальных вечеров. Инициаторами этих вечеров были общественный деятель Д. Д. Смышляев и преподаватель мужской гимназии Н. А. Фирсов. Отчасти уже на собранные деньги в том же 1860 году в Перми было открыто женское училище первого разряда, названное в честь императрицы Марии Александровны Мариинским. Первоначально училище размещалось на частных квартирах, но вскоре известные пермские благотворители братья Ф. К. и Г. К. Каменские пожертвовали двухэтажный полукаменный дом по Пермской (Кирова) улице. Попечение же о материальных нуждах учащихся взяло на себя пермское общество.

В 1871 году шестиклассное Мариинское женское училище было преобразовано в женскую гимназию. Теперь помещение уже стало тесным. Возникла необходимость строительства нового здания. В 1883 году XI чрезвычайное Пермское уездное земское собрание постановило пожертвовать на эти цели 10 тысяч рублей. Одновременно оказала поддержку Пермская городская дума отводом земельного участка на углу Петропавловской (Коммунистической) и Обвинской (25 Октября) улиц, оцененного в 7 тысяч рублей, и выделением 3 тысяч рублей на строительные работы. В этом проекте большую инициативу проявила супруга бывшего тогда начальника Пермской губернии Т. Д. Анастасьева. Она проводила благотворительные вечера и хлопотала о приобретении здания под общежитие учениц.

Вскоре собранный капитал достиг значительных сумм. Участие приняли земства: Пермское губернское выделило 30 тысяч рублей, Пермское уездное – 10 тысяч рублей, Соликамское – 6 тысяч рублей, Кунгурское – 2 тысячи рублей. Кроме того, по подписке от частных лиц собрано 11 577 рублей (в том числе князь Воронцов, граф Шувалов, А. Ф. Поклевский-Козелл, князь Абамелек-Лазарев пожертвовали в сумме более 8 тысяч рублей).

Уже в 1884 году приступили к постройке огромного каменного здания, а в 1887 году его освятили в присутствии великих князей Михаила Николаевича и его сына Сергея Михайловича. В 1884 году было открыто общежитие, приобретённое на средства Общества для доставления квартир ученицам Мариинской женской гимназии.

Вместе с женской гимназией в одном здании помещалась основанная

в 1880 году женская прогимназия. В 1894 году ей было предоставлено собственное здание.

В 1897 году произошла закладка отдельного корпуса для пансиона женской гимназии. На средства, изысканные почётной попечительницей Пермской гимназии Е. Г. Погодиной, в 1895 году была заложена прекрасная каменная церковь, соединённая с гимназией тёплым коридором. Церковь освящена во имя св. Николая Чудотворца и св. царицы Александры в ознаменование бракосочетания государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Фёдоровны. Благодаря заботам начальницы гимназии Т. И. Пашихиной, в нижнекурьинских дачах в 1911 году приступили к постройке дачи-колонии для воспитанниц гимназии со слабым здоровьем.

В связи с переполненностью Мариинской женской гимназии, ещё в 1880 году появилась мысль об учреждении в Перми женской прогимназии. 19 февраля, в день 25-летия царствования императора Александра II, гласные Пермской городской думы приняли постановление основать четырёхклассную женскую прогимназию. Поэтому открывшейся прогимназии 30 августа 1881 года в частном доме Драгунова по ул. Сибирской было присвоено имя Александровская. А с 1 сентября 1894 года это учебное заведение разместилось в особом здании, купленном городским обществом у Дягилева на углу улиц Сибирской и Большой Ямской (Пушкина). Через месяц в ознаменование бракосочетания государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Фёдоровны Пермская городская дума пожертвовала приобретённый дом в собственность прогимназии.

В 1888 году в прогимназии был открыт класс кройки и шитья, в 1898 году – педагогический класс для подготовки учительниц начальных школ. С 1900 года при прогимназии действовало Общество вспомоществования нуждающимся учащимся. В сентябре 1907 года прогимназия была преобразована в женскую семиклассную гимназию имени императора Александра II. По улице Большой Ямской был пристроен второй корпус. Первой начальницей с 1881 по 1906 год была М. Л. Пермькова, затем Н. Я. Клигберг. Главные средства на содержание учебного заведения выделяли пермские земства. Основной контингент учащихся – дочери мещан и крестьян.

В царствование императора Александра II с целью предоставления образования дочерям духовенства и подготовки учителей для церковно-приходских школ в России распространяется такой тип средних учебных заведений, как епархиальные женские училища. Уже первый Пермский епархиальный съезд духовенства (1870 год) выразил понимание и поддержку этому начинанию. Пермский епископ Владимир получил положительный ответ на ходатайство об учреждении епархиального училища в г. Перми. В 1889 году последовал соответствующий указ св. Синода. Для учебного заведения был куплен дом на углу Петропавловской

и Соликамской (Горького) улиц, затем расширен и надстроен вторым этажом.

1 сентября 1891 года прошло торжественное открытие Пермского епархиального училища в обновлённом здании. В 1894 году состоялось освещение домовой церкви училища во имя св. Софии, Веры, Надежды и Любви, для чего был приспособлен актовый зал. Как и во многих учебных заведениях, при училище было открыто Общество вспомоществования нуждающимся учащимся.

Однако имеющееся помещение училища стало тесным. Архитектурным бюро А. Б. Турчевича был выработан проект постройки второго большого корпуса, одобренный Пермским епископом Иоанном. Заложенное 17 сентября 1905 года здание через два года было черне окончено. Однако внутренние работы затянулись на целых пять лет. И только к 1913 году всё было готово для ведения учебного процесса.

На рубеже XIX-XX веков в Перми существовало несколько частных гимназий. Так, в сентябре 1909 года была преобразована в гимназию мужская прогимназия Э. В. Циммерман, возникшая еще в 1886 году как частная школа. В 1903 году эта школа была расширена до прогимназии. При ней действовало Общество вспомоществования нуждающимся учащимся. Основной контингент учащихся – это мальчики, не прошедшие конкурс в казённые учебные заведения.

16 августа 1901 года произошло открытие частного женского учебного заведения Л. В. Барбатенко, перерегистрированного через год в прогимназию, а в 1903 году – в женскую гимназию. Здесь также было открыто Общество вспомоществования. В гимназии Л. В. Барбатенко преимущественно обучались девочки из семей пермской интеллигенции (ул. Сибирская, 23, ныне – школа № 21).

1 сентября 1904 года в Перми появилось подготовительное женское учебное заведение М. Н. Зиновьевой, преобразованное в 1907 году в профессиональное, а в 1909 – в прогимназию. Ежегодно это учебное заведение проводило выставки рукоделия учащихся. В прогимназию М. Н. Зиновьевой могли поступить девочки, не прошедшие конкурсные экзамены в казённые учебные заведения.

1909 год оказался особенным для Перми. Многие существовавшие учебные заведения повысили свой статус и, главное, появилось сразу три новых. 20 сентября была открыта учительская семинария, 29 августа – частное мужское учебное заведение с правами прогимназии, и в этом же году начала отсчитывать свою историю частная женская прогимназия А. И. Дрекслер-Гольнец.

В царствование императора Александра III обер-прокурор св. Синода К. П. Победоносцев разрабатывает проект нового типа низших учебных заведений в России – церковно-приходских школ. Первая из таких школ появилась в Перми 14 ноября 1889 года в помещении часовни св. Стефана Великопермского. В последующем десятилетии церковно-приходские

школы организуются практически во всех крупных населённых пунктах Пермской губернии при храмах, прихожане которых составляли достаточно крупные общины. Наиболее известной церковно-приходской школой в г. Перми в прошлом являлась школа, устроенная по проекту А. Б. Турчевича благодаря попечительству Рождество-Богородицкой церкви, прекрасное здание которой сохранилось до наших дней на углу улиц Пермской (Кирова) и Оханской (Газеты «Звезда»). Она была открыта 27 октября 1896 года. Вскоре в ней был открыт двухгодичный курс шитья, кройки и рукоделия, а с августа 1903 года действовал курс профессионального обучения. Традиционно в этой школе проводились публичные праздники с народными чтениями, выставками рукодельных работ учениц школы, организовывались музыкальные и певческие вечера с демонстрацией световых картин.

В память посещения Перми обер-прокурором св. Синода К. П. Победоносцевым в том же 1890 году при Слудской Свято-Троицкой церкви была открыта Константиновская церковно-приходская школа. Новое каменное здание этой школы было освящено 12 ноября 1906 года. Здесь также устраивались народные чтения.

Попечительство Петропавловского собора на свои средства открыло 8 сентября 1897 года церковно-приходскую школу в деревне Горки (за речкой Егошихой). В ней по праздничным дням проводились чтения лекционной секции общества «Народный дом».

Кроме названных, в Перми работали церковно-приходские школы при духовной семинарии, епархиальном женском училище, на Заимках, в Закамском посёлке, в Мотовилихе (административно Мотовилиха в состав города вошла только в 1938 году).

Профессиональное образование в Перми велось техническим железнодорожным училищем, горнозаводским отделением реального училища, торговой школой, ремесленным училищем, профессиональными классами кройки и рукоделия гимназии М. Н. Зиновьевой и Рождество-Богородицкой церковно-приходской школой.

Техническое железнодорожное мужское училище было открыто на средства Уральской железной дороги 11 ноября 1881 года и состояло в ведомстве Министерства путей сообщения. Помещалось оно (и по сей день) в двухэтажном каменном доме, принадлежащем Уральской железной дороге в начале улицы Торговой (Советской). Училище готовило техников для нужд железной дороги.

Торговая школа фактически была открыта 2 сентября 1901 года, хотя торжественный акт по этому случаю состоялся позднее – 21 октября. Дом для размещения школы был уступлен М. И. Любимовым, наследником известного пермского предпринимателя и коммерсанта И. И. Любимова, который жил в этом доме на углу Покровской (Ленина) и Оханской (Газеты «Звезда»). М. И. Любимов продал этот дом за 40 тысяч рублей, однако 25 тысяч рублей из этой суммы пожертвовал в пользу школы.

Супруга покойного И. И. Любимова Елизавета Ивановна со своей стороны также пожертвовала на школу средства в размере 25 тысяч рублей. Средства на содержание учебного заведения собирались за счёт вкладов общества приказчиков, города, земств и других общественных организаций. Торговая школа давала образование детям приказчиков и служащих различных торговых учреждений со специальной подготовкой в области коммерции.

Ремесленное училище в Перми было открыто 15 августа 1899 года. В 1907 году было заложено, а 10 октября 1910 года освящено новое каменное здание ремесленно-учебной мастерской на Слудке, на углу улиц Торговой (Советской) и Екатеринбургской (Свердловской). Цель училища и мастерской – дать начальное образование и научить какому-либо ремеслу детей рабочего населения.

Среди губернских городов России Пермь выделялась прекрасными городскими училищами. В начале XX века насчитывалось 6 четырехклассных, 4 двухклассных и 25 одноклассных приходских училищ. Старейшим из этих училищ, отметившим 1 октября 1909 года свой вековой юбилей, является Кирилло-Мефодиевское мужское училище, названное так 6 апреля 1885 года в честь 1000-летия со дня кончины последнего из славянских просветителей. Оно помещалось в старом деревянном здании на углу улиц Большой Ямской (Пушкина) и Кунгурской (Комсомольский проспект). По случаю 100-летнего юбилея училища было выстроено великолепное новое здание.

Почти одновременно с Кирилло-Мефодиевским училищем в Перми возникло другое (уездное) мужское училище, отпраздновавшее свой вековой юбилей 17 октября 1911 года. Первое городское училище (так оно именовалось) помещалось в четырёх деревянных с каменной пристройкой зданиях на углу улиц Покровской (Ленина) и Соликамской (Горького). В этом училище получил образование известный писатель Ф. М. Решетников. С 1865 года в училище были открыты педагогические курсы по подготовке учителей начальных народных школ.

Среди зданий учебных заведений Перми выделяется городское четырёхклассное Екатерино-Петровское училище. Оно было построено на средства (100 тысяч рублей), пожертвованные городу пермским купцом И. И. Базановым, и открыто 8 сентября 1903 года. Здание училища размещается на Екатерининской (Большевикской) улице, 71. В училище работало столярно-токарно-ремесленное отделение. Инспектором училища состоял Н. А. Бояршинов, автор учебника географии Пермской губернии.

На Слудской площади помещалось третье прекрасное одноэтажное каменное здание четырёхклассного городского училища, на строительство которого было потрачено 35 тысяч рублей. Открытое 15 октября 1900 года, училище получило наименование Александровское.

15 сентября 1896 года в Солдатской слободке было открыто Ольгинское

училище, названное так в ознаменование рождения великой княжны Ольги Николаевны. В 1911 году было освящено новое двухэтажное каменное здание по улице Сибирской, стоимость которого составила 50 тысяч рублей.

Недалеко от Ольгинского училища, на пересечении Обвинской (25 Октября) улицы и Малой Ямской в тот же период было возведено каменное двухэтажное здание, в котором размещалось два училища: Алексеевское, названное в честь рождения государя наследника Алексея Николаевича, и Нассоновское, получившего название по фамилии купца В. М. Нассонова, оставившего по духовному завещанию свой капитал городу.

Для училищ низшего образования в 1905 году было открыто в Перми Общество вспомоществования нуждающимся учащимся, а в 1910 году – Общество содействия начальному образованию. Все училища города состояли в непосредственном ведении директора народных училищ А. П. Раменского, занимавшего эту должность с 1890 года.

Различные формы внешкольного образования широко практиковались по всей Пермской губернии. Этим занимались как религиозные, так и светские гражданские учреждения, учебные заведения, общественные организации. Особенно полно эта форма народного просвещения раскрывалась в уездных городах и губернском центре.

Впервые вопрос о воскресных школах возник в 1860-е годы, в период активного устремления русской интеллигенции к полезной общественной деятельности. Именно тогда, зимой 1859-1860 годов, в здании благородного собрания Д. Д. Смышляевым и Н. А. Фирсовым было проведено девять музыкальных вечеров, сборы от которых пошли в пользу четырёх воскресных школ. В действительности же открылась только одна, при духовной семинарии, и просуществовала до 1866 года.

После большого перерыва вновь появляются воскресные школы. В 1892 году произошло открытие мужской воскресной школы при часовне св. Стефана Великопермского в классных комнатах церковно-приходской школы. Через год в Перми начинает работать женская воскресная школа. В 1898 году открывается женская воскресная школа при городской тюрьме. В начале XX века действовали воскресные школы при Кирилло-Мефодиевском и Александровском училищах, а также при обществе «Народный дом».

Ещё в 1865 году при Пермском городском училище были открыты постоянные педагогические курсы для учителей начальных народных школ. Просуществовавшие сравнительно недолго, эти курсы были возобновлены в 1900 году.

Особенно широко стали организовываться всевозможные курсы в 1890-х годах. Один из первых значительных проектов по организации в губернии народных хоров и подготовке регентов, получивших известность по всей России, был предложен оперным артистом Д. Д. Городцовым.

Инициативу Д. Д. Городцова поддержал пермский губернатор П. Г. Погодин, учредив особую должность организатора народных хоров. В 1896 году в Рождество-Богородицкой церковно-приходской школе открылись курсы для подготовки регентов народных хоров. Эти курсы работали практически до 1917 года.

Пермское уездное земство также устраивало курсы для учителей земских школ (в 1901 и 1911 году), на которые приглашались лучшие педагоги страны. В 1899 году были организованы курсы показательного ткачества и приготовления тюменских ковров.

С конца 1880-х годов при Александровской земской больнице постоянно велись двухгодичные медицинские курсы по подготовке фельдшерского и акушерского персонала губернии.

С 1897 года в Перми начинают открываться педагогические курсы, организуемые земством, для полготовки учителей церковно-приходских школ не только Пермской, а также Вятской, Уфимской, Оренбургской и Тобольской губерний.

В начале XX века практиковались миссионерские курсы с целью подготовки среди духовенства, монашества и единоверцев борцов с расколом.

С 1860-х годов в Перми стало распространенным явлением чтение публичных лекций и проведение народных чтений преподавателями учебных заведений, а также приезжими учёными и специалистами. Наиболее организованно и систематически циклы лекций проводил совет Пермского научно-промышленного музея. Но в целом эта форма популярного просвещения носила эпизодический и случайный характер. Тематика лекций была самая разная: история Пермского края, судебные уставы, женское образование, вопросы психологии и религии, растениеводство, творчество Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского и пр. Безусловно, рассматривались вопросы, интересные и актуальные для общества на тот период.

С 1905 года систематически проводились лекции религиозно-нравственного характера в зале братства св. Стефана Великопермского.

С 1909 года Пермский научно-промышленный музей начинает ряд общеобразовательных лекций, которые были особенно популярны среди интеллигенции. Некоторые лекции носили специально практический характер (пчеловодство, изготовление чучел и пр.).

Учреждение первого на Урале Пермского университета стало достойным венцом всего дореволюционного периода развития народного образования в крае. Это долгожданное событие состоялось 14 октября 1916 года в переломный период отечественной истории, когда истекло время тысячелетней православной средневековой русской цивилизации и приближались революционные потрясения. Появление университета на Урале соответствовало всей логике промышленного, экономического и социально-культурного развития региона. Идея открытия университета

обсуждалась с конца XIX века и поддерживалась многими выдающимися деятелями науки и культуры. Однако это величайшее событие свершилось благодаря гражданской инициативе крупного предпринимателя, пароходчика Николая Васильевича Мешкова.

В октябре 1915 года, когда кайзеровские войска, продвигаясь по Прибалтике, начали угрожать Риге и Юрьеву (Гарту) со знаменитым университетом, встал вопрос об его эвакуации. Среди возможных вариантов рассматривались такие города как Уфа, Екатеринбург и Пермь. Эти места посетил с целью ознакомления с условиями размещения профессор Юрьевского университета К. Д. Покровский. По итогам поездки он заявил: «Пермь, несомненно, представляет большие преимущества в сравнении с Уфой и Екатеринбургом». Особо было отмечено здание губернского земства и три огромных корпуса ночлежного дома, только что построенных Н. В. Мешковым у вокзала Пермь II для неимущих камских водников. Комплекс ночлежного дома словно замышлялся для университета: кроме жилых помещений он вбирал в себя столовую, библиотеку, школу, амбулаторию, пекарню, мастерские и т. д. Даже для устройства народного сада при ночлежном доме Н. В. Мешков пригласил главного садовника Московского сельскохозяйственного института Э. А. Майера. К началу первой мировой войны проект в основном был завершён. Однако условия военного времени потребовали здесь разместить более 7 тысяч солдат. Пермская городская администрация выразила готовность принять Юрьевский университет, но оставался открытым вопрос размещения военнослужащих. 2 ноября 1915 года в Пермь городскому голове пришла телеграмма от Н. В. Мешкова, бывшего тогда в Нижнем Новгороде, в которой он горячо поддерживает идею перевода университета в Пермь и размещения в его ночлежном доме, а также «приплаты» из собственных средств на пристройки и содержание по 50 тысяч рублей ежегодно. Столь щедрая помощь позволяла не только разместить Юрьевский университет временно, а учредить уже постоянный Пермский университет. Н. В. Мешков и представители Пермской земской управы едут в Юрьев и Петроград, выходят с ходатайством к министру народного просвещения графу П. Н. Игнатьеву и получают его согласие. Далее Н. В. Мешков предложил профессорско-преподавательскому составу университета приехать в Пермь для ознакомления с условиями, городом и краем в целом, выделив при этом 5 тысяч рублей. Казалось бы, всё складывается благополучно, но... из Юрьева приходит категоричный отказ как в экскурсии, так и в переезде в Пермь вообще. (Было принято решение о переводе Юрьевского университета в Воронеж).

Тем временем в Перми подготовка по размещению университета шла полным ходом, по всей губернии собирались пожертвования. В Петроград министру направляются убедительные письма от Н. В. Мешкова и ходатайства губернского земства и городской управы. 12 июля 1916 года Совет Министров по представлению графа П. Н. Игнатьева постановил

в качестве подготовительной меры к созданию самостоятельного Пермского университета открыт с осени того же 1916 года в Перми отделение Петроградского университета.

Итак – победа? Нет, ликовать было рано. Ситуация на фронте с каждым днём ухудшалась и все помещения были заняты солдатами. Военная администрация отказала в освобождении здания. Н. В. Мешков вновь хлопот о решении этого вопроса, выходя на генералов и даже великого князя Николая Николаевича. Н. В. Мешков был даже готов предоставить для университета свой дом на набережной, в котором проживал. И хотя все эти переговоры не имели пока положительного исхода, 1 октября 1916 года (по старому стилю) в Перми состоялось торжественное открытие Пермского отделения Петроградского университета. На церемонию приехали заместитель министра народного просвещения В. Т. Шевяков и профессор зоологии и ректор Петроградского университета Э. Д. Гримм. Семь месяцев спустя, 5 мая 1917 года Временное правительство издало постановление учредить на базе Пермского отделения Петроградского университета Пермский университет в составе четырёх факультетов: историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского.

Особенно важное место в культуре Пермского края, а также в формировании его имиджа занимало краеведение. Первые замечательные работы были написаны еще в XVIII веке исследователями, приехавшими из центра, – учёными в составе научных экспедиций, путешественниками, горными деятелями. Наиболее известные имена среди них: В. Н. Татищев, П. С. Паллас, И. И. Лепехин, В. И. де Геннин и другие.

С учреждением Пермского наместничества краеведение в крае выходит на новый уровень. Большое внимание изучению Пермской губернии уделял губернатор К. Ф. Модерах. По его заданию преподаватель главного народного училища Н. С. Попов собирает материал и публикует в 1801 году первый капитальный труд о крае «Хозяйственное описание Пермской губернии», выполненный в соответствии с программой Вольного экономического общества. В XVIII же веке складывается традиция составления летописей земли Пермской. Появляются работы известных историков В. Н. Берха, П. И. Мельникова (Печерского). С 1838 года издаётся газета «Пермские губернские ведомости». (В 1841 году появилась неофициальная часть, где публикуются материалы, непосредственно касающиеся Пермского края).

Действительный расцвет краеведения приходится на вторую половину XIX – начало XX века. В историческом поиске участвует замечательная плеяда энтузиастов-краеведов. В числе наиболее значительных имён следует указать Д. Д. Смышляева, Н. К. Чупина, Г. И. Балбашевского, Е. (Г.) П. Мухачёва, П. А. Вологодина, Н. А. Рогова, А. Н. Зырянова, А. А. Дмитриева, В. С. Верхоланцева, В. А. Волегова, В. Н. Шишонко, Р. Н. Румы и других. Достаточно самостоятельно развивалось церковное

краеведение. Такие исследователи как преподаватель семинарии М. И. Капустин, протоиереи Александр Луканин, Евгений Попов, священники Ипполит Словоц, Яков (Иаков) Шестаков, дьякон Евгений Золотов публиковали свои труды в «Епархиальных ведомостях». Важную роль в изучении Пермского края сыграли периодически издаваемые статистические справочники: «Памятные книжки Пермской губернии», «Календари Пермской губернии». Сохранялась традиция местного летописания.

Большой интерес к истории земли Пермской проявляли многие специалисты и управляющие горных заводов и промыслов. Среди них Ф. А. Теплоухов, Н. Н. Новокрещенных, П. В. Сюзёв и другие.

Вопросы, касающиеся культурного наследия, памятников церковной старины, оказались в центре внимания церковно-археологического общества (ЦАО), созданного по инициативе Якова Шестакова в 1909 году.

Особый интерес пермяки проявляли к книгам. Первая публичная библиотека была открыта в 1831 году, но в пожаре 1842 года она сильно пострадала. К 60-м годам библиотека была пополнена и в 1863 году преобразована в Пермскую общественную. С 1878 года библиотека размещалась в доме городского общества. В конце XIX века открываются библиотеки известного общественного деятеля и краеведа Д. Д. Смышляева (на Слудке и в Мотовилихе). Формировались также библиотеки учебных заведений, губернского земства, железнодорожная, Пермского научно-промышленного музея, Пермской учёной архивной комиссии, Пермского статистического комитета, благородного собрания. В 1911 году в Перми открыт филиал библиотеки общества «Народный дом».

Среди научных учреждений Перми видное место занимает Пермская губернская учёная архивная комиссия. Инициатива открытия такой комиссии принадлежала Санкт-Петербургскому археологическому институту. В 1888 году состоялось учредительное собрание, а на следующий год – официальное открытие. В работе архивной комиссии приняли участие многие известные пермские историки.

По инициативе и во многом усилиями доктора медицины П. Н. Серебренникова в Перми создаётся музей Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). Собираемый с 1890 года, он был открыт 25 января 1894 года. Однако первые годы собственного помещения музей не имел. Через три года мать известного купца и промышленника И. И. Любимова – А. С. Любимова – пожертвовала для музея собственный двухэтажный кирпичный дом по ул. Петропавловской. После необходимого ремонта и обустройства уже в 1899 году вновь состоялось открытие музея. Всего в музее было 18 отделов: археологии, истории, этнографии, геологии, палеонтологии, почвоведения, зоологии, ботаники и др.

Литература

- Беленчук В. В., Захаров Н. Н., Колбас В. С. Небюджетная система образования в Прикамье / Изд. 2-е, перераб. и доп. – Пермь, 2004.
- Верхоланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. – Пермь, 1913, 1994, 2002.
- Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми. – Пермь, 1889.
- Кертман Л. Е., Васильева Н. Е., Шустов С. Г. Первый на Урале. – Пермь, 1987.
- Корчагин П. А. Губернская столица Пермь. – Пермь, 2006.
- Нечаев М. Г. Развитие народного образования // Пермь от основания до наших дней: Исторические очерки. – Пермь, 2000.
- Перескоков Л. В. От образования – к освоению Пермского края: Введение // В краю мастеров: 130 лет профессиональному образованию Пермского края. – Пермь, 2006.
- Пермский государственный университет имени А. М. Горького: Исторический очерк. 1916-1966. – Пермь, 1966.
- Попов Е. А. Великопермская и Пермская епархия (1379-1879): Пятисотлетие проповеди св. Стефана Пермского, почти столетие Перми и почти трёхсотлетие покорения Сибири. – Пермь, 1879.
- Шилов А. В., Быстрых Т. И. Краеведение Перми: прошлое и настоящее. Краткий исторический очерк // Краеведы и краеведческие организации Перми. Библиографический справочник. – Пермь, 2000.

О. М. Власова

*Кандидат искусствоведения, доцент Уральского филиала
Российской академии живописи, ваяния и зодчества,
член Союза художников России,
заслуженный работник культуры Российской Федерации
(г. Пермь)*

Скульптура и орнаментика поздних иконостасов Прикамья

Проблемы высокого русского иконостаса принадлежат к самым актуальным в отечественном искусствознании. Иконостас издавна стал наиболее значительным и сложным явлением восточнохристианского мира. Он представляет собой системно продуманный и зрительно целостный образ всего храма как явленного Небесного града.

В отечественной традиции высокий многоярусный иконостас понимается как самая органическая и семантически значимая часть храмового убранства. Полифоническим сакральным символом, где особо наглядно отражена динамика Священной истории, является классический пятиярусный иконостас с его рядами – протеческим, пророческим, апостольским, праздничным и местным. Традиционно эту алтарную преграду трактуют как грань между двумя мирами – временным и вневременным. Иерархическое строение иконостаса, идея порядка, «чина» есть форма подчинения храмовому целому и в конечном итоге – полноте Абсолюта. Иконостас, объединяющий в себе разнопространственные и

разновременные события, всегда индивидуален и органичен.

Первостепенное значение для осмысления иконостаса имели философские труды о. Павла Флоренского. В известной работе П. А. Флоренского¹ иконостас понимается как важнейшая символическая категория русского религиозного сознания, связанного множеством нитей с самыми глубокими основами православной культуры. Н. И. Троицкий трактовал иконостас как целостную символическую структуру, наиболее адекватно отражающую в храме идею Откровения. Опираясь на труды П. А. Флоренского, Н. И. Троицкого, В. Н. Лазарева, М. В. Алпатова, крупный ученый Л. А. Успенский дал полное представление об иконостасе как духовно-историческом явлении от его истоков до наших дней. О сравнительно позднем появлении высокого иконостаса писал Г. Д. Филимонов; возникновение «сплошных деревянных иконостасов» он относил к концу XIV – началу XV веков. В 1960–1970-е годы М. А. Ильин и Л. В. Бетин доказали, что структура иконостаса складывалась постепенно, на протяжении XIII–XIV веков. Они подняли вопрос о взаимоотношениях иконостаса и архитектурной декорации храма, о связи структурных изменений иконостаса с литургическими аспектами богослужения.

История высокого русского иконостаса, сложившегося в XV веке, изучена с достаточной полнотой. Иконостас переходного периода, от Средневековья к Новому времени, проходит первоначальную стадию осмысления². В последние годы проблемы высокого русского иконостаса успешно исследовали А. М. Лидов, И. Л. Давыдова, Л. М. Евсеева, А. Г. Мельник, И. А. Кочетков, Б. Б. Михайлов, В. А. Меньило, Л. А. Щенникова, Н. Н. Чугреева и многие другие.

Специальное исследование, посвящённое резьбе и скульптуре иконостасов, было предпринято Н. Н. Соболевым³. Опираясь на изыскания И. М. Снегирёва, Н. В. Султанова, П. Д. Барановского, Д. П. Сухова, он обозначил стилистическую эволюцию структуры и орнаментики иконостаса в переходный период от Средневековья к Новому времени. Он впервые охарактеризовал барочный убор иконостасов Нового времени, обратил внимание на изменения в декоре иконостасов под влиянием классицизма. С середины XIX века, по его мнению, в резьбе иконостасов господствует ретроспективизм (историзм) и выходящая из него эклектика.

Сохранившиеся иконостасы Прикамья эволюционируют по этой же схеме, но с небольшим отставанием по времени и некоторыми региональными особенностями в трактовке «стилей эпохи». Древнерусская традиция представлена в иконостасах г. Чердыни (Иоанно-Богословская церковь); барочная – в памятниках Соликамска (Богоявленская церковь), Усоляя, Перми (собор Спасо-Преображенский); классицистическая – в иконостасах церкви села Романово Соликамского района, села Польшарец Кунгурского района и др. Пример эклектики – иконостас Иоанно-Предтеченской церкви села Култаево Пермского района⁴.

Отдельный ряд составляют царские врата, хорошо представленные в музейных коллекциях Пермского края, которые наиболее ярко высвечивают стилистическую эволюцию скульптурного декора поздних иконостасов.

Царские врата играли ключевую роль в семантике высокого многоярусного иконостаса. Н. И. Троицкий и Н. Н. Сперовский пришли к выводу, что «иконография и резной декор царских врат воплощают христианские представления о рае и дверях рая и выражают сакрально-мистическое таинство Литургии верных, совершающееся в алтаре»⁵. В истоках формообразования царских врат – атендиум раннехристианских алтарей Византии, восходящий, в свою очередь, к шёлковой завесе скинии, прикрывающей вход в «святая святых»⁶. Пермские памятники храмового декора относятся к позднему периоду в древнерусском искусстве, а также к Новому и Новейшему времени. Так, царские врата из коллекции Пермской государственной художественной галереи позволяют проследить эволюцию орнаментальной резьбы на достаточно длительном временном отрезке – от XVII до начала XX века.

К наиболее ранним произведениям относятся, видимо, царские врата (первая половина XVII века, инв. № ПГХГ, П-687), происходящие, очевидно, из Пыскорского монастыря и развивающие орнаментальную традицию XVI века. Следующие по времени – царские врата конца XVII – начала XVIII века, очевидно, также происходящие из мастерской Пыскорского монастыря (инв. № ПГХГ, П-688). В целом резьба и роспись здесь выполнены в древнерусских традициях. Другие произведения орнаментальной резьбы из коллекции ПГХГ так или иначе связаны со стилем барокко. Большим мастерством отличается сквозная резьба царских врат второй половины XVIII века из Перми (инв. № ПГХГ, ДС-21). Рельефы варьируются по высоте, фигуры евангелистов поставлены в разных плоскостях, отчего создается сложная пространственная и светотеневая игра, подчёркнутая сплошной позолотой. Искусное сочетание объёмных и плоскостных элементов говорит о высоком профессиональном уровне резчика. Интересны «Царские врата» XVIII века из церкви Зосимы и Савватия Соловецких (1701) села Торговище Суксунского района (инв. № ПГХГ, П-1061). Врата имеют пологое арочное завершение в виде венца из лавровых листьев. Створы выполнены сквозной резьбой с крупными почти круглыми элементами растительного орнамента: изображаются листья аканта, гранатовые яблоки, «многослойные» цветочные розетки и пр. На створах симметрично вырезано шесть круглых медальонов с живописными изображениями евангелистов и сцены Благовещения (в среднем ряду), обрамленными «цепочным» орнаментом. Две другие композиции «Царских врат» типичны для сквозной резьбы второй половины XVIII века – начала XIX века (инв. № ПГХГ, П-691, П-693) – в них наиболее ярко проявлены черты барочного декора. Горельефные формы орнамента крупные, пластичны, изощрённы по исполнению. Среди

растительных элементов преобладают длинные листья аканта, гребешки с перлами, оливы, завитки и подсолнухи. Для большего декоративного эффекта используется яркая позолота «на полимент»⁷.

Итак, в иконостасах XVI–XVII веков поле орнаментальной резьбы значительно расширяется – Царские врата приобретают характер «узорочной завесы». В XVI веке на смену правильной крупной фряжской резьбе приходит более мелкая, со сложным плетением орнаментальных побегов и завитков, появляются столбцы с «яблоками» и сени, с конца XVI века – изображения птиц и цветов. В XVII веке Царские врата обретают пластическое единство с иконостасом. Флемская (фламандская) резьба перерабатывается, возникают спокойные, ясные растительные формы, изображается виноград, раковины, гребни, короны. В XVIII веке флемскую резьбу сменяет резьба рококо.

В целом структура иконостаса развивается от тябловой к «рамочной», затем к «сплошной», организуемой наподобие стены с чётким выделением центральной вертикальной оси. Декоративные элементы соответствуют «стилю эпохи». Барокко предпочитает «травные» орнаменты сложных переплетающихся форм, крупные объёмные элементы в виде раковин, виноградных лоз, пальметт, вьюнков и цветочных розеток. В классицизме возникает интерес к геометрическим орнаментам, к декоративным элементам, имитирующим ордерные конструкции, к мотивам римского декора: вазонам, лентам, лавровым венкам и т. д. Барочная фигуративная пластика занимает в иконостасе важное место, определяя его пространственно активный характер. В классицизме скульптура имеет более локальное, но и более конструктивное применение. Иконостас вместе со скульптурой строится как общая центричная композиция, связанная воедино крупным декоративным ордером и ритмикой орнаментальных мотивов.

Эклектика, распространённая во второй половине XIX века, предполагала неограниченное число вариаций из элементов разных конструкций и форм. Тем не менее, и в этом явлении преобладали классицистические мотивы. Классицизм, как и барокко, претерпевал в иконостасной пластике разнообразные претворения, вплоть до самых гротескных и примитивизирующих модификаций. И, судя по сохранившимся памятникам, именно классицизм явился главным стилем XIX века, с его сложным переплетением стилистических проявлений.

Распространение академических форм начинается в деревянной скульптуре также достаточно поздно, в конце XVIII века, параллельно с расцветом архитектуры раннего классицизма. В пермской коллекции это огромное распятие из села Сириновское (инв. № ПГХГ, ДС-60). Очевидно, что в этом произведении с особенной силой и ясностью развёрнута некая академическая «программа», реализовавшаяся во множестве аналогичных по типу распятий из коллекции ПГХГ (инв. №№ ДС-72, ДС-73, ДС-74 и других).

Ярчайшее проявление классицизма в Прикамье – творчество скульптора Дмитрия Титовича Домнина. Несравненно самообытны и вдохновенны его главные произведения: «Господь Саваоф», коленопреклоненные ангелы, голова херувима (инв. № ПГХГ, ДС-83; ДС-84, ДС-85, ДС-86).

«Господь Саваоф» – несомненно, выдающийся памятник иконостасной пластики XVIII века. Бог Отец изображён в облаках, в сиянии «славы», с державными атрибутами в прекрасных руках. Лик дышит покоем и силой, поражая классичностью черт, гармонией форм, мягкостью проработки. В том же ключе выполнены две фигуры коленопреклоненных ангелов из Нижнечусовских городков, где жёсткая симметрия зеркального построения спорит с «классической» моделировкой голов.

Из примыкающих к произведениям Домнина скульптур наиболее интересны изображения Саваофа (инв. № ПГХГ, ДС-82, ДС-80, ДС-81) и ангелов из села Ильинского. Свободная поза, широкие жесты, лик, полный достоинства, придают фигуре Саваофа выражение эпического спокойствия и надмирного величия... В том же спокойном, величавом состоянии изображены два сидящих ангела со страстными атрибутами в руках. Скульптуры «Господа Саваофа» и ангелов из села Ильинского представляют собой своеобразный и качественный вариант провинциального классицизма, ещё не утратившего своей крепкой «почвенной» связи с барокко. К ним, как ни к каким другим, более всего подходит понятие «барочного классицизма».

Наибольшей близостью «академическим» образцам отличаются позолоченные фигуры ангелов из Перми совершенно профессионального исполнения (инв. № ПГХГ, ДС-304, ДС-305). Эти фигуры вызывают ассоциации с самыми блестящими произведениями русского классицизма точностью пропорций, «античной» полнотой объёмов, грациозностью движений и поз.

В заключение можно сказать, что архитектурно-скульптурная композиция иконостаса наиболее адекватно выражала стремление к художественному синтезу, свойственному всем «большим стилям», развивавшимся в Новое и Новейшее время. Художественный образ, возникший на основе синтеза искусств, – качественно новое явление. К таким «качественно новым явлениям» в художественной культуре России принадлежит высокий иконостас Нового и Новейшего времени, на архитектурной основе которого расцвела так называемая «светловидная» живопись и богатый скульптурный декор с пластическими и орнаментальными формами.

История культуры Прикамья позволяет проследить всю эволюцию высокого иконостаса на «переломе эпох», от XVII до начала XX века. Конкретное изучение памятников позволяет сделать ряд общих выводов. В провинции «золотой век» иконостасной скульптуры захватывает вторую половину XVIII – первую половину XIX века. Именно в этот период иконостасы Прикамья предельно нагружаются пластикой. Наряду

с орнаментальной, высший расцвет получает фигуративная резьба, заполняющая не только царские врата, но и другие элементы иконостаса. Именно по сохранившимся фрагментам иконостасной резьбы мы можем судить о таком ярком явлении, как пермская деревянная скульптура, принадлежащая к самым крупным феноменам прикамской культуры.

¹ Флоренский П. А. Иконостас. – М., 1995.

² О новейшей проблематике иконостаса см.: Иконостас: Происхождение – развитие – символика: Международ. симпозиум 4-6 мая 1996 г. Москва, ГТГ: Тезисы докладов / Ред.-сост. А. М. Лидов. – М., 1996.

³ Соболев Н. Н. Русская народная резьба по дереву. – М., 2000. – С. 163-192.

⁴ См. подробнее: Власова О. М. Поздний русский иконостас // Уральская Голгофа. – Пермь, 2007. – Вып. 2: Мат-лы II Международ. науч.-практ. конф. «Первый гражданин России», посвящённой памяти великого князя М. А. Романова. – С. 86-90.

⁵ Сизоненко Т. Д. О ветхозаветной символике царских врат древнерусского иконостаса // Иконостас... – С. 501-517.

⁶ Лидов А. М. Византийский антепендиум: О символическом прототипе высокого иконостаса // Иконостас... – С. 161-206, ил.

⁷ См. подробнее: Власова О. М. Пермская деревянная скульптура: между Востоком и Западом. – Пермь, 2010. – С. 57-59, 69.

А. П. Крохалева

Кандидат искусствоведения,

старший преподаватель кафедры культурологии

Пермского государственного института искусства и культуры

(г. Пермь)

Тема повседневности в произведениях пермских художников конца XIX – начала XX века

Исследователи, занимающиеся проблемой повседневности, определяют повседневность как жизнь индивидов, которая разворачивается в общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий. Явления повседневности характеризуются устойчивостью и повторяемостью. Повседневность всегда ритуализирована, то есть большинство действий совершаются человеком в автоматическом порядке¹. Повседневность провинции, в отличие от столицы, особенно бедна событиями, монотонна и монохромна. Ритмичное течение провинциальной жизни нарушают выходные и праздничные дни, но и они проходят, как правило, по одному и тому же сценарию. Дни и годы похожи друг на друга, жизнь человека неуловима для осознания и рефлексии. Редкий житель провинции может разорвать «пути» повседневности, нарушить ее строгий порядок. Это доступно только человеку креативному, творческому.

Тема повседневности находит своё отражение в творчестве пермских

художников конца XIX – начала XX века.

Важнейшей составляющей повседневной жизни даже для городского провинциала была природа. Жители города жили её ритмами, зависели от переменчивой погоды. Для художника природа всегда была насыщена особенной информативностью.

Одним из первых художников-пейзажистов, воспевавших красоту уральской природы, был П. П. Верещагин (1834-1886), родившийся в Перми. Его пейзажи – «Архиповка» (1876), «Река Чусовая. Камень Красный» (1880-е годы), «Камень Молоков» (1880-е годы), – выполненные в стиле позднего классицизма, пронизаны любовью художника к малой родине.

Воздействие на развитие уральского пейзажа оказал и другой уральский художник В. Г. Казанцев (1849-1903), живший в Екатеринбурге. Одной из характерных его работ является картина «Солнце село» (1886)². В ней художник изобразил небольшую уральскую реку с величественными скалами и камнями. В пейзаже присутствуют все приметы академизма: строгая симметричная композиция, кулисное построение, деление на планы. Художник мастерски передает предзакатное освещение, придающее всему пейзажу романтический или даже мистический характер.

Особенной притягательной силой для пермских художников обладала река Кама. Её любили и относились к ней трепетно, с уважением. Можно вспомнить и пермских поэтов этого времени. Красоту Камы, её просторы отразил в своих стихах известный в то время пермский поэт Б. Н. Орлов:

Эх, ты, Камушка-Кама! Невольно
Увлечёшься красою твоей.
Как посмотришь в ту даль, где привольно
Волны борются в блеске лучей...³.

Поэт наделяет Каму эпитетами: «красавица», «любимая подруга», «родная», «беспредельная вширь и длину», часто ласково называет реку «Камушкой». Кама часто упоминается в стихотворных фельетонах С. А. Ильина – известного пермского поэта рубежа XIX – XX веков. В его творчестве образ Камы не так поэтичен, но также немаловажен. На Каму поэт смотрит глазами пермских обывателей. В одном из фельетонов Ильин рассказывает о характерных для того времени страхах пермяков о том, что из-за обилия летних проливных дождей Кама может выйти из берегов и затопить город. В юмористическом стихотворении Ильина летний июльский дождь приводит к тому, что всех горожан «поток огромный сносит в Каму», и сам поэт тоже попадает в этот поток:

Верхом на письменном столе,
Несусь с ужасной быстротою
И, захлебнувшись водою,

«Прощай навек!» – кричу земле⁴.

Многие пермские художники конца XIX – начала XX века воспевали Каму. Красоте реки была посвящена картина Т. Ф. Меркурьева, упоминание о которой мы находим в «Пермских губернских ведомостях» (к сожалению, работа не сохранилась). Картина называлась «Вид г. Перми с противоположного берега Камы» (1892). Это была, скорее всего, жанровая сцена в пейзаже, где были изображены пермяки, отдыхающие на берегу Камы. По замечанию рецензента, художник создал в картине ощущение идиллии. Меркурьев умело использовал живописные приёмы. Ему удалось превосходно передать световые эффекты: город и река были освещены «скрытым за облаками и золотящим их очертания ярким летним солнцем»⁵.

Восхищался Камой и известный художник А. К. Денисов-Уральский, живший в Екатеринбурге, но часто бывавший в Перми. Сохранился один из его пейзажей «Набережная Камы в Перми зимой» (1901)⁶. Перед нами почти что белая пустыня. Кама затянута льдами и кажется неприветливой, пустынной и холодной. Правый берег безлюден, синее за рекой тёмный лес, чуть виднеется вдали железнодорожный мост. Цвет в картине приглушён, неяркий, колорит построен на холодных тонах. Первый план более оживлён. Изображены деревянные пристани, оживающие летом, а сейчас заброшенные и запорошенные снегом. Кама спит спокойным, глубоким сном, отдыхая после напряжённого труда летом. Мы видим тёмные фигурки людей, которые прогуливаются по набережной. Видимо, и в холодные зимние дни жители Перми стремились полюбоваться могучими просторами реки.

Кроме Камы Денисов-Уральский воспевал могучую и непредсказуемую природу Урала. Известны его картины: «Октябрь на Урале» (1894), «Утро на реке Чусовой» (1896), «Лесной пожар» (1897), «Река Чусовая зимой» (1901).

К теме родной природы, городской среды также обращались пермские художники А. С. Шанин, А. Н. Зеленин, И. И. Туранский, Д. Ф. Николаев, А. В. Каплун, И. Ф. Никонова. В своих пейзажах они создали многогранный образ Камы и Перми, сформировали традицию особенного, трепетного и тёплого отношения к реке и городу. Эту традицию продолжили и пермские художники XX – XXI веков.

Тема повседневности нашла своё отражение и в жанре портрета. Портреты, созданные пермскими художниками в этот период, типологичны в том смысле, что отражают внутренний и внешний облик жителей Перми с характерными лицами, причёсками, одеждой, манерами и привычками. Моделями для портретов служили местные жители, родственники художников, коллеги по работе.

Сохранились портреты преподавателей гимназии, написанные А. С. Шаниным. Это портреты учителя математики К. П. Борнякова и учителя чистописания М. А. Афанасьева⁷. Михаил Афанасьев был

очень популярным человеком в Перми в конце XIX века, являлся очень интересной личностью⁸. В портрете, созданном Шаниным, М. А. Афанасьев напоминает зрителю образы маленьких людей, ставших программными для русской литературы XIX века⁹. Шанину удалось передать внешний и внутренний облик пермского учителя и создать типичный образ провинциального учителя-интеллигента. Перед нами скромный человек в очках, с детским, несколько удивлённым взглядом, направленным чуть вверх. Брови немного приподняты и также придают лицу удивлённое выражение. Губы слегка сжаты, как будто он боится что-то сказать. Он выглядит несколько растерянным. Но в то же время чувствуется, что он – деятельный человек.

В «Портрете гимназиста Досманова» (1874) с помощью тонких линий и мягкой штриховки Шанину удалось создать образ типичного идеального ученика, тихого, скромного мальчика в гимназической форме.

Характерный образ провинциальной гимназистки в «Портрете Нины Фёдоровны Теплоуховой» (1900) создал А. Н. Зеленин¹⁰. В облике Нины Фёдоровны он подчёркивает скромность, сдержанность, аккуратность, воспитанность. Характерно тёмно-синее длинное платье с белым передником, тщательно заплетённые в длинную косу волосы. Для более точного воплощения образа художник прибегает к приёмам примитива: акцентирует статичность модели, фон делает неглубоким, подчёркивает вневременность происходящего. В портрете нет лишних деталей, интерьер только намечен. Объёмы обобщаются, как во многих купеческих и крестьянских портретах, крупными складками одежды отмечаются вертикальные линии. С помощью этих приёмов художник придает образу девушки монументальность и величественность, и так же как в портретах-примитивах здесь делается акцент на важных многозначных деталях. Например, веточка сирени в правой руке девушки воспринимается как символ наступающей весны, юности и красоты.

Наиболее полно раскрывают тему повседневности жанровые работы пермских художников. Это, например, этюды Д. Ф. Николаева, хранящиеся в Пермском краевом музее. На одном из них художник изобразил самого себя за работой. На другом мы видим пожилую женщину в белом платке – мать художника. Она занята шитьём. Художник показывает часть скромного интерьера: деревянный стул, кровать, заправленную одеялом.

Повседневной трудовой жизни посвящены этюды Зеленина, написанные в Перми и на даче у художника А. А. Седова: «Шерстобит» (1897) и «Горшечник» (1903), «В лавке купца Серебrenникова». Художнику интересны представители разных профессий. Он досконально описывает труд простых людей, характерные жесты, интерьер, предметы. Люди не позируют художнику, они целиком погружены в работу.

К теме повседневности обращался и художник В. А. Мамаев. Сохранилась его работа «Тяжёлые думы»¹¹. В этой крупноформатной картине Мамаев не ставит острые социальные вопросы, а пытается

передать сложное психологическое состояние девушки, сидящей у окна и рассматривающей фотографию. Её не радует яркий солнечный день, тёмно-синее платье совершенно не соответствует залитой солнечным светом улице за окном. Одиночество и печаль героини передаются через статичную, застывшую позу.

Жанровая работа художника И. П. Чиркова «Именины у директора» (1911) стала инициатором громкого скандала, или «выставочного инцидента», как выразился рецензент газеты «Пермские губернские ведомости». Художник представил эту картину на очередной выставке Пермского общества любителей живописи, ваяния и зодчества¹². В этой работе Чирков буквально попытался следовать идеям передвижников в их стремлении освободить общество от различных пороков с помощью произведений искусства.

Сохранились воспоминания писателя К. В. Боголюбова: «На картине была изображена пьяная компания, собравшаяся поздравить директора гимназии. Тут были почти все педагоги. Портретное сходство изумляло... сам именинник склонил над столом лохматую голову. Весело и жутко было смотреть на это изобличение. Картина висела только один день. Её не стало, не стало и художника»¹³. Чирков был отстранён от преподавания в гимназии, получив назначение на должность учителя рисования в городское училище Невьянского завода.

История с Чирковым получила своё продолжение в 1917 году, когда Иван Петрович вернулся в Пермь. В этот период под впечатлением революционных событий им была написана картина «Наступление красных сибирских партизан»¹⁴. Художник показал партизан в тайге, среди деревьев, покрытых зимней мглой, на шапках партизан изобразил красные ленты, впереди высоко взметнувшееся красное знамя. Размер картины по ширине превышал два метра. Полотно было выставлено в одном из больших магазинов на Сибирской улице. Но после захвата города белогвардейцами Чирков, наученный горьким опытом и боявшийся вступить с властями в конфликт, быстро переписал картину. Художник Л. А. Старков, навестивший Чиркова, застал его в момент работы над картиной: красное знамя уже было переделано на царское трёхцветное, повязки на рукавах и ленточки на шапках партизан были перекрашены в белый цвет. «Иван Петрович нервничал, переписывал картину, в то время как офицер-колчаковец любезничал с дочерью художника»¹⁵.

Провинциальную повседневность также отражают графические произведения, карандашные рисунки и наброски пермских художников. В рисунках А. Н. Зеленина угадываются различные типы провинциальных жителей. Художник фиксировал разные характеры, позы, настроения незнакомых для него людей. Сохранился рисунок И. П. Чиркова, где художник изобразил любимое место отдыха пермяков – пермский городской сад с летней театральной сценой и зрителями. На одном из рисунков И. И. Туранского воспроизведён интерьер столовой начала XX

века. Чувствуется острый взгляд художника, наблюдательность и умение подчеркнуть характерное.

Таким образом, одной из важнейших тем в произведениях пермских художников конца XIX – начала XX века становится провинциальная повседневная жизнь, красота местной природы, городская среда, местные жители. Повседневная жизнь пермяков становится предметом наблюдения и изучения профессиональных художников. Мы можем проследить раскрытие этой темы при помощи различных стилистических приёмов в разных жанрах: пейзаже, портрете, бытовом жанре и многочисленных графических произведениях.

¹ Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. – М., 2000. – С. 57-172.

² Екатеринбургский музей изобразительных искусств. Инв. № Ж-64.

³ Орлов Б. Н. Пути дороженьки-родные: Сб. стихов. – Пермь, 1910. – С.57.

⁴ Ильин С. А. Стихотворения. – Пермь, 1905. С.75.

⁵ Пермские губернские ведомости (далее – ПГВ). – 1892. – 2 декабря. – С.4.

⁶ Пермская государственная художественная галерея, фонд живописи (далее – ПГХГ, ФЖ). Инв. № Ж-863.

⁷ ПГХГ, ФЖ. Инв. №№ Ж-240, Ж-243.

⁸ Верхоланцев В. С. Летопись г. Перми с 1890 по 1912 гг. – Пермь, 1913. – С.33.

⁹ М. А. Афанасьев чем-то напоминал гоголевского Башмачкина. Он был чрезвычайно бедно одет, так же, как и у Акакия Акакиевича, у него никогда не было приличной шинели. С. А. Ильин вспоминает о «странной шубейке с жёлтым мехом воротника, скорее женского, чем мужского покроя». «Этот скромный, безответный учитель чистописания... в часы досуга беседовал с музами, парил на своём Пегасе высоко над землею», – пишет о нем Ильин. См.: Ильин С. А. Из школьных воспоминаний: Учитель чистописания М. А. Афанасьев // ПГВ. – 1906. – 19 ноября (№ 252). – С. 2-3.

¹⁰ Ильинский краеведческий музей. Ж-362. Для этого портрета художнику позировала Нина Фёдоровна Теплоухова, младшая сестра его первой жены Анны Фёдоровны. Семья Теплоуховых была известной в Перми семьёй строгановских служащих. Фёдор Александрович Теплоухов (1845-1905) был главным лесничим пермских строгановских вотчин, известным учёным – лесоводом, биологом, энтомологом, археологом.

¹¹ ПГХГ, ФЖ. Инв. № Ж-338.

¹² См.: Егорова Е. И., Казаринова Н. В. Иван Петрович Чирков. (Страницы художественной жизни Перми начала XX века) // Из истории художественной культуры Урала: Сб. науч. тр. – Свердловск, 1985. – С. 52-57.

¹³ Там же. – С. 52.

¹⁴ Архив ПГХГ. Ф.1. Оп. 1. Д. 1083. Л.7.

¹⁵ Там же. Л. 8.

С. В. Филатов

Действительный член Всероссийского геральдического общества

г. Пермь

(г. Пермь)

Губернская геральдика Российской империи 1857-1914 годов

Геральдика с самого своего появления была призвана стать универсальным символическим языком, на котором могли бы говорить люди вне зависимости от национальности. Несмотря на то, что символические системы в различных странах развивались обособленно, язык гербов и флагов понятен всем. Геральдика заняла своё особое место среди наук и искусств.

Российская геральдика, по мнению ведущих специалистов, зародилась при царе Алексее Михайловиче (1645-1676), до которого существовали лишь печати с условным обозначением (двуглавый орёл, всадник со змием, владимирский лев и др.), не имевшие строгих определённых форм и правил. Император Священной Римской империи Леопольд направил в Россию по просьбе русского царя своего герольдмейстера Лаврентия Курелевича, который составил «Титулярник» (1672), в нём были зарисованы гербы земель, входящих в титул царя.

Наряду со всем европейским, в царствование Петра Великого (1682-1725) утвердилась мода на дворянские и территориальные гербы. При нём в 1722 году была учреждена герольдмейстерская контора, впоследствии – Герольдия. Первым русским герольдмейстером стал С. А. Колычев, а в помощь ему был выписан пьемонтский дворянин Франциск Санти, составивший впоследствии большое число городских гербов Российской империи.

Гербы во все времена принадлежали своим владельцам: знатным особам, родам, городам и странам. В России гербы территорий пришли на смену эмблемам, сложившимся при Иване Грозном. С тех времён территориальная геральдика в России развивалась непрерывно.

Говоря об административно-территориальном делении, стоит упомянуть такие факты, как включение в состав России княжеств Финляндского и Польского со своими геральдическими традициями, присоединение Кавказа и среднеазиатских степей, екатерининская губернская реформа, во время которой в основном сложилось разделение империи, просуществовавшее до 1914-1917 годов.

Первая временная граница исследования – 1857 год – связана с началом геральдической реформы барона Б. В. Кёне и введением новых

правил для составления территориальных гербов. Граница окончания исследования связана с началом войны, годом присоединения последней в дореволюционный период территории – урянхайского края (Республика Тыва), а также появления последних в имперский период проектов губернских гербов.

Ведомство, отвечающее за составление и жалование гербов, появилось при Петре Великом. В разные времена оно называлось по-разному: Герольдмейстерская контора, Герольдия, Департамент герольдии. Но суть её работы всегда заключалась в разработке и учёте гербов, жалованных людям и территориям.

Значение Герольдии росло на протяжении всего XIX века. Уже в начале своего правления Александр I указом от 4 февраля 1803 года определил круг деятельности Герольдии следующим образом: «иметь точное и верное сведение о дворянских родах всей Империи; на каковой конец происхождения их и гербы по представленным доказательствам вносить учрежденным порядком в гербовник, выдавать со внесенных гербов копии; сочинять общий алфавит всем дворянам, оныя получившим, родословныя для выдачи просителям, дипломы на пожалования достоинства, грамоты на имения и разныя привилегии и патенты на чины».

Увеличение числа дел, возложенных на Герольдию, привело к определению ей в 1832 году нового штата и разделению занятий по экспедициям. Присутствие Герольдии состояло из герольдмейстера и его трёх товарищей (заместителей). По числу товарищей учреждались три экспедиции. Но дел оказалось очень много, и в 1830-х годах века практикуется система создания «временных» и «постоянных» столов, из которых впоследствии создавались новые экспедиции. В результате к началу 1840-х годов штат Герольдии был доведен до 80 человек.

По данным Сената, в Герольдии производилось в год до 16,5 тысяч дел. В результате Герольдия вновь подверглась реорганизации. В 1848 году она стала Департаментом Сената со штатом в 90 человек. Специальное подразделение по изготовлению гербов – Гербовое отделение – было учреждено при канцелярии Департамента герольдии 10 июня 1857 года. Отделение состояло из управляющего, секретаря, художника и чиновника-чистописца для письма. Были сформулированы также обязанности этого отделения: правильное и согласное с требованиями геральдики составление проектов всех гербов, грамот, дипломов. Далее через министра юстиции они подлежали утверждению царём.

За составление гербов по правилам геральдики, их соответствие лицу, роду или месту отвечал управляющий, поэтому он обязан был иметь в геральдике «все необходимые познания». Управляющему надлежало также составлять библиотеку «геральдических сочинений», в особенности до России касающихся, архив родословных и других документов, имеющих связь с его занятиями, равно коллекции слепков с древнейших российских и иностранных печатей и предметов, до

геральдики относящихся, и быть редактором геральдических сочинений». Преобразование 1857 года оказалось последним. Гербовое отделение Департамента герольдии просуществовало до октября 1917 года. Первым же управляющим Гербового отделения в 1857 году стал хранитель нумизматического кабинета Эрмитажа Борис Васильевич Кёне.

Уроженец Берлина Кёне был хорошо знаком с немецкой геральдикой, наукой точной и не терпящей разрозненности. Желая как-то упорядочить герботворчество в империи, в 1857 году барон Кёне составил правила украшений гербов губерний, областей, градоначальств, городов и посадов. Они (правила) были высочайше утверждены 7 мая, 4 и 16 июля того же года. В этом же году утверждён герб империи, разработанный Кёне.

В правила были включены: классификация геральдических корон над щитами, украшения (венки) вокруг щитов, обвитые соответствующими лентами, и способ указания губернской принадлежности — в вольной части щита. Для самих гербов (т. е. щитов) также были установлены определённые правила: «Все встречающиеся в гербах фигуры должны непременно иметь средневековую форму, почему в эмблемах гербов нельзя допускать: кадуцея, эскулапова жезла, и других античных вещей, а также паровых машин, пистолетов, ружей и других новейших предметов». И далее: «Именные вензеля, надписи и означение года не допускаются в гербах, кроме надписей на девизах».

После принятия правил сразу началась работа по составлению гербов губерний и городов, не имевших ранее своего символа, а также вносились изменения в ранее утверждённые.

По разработанным геральдическим правилам барона Кёне были составлены и высочайше утверждены (далее – в. у.) следующие группы гербовских гербов:

- указ № 46791; в. у. 25 февраля 1869 г. – гербы губерний Царства Польского (в составе Российской империи): Варшавской, Калишской, Келецкой, Ломжинской, Люблинской, Петроковской, Плоцкой, Радомской, Седлецкой, Сувальской;

- указ № 58684; в. у. 5 июля 1878 г. – гербы губерний: Архангельской, Бакинской, Бессарабской, Виленской, Вологодской, Воронежской, Гродненской, Екатеринославской, Елизаветпольской, Енисейской, Иркутской, Калужской, Ковенской, Костромской, Курской, Минской, Могилёвской, Олонёцкой, Орловской, Пензенской, Полтавской, Самарской, Санкт-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Ставропольской, Тамбовской, Тифлисской, Тобольской, Томской, Тульской, Уфимской, Харьковской, Херсонской, Эриванской; а также гербы областей: Акмолинской, Амурской, Дагестанской, Приморской, Семипалатинской, Семиречинской, Сыр-Дарьинской, Тургайской, Уральской, Якутской, Земли Войска Донского, или Донской области;

- указ № 274а; в. у. 17 июля 1881 г. – гербы областей Закавказья:

Батумской и Карской;

- указ № 6568; в. у. 31 января 1890 г. – гербы областей Средней Азии: Закаспийской, Самаркандской, Ферганской;

- сенатский указ № 12, ст. 82, от 30 октября 1914 г.; в. у. 19 октября 1914 г. – гербы: Холмской губернии Царства Польского, Черноморской губернии, или Земли войска Черноморского.

В связи с тем, что для разработки герба Российской империи 1856 года понадобились утверждённые гербы земель, входящих в титул монарха, эти символы были утверждены годом ранее геральдических правил. Таким образом, гербы губерний, утверждённые указом от 8 декабря 1856 года, имели только щиты. Обрамление и короны, полагавшиеся им по реформе Кёне, никогда утверждены не были и рисовались по аналогии с гербами губерний, принятыми после 1857 года.

Указом о высочайшем утверждении 8 декабря 1856 г. утверждены гербы губерний: Астраханской (как герб царства Астраханского), Витебской (как герб княжества Витебского), Владимирской (как герб великого княжества Владимирского), Вольнской (как герб княжества Вольнского), Вятской (как герб Вятской земли), Казанской (как герб царства Казанского), Киевской (как герб великого княжества Киевского), Курляндской (как герб герцогства Курляндия и Семигалия), Кутаисской (у. № 48860, в. у. 29 октября 1870/8 декабря 1856 г.), Лифляндской (как герб Лифляндский), Московской (как герб великого княжества Московского), Нижегородской (как герб княжества Нижегородского), Новгородской (как герб великого княжества Новгородского), Пермской (как герб Пермской земли), Подольской (как герб княжества Подольского), Псковской (как герб княжества Псковского), Рязанской (как герб великого княжества Рязанского), Смоленской (как герб княжества Смоленского), Таврической (как герб царства Херсонеса Таврического), Тверской (как герб великого княжества Тверского), Черниговской (как герб Черниговского княжества), Эстляндской (как герб Эстляндии), Ярославской (как герб княжества Ярославского).

Личность и труды барона Бернгарда Карла (Бориса Васильевича) Кёне получили в геральдической историографии крайне резкую отрицательную оценку. Такая репутация сложилась у Кёне ещё при жизни, но в дореволюционный период отношение к деятельности Кёне было более взвешенным, вплоть до появления в 1915 году большой работы П. И. Белавенца об истории государственного герба в имперский период, по сути, являвшейся запоздалой полемикой по поводу кёневского варианта герба и особенно актуальной для периода Первой мировой войны, когда обострилась борьба со всем немецким и австрийским.

Справка

Геральдисты: С. А. Колычев (1722), И. Н. Плещеев (1722-1731), П. А. Квашнин-Самарин (1731-1740), Н. М. Желябужский (1740-1753), В. Е. Ададунов (1753-1755), Ф. П.

Квашнин-Самарин (с 1755), Н. А. Головин (1765-1769), М. М. Щербатов (1771-1777), А. А. Волков (и. о., 1777-1783, бывший Пермский губернатор), Л. И. Талызин (и. о., 1783-1794), П. П. Щербатов (1796-1798), А. П. Адогуров (1798-1799), Е. К. Кромин (1799-1800), В. С. Грушецкий (1800, 1804-1817), П. А. Мансуров (1818-1822), А. К. Криденер (1824-1827), А. П. Званцов (1827-1837), Г. В. Пефт (1838-1841), Д. Н. Замятин (1841-1847), И. П. Толстой (1848-1850), В. Д. Философов (1850-1851, 1854-1856), И. Д. Булычев (1851-1854), А. Е. Матюнин (1856-1857), Н. И. Стояновский (1857-1859), Л. М. Муравьев (1860-1867), Б. П. Хвостов (1867-1871), П. П. Орлов (1871-1874), А. Д. Батурин (1874-1878), Е. Е. Рейтерн (1878-1889), Н. И. Непорошнев (1889-1894), Ф. И. Шамрай (1895-1914), А. А. Живкович (1914-1917).

Директор Герольдии: О. П. Козодавлев (1800-1802).

Т. Н. Котегова

*Художник, преподаватель музея-школы имени императрицы
Александры Фёдоровны
при Пермском Свято-Троице Стефановом мужском монастыре
г. Пермь*

Феодоровский русский городок – завет святого царя Николая

Русская цивилизация – одна из великих мировых цивилизаций. Подобно другим культурам, она имеет характерные черты, выраженные в архитектуре и изобразительном искусстве. Государь Николай II незадолго до революции привлёк лучших представителей русской культуры, чтобы зафиксировать эти черты в вечности.

В самом центре царской загородной резиденции, носящей западноевропейский облик, с 1909 по 1917 годы по мысли и воле государя был построен русский городок – комплекс зданий (каменных и деревянных) в древнерусском стиле. Смысловым центром русского городка стал Феодоровский государев собор (архитектор В. А. Покровский), который был освящён в 1912 году. Постепенно русский городок при Феодоровском государевом соборе в народе стали называть Феодоровский городок.

Белые стены из резного камня, затейливая резьба, нарядные арки и островерхие башни различных зданий, входящих в ансамбль Феодоровского городка, расположенного рядом с собором, больше похожи на декорации к старинной русской сказке. Городок занял живописный участок на берегу пруда, по другую сторону которого возвышается храм. В состав городка вошли палаты: трапезная, белокаменная (дом священников), розовая (дом диаконов), жёлтая (дом причетников), белая (бани и прачечная).

Трудно поверить, что белокаменные терема древнерусского городка с расположенным невдалеке нарядным собором не мираж, а реальность

наполненного трагическими событиями русской истории начала XX столетия.

Царскосельский ансамбль был задуман как важная часть глобальной идеологической программы, которая, по мысли государя, должна была воссоединять «Россию XX века с благочестивой Святой Русью наших предков». Несмотря на все трудности, вызванные Первой мировой войной, городок строился для того, чтобы в зрительном образе восстановить православную идею соборности, стать важным этапом возрождения национальной духовности. После окончания войны, которое предполагалось весной 1917 года, государь мыслил вести страну к духовному обновлению, для чего проводились большие подготовительные работы в самом центре царской резиденции.

Ещё до начала войны по инициативе государя в Царском Селе было начато широкомасштабное строительство храма, казарм, административных и общественных зданий, составивших целый ансамбль, выдержанный в русском стиле XV–XVII веков. На заседаниях комитета по их постройке неоднократно обсуждались принципы проектирования и строительства. Так, в одном из протоколов читаем: «Сооружение в Царском Селе Феодоровского государева собора... следует считать крупным шагом в деле воскрешения в русском искусстве начал древнерусского художественного творчества.

...Московская Русь была проникнута началами церковными, но, конечно, имела и гражданскую жизнь, поэтому естественным дальнейшим шагом при обращении к источнику художественной красоты, завещанной нам предками, является воссоздание в гражданской архитектуре форм древнего русского зодчества. Такая попытка нами предпринята... в постройке домов при Феодоровском государевом соборе».

Из приведённой цитаты видно, что создание Феодоровского городка рассматривалось участниками строительства отнюдь не как частная, локальная задача, но как нравственно-художественная проблема общенационального значения – тем большего, потому что речь шла о строительстве в императорской резиденции.

В стремлении последнего императора из Дома Романовых, которому выпало столько страданий, построить целый комплекс зданий в древнерусском стиле есть определенная закономерность и некая тайна. Святой царь-мученик стремился возродить в России главные устои Святой Руси – православную соборность, симфонию государственной и церковной власти.

Духовным центром Русского городка, его сердцем был храм. Строительство собора в честь покровительницы русской власти – Феодоровской иконы Богородицы – глубоко символично. Эта чудотворная святыня почитается не только как покровительница Дома Романовых, но и как самая древняя русская святыня, которую чтит все князья-государственники: Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Александр

Невский. И по тому, как почитали эту икону государь и государыня, можно предположить, что она была для них больше, чем семейная реликвия. Божия Матерь в образе своем «Феодоровская» почиталась ими как покровительница русской государственности.

Собор в честь иконы Божией Матери «Феодоровская» стал домовым храмом царской семьи, где она молилась вместе с русским воинством – солдатами и офицерами сводного пехотного полка и казаками царского конвоя.

По инициативе государя комплекс сооружений новой русской архитектуры постоянно расширялся и дополнялся: в 1912 году был построен императорский вокзал; в 1912-1915 годах возведена ратная палата; в 1915-1916 года появились две казармы для первой и второй сотни конвоя; в 1915 году ансамбль дополнился деревянным городком авиаотряда.

К сожалению, не удалось осуществить проекты 1916-1917 года по строительству казармы железнодорожного полка, возведению ансамбля для размещения иностранных правительственных делегаций и триумфальной арки.

В целом проекты строительства охватывали около 50 га. Если бы задуманное было осуществлено, то северная окраина царской резиденции приобрела бы сугубо русский облик.

Из приведённых данных видно, что государь мыслил построить новый русский дом, как хозяин земли Русской, причём начал с места, где жил сам. Феодоровский государев собор стал домовым храмом святого царя; русский городок – домом для священников и причта собора, местом для деятельности «Общества возрождения художественной Руси»; офицерское собрание, казармы конвоя и авиагородка – для русского воинства. Очевидно, что этот комплекс должен был расширяться, подавая пример для всей России.

Но этим замыслам святого царя не дано было осуществиться – через несколько дней после завершения строительства русского городка произошла революция.

Знал ли государь свою судьбу и судьбу своей страны? По многим свидетельствам, знал – из предсказаний монаха Авеля (1901 год), преподобного Серафима Саровского (1903 год) и иных. Известна фраза государя: «До восемнадцатого года я ничего не боюсь». Зачем же в самый разгар Первой мировой войны такие средства расходуются на строительство Феодоровского русского городка?

По-видимому, это завет царственных мучеников, воплощённый на века, дошедший до нас призыв верховного правителя, сердца, отвечающего за всю Россию перед Богом, маяк, указующий направление духовного пути и всей страны, и каждого человека.

Святая Русь как национальная идея.

Изучение и проникновение в православное наследие России,

возрождение своего самобытного церковного и народного искусства, познание, листом какого дерева является каждый из нас, и многие другие призывы, в том числе беречь, сохранять и возрождать это духовное наследие – вот завет святого царя, человека, который отдал свою жизнь и жизнь своей семьи за самое драгоценное, что у него было, – святыню Русь.

Нужно сказать, что, невзирая ни на какие происки тёмных сил, этот завет святого царя дошёл до наших дней.

В прошедшем 2009 году у нас в Перми произошло эпохальное для города событие. В августе у нас пребывала чудотворная икона Божией Матери «Феодоровская», та самая глубоко чтимая царской семьёй святыня, покровительница русской государственности. Нашими благочестивыми предками в честь таких событий выстраивались храмы или монастыри.

Продолжая историческую преемственность, музей-школа имени императрицы Александры Фёдоровны, Пермский Свято-Троице Стефанов мужской монастырь и фонд возрождения традиционной культуры имени святителя Стефана Великопермского подготовили на городской конкурс проект «Феодоровский городок на Красной площади». Проект предусматривает разработку макета и строительство первой очереди детского музейного комплекса русского деревянного зодчества на месте, которое носит историческое название Красная площадь, что около Пермского Свято-Троице Стефанова мужского монастыря.

Городок будет посвящён пребыванию в Перми иконы Божией Матери «Феодоровская» и мыслится как вклад в празднование 400-летия Дома Романовых. Этот проект был поддержан городской администрацией и, пользуясь предоставленной возможностью, призываем всех желающих потрудиться в деле воплощения в жизнь завета святого царя!

Спаси всех Господи!

Раздел четвёртый

Молодёжная секция. Работы учащихся

Д. А. Леонтьев

Учащийся гимназии № 4 имени братьев Каменских
(г. Пермь)

«Казароза» – роман о чувстве истории

Имя Леонида Константиновича (Абрамовича) Юзефовича ныне хорошо известно широкому кругу российских читателей, а в 80-е годы XX столетия его знало лишь культурное сообщество города Перми, ибо его первый литературный опыт состоялся в нашем городе, и только позже в столице произошло становление его как крупного писателя.

Леонид Юзефович был одним из тех немногих авторов, который обратил своё внимание на эпоху Гражданской войны и послевоенного периода на территории Перми. Следует отметить, что книги об этой эпохе он писал в советский период, и, следовательно, по моему мнению, они имеют определённую тенденциозную направленность. Например: *«Завтра год, как всяческая белогвардейская сволочь, учёная и неучёная, держась за фалды своего чёрного покровителя, дала дёру вместе с ним. Железная метла пролетарской революции поймала их в свои твёрдые зубья и вымела вон из нашей рабоче-крестьянской горницы. Где эти гордые генералы? Они исчезли как дым, как предрассветный туман...»*. Но писатель, который, кстати, имеет учёную степень кандидата исторических наук, никогда не отступал от исторической правды, детективные сюжеты его повестей и романов пронизаны историзмом, они построены на проверенных и документально обоснованных фактах. Об эпохе Гражданской войны им написаны такие книги как «Казароза», «Чугунный агнец», «Контрибуция», «Самодержец пустыни: Феномен судьбы барона Р. Ф. Унгерна-Штернберга».

Одним из ярчайших произведений в творчестве Леонида Юзефовича, безусловно, является роман «Казароза». Это не просто детектив с исторической подоплёкой, а рассказ о борьбе жизни и смерти, о мире, полном фантастических иллюзий, об утраченном времени и невозвратности прошлого. «Дух времени» здесь пронизан нравственными понятиями долга, чести и верности. Роман наполнен философским осмыслением жизненных ценностей, это гимн любви и неизбежности рока.

Необходимо отметить, что произведения Леонида Юзефовича, наиболее популярные среди читающей аудитории, никто, по моим сведениям, кроме А. П. Корчагиной¹, студентки физического факультета Пермского государственного университета, не анализировал в достаточной мере на предмет соответствия исторической обстановке того времени. А это очень важно для нас, жителей города, о котором, благодаря Леониду

Юзефовичу, узнала вся страна, да и не только наша. Мне думается, что его произведения могут стать «учебниками», из которых люди будут узнавать о событиях того переломного времени. И это для маститого писателя, как Леонид Юзефович, совершенно не зазорно: давайте вспомним, что историю Франции эпохи Людовиков мы больше знаем не по академическим трудам, а по романам Александра Дюма-отца.

Но, в отличие от А. Дюма-отца, во всех своих произведениях, повторюсь, Леонид Юзефович выступает как писатель-историк. И «Казароза», что вполне естественно для первого лауреата премии «Русский бестселлер», – тоже роман исторический.

Сразу поясню: термин **«исторический роман»** – условное обозначение для разнородных по структуре и композиции романов, в которых повествуется об исторических событиях более или менее отдалённого времени, а действующими лицами могут выступать исторические личности. **Историзм** же – понятие, обозначающее способность художественной литературы в живых картинах, конкретных человеческих судьбах и характерах передавать облик той или иной исторической эпохи. В широком смысле историзм присущ всем истинно художественным произведениям.

Чем же интересен, правдив и о чём же роман «Казароза»? В нём Леонид Юзефович рисует широкое и образное полотно исторических событий, происходящих в Перми в драматические годы революции и братоубийственной Гражданской войны, полыхавшей в России: *«...Шла война и шла революция – события с циклопической поступью, варварской свежестью, варварским весом, не склонные ни к нюансам, ни к оттенкам, времена самые плодovitые».*

Встречаем мы на страницах романа имена подлинных исторических деятелей. Таков, в частности, адмирал А. В. Колчак, колоритные штрихи портрета которого Леонид Юзефович набросал в стихотворении «Разговор моря с солнцем», помещённом в текст «Казарозы». Оно написано Виктором Осиповым, сотрудником газеты, в которой работает Вагин, один из главных героев романа. Это и Р. Гайда, командующий Екатеринбургской группой войск Сибирской армии, и А. Н. Пепеляев, чьи войска захватили Пермь.

Но автор даёт и другие, «бытовые» штрихи к портрету эпохи: он, например, пишет, как в те времена организовывали революционные праздники, которыми большевики стремились заменить праздники религиозные. Таким образом Советская власть внедряла классовую идеологию, новые взгляды, нравы, образцы поведения, так складывались революционные традиции. Интересна, например, картина, нарисованная Леонидом Юзефовичем: *мы видим трибуну, «сбоку к которой прислонён был фанерный красноармеец в полтора человеческого роста, с его деревянного штыка гроздьё свисали пошитые из мешковины и набитые тряпьем разнокалиберные чучела в военных фуражках. Они изображали*

унесённых красным валом в Сибирь колчаковских генералов. Преобладали два типа: измождённый фанатик и плотоядный злодей».

Однако в романе речь идёт не только о Гражданской войне. Так, Леонид Юзефович пытается воссоздать образ купечества. Город Пермь славился тем, что третье сословие было одним из тех, которое играло основополагающую роль в развитии края на протяжении XIX – начала XX века. Именно они, представители третьего сословия, отстраивали край и играли большую роль в решении политических и экономических задач города и края.

Среди купеческих семей в произведениях прозаика называются фамилии Каменских, Любимовых, Чагина, Мешкова. Последнему в «Казарозе» уделяется достаточное внимание по причине того, что в его биографии были страницы сотрудничества с большевиками: *«Мешков не был революционером, но не был и ретроградом, хотя некоторые и клеймили его кличкой предателя и изменника. Революционеры доверяли ему, и он многократно оправдал это доверие. В критические для России дни, когда рухнул царизм и пало Временное правительство, Мешков не оказался по ту сторону баррикады, подобно многим представителям крупной буржуазии, не оказался в стане Колчака или Деникина».*

Интересны наблюдения за топом романа «Казароза», за географическими приметами города, за мелкими деталями и реалиями жизни пермяков. Вместе с писателем мы путешествуем по родному городу, по улицам Кунгурская, Сибирская, Торговая, Вознесенская, Покровская, Соликамская, Монастырская и Малая Ямская.

«Город, – пишет Леонид Юзефович, – даже в центре был преимущественно деревянный, но планировкой напоминал Петербург. Одни улицы шли параллельно Каме, другие – перпендикулярно. Пересекались они строго под прямым углом и на одинаковом расстоянии друг от друга. Все кварталы имели форму равностороннего квадрата. Исключений не было.

Улицы, перпендикулярные Каме, за городом переходили в торговые тракты и носили имена тех географических пунктов, куда по ним в итоге можно было добраться. Улицы, идущие вдоль реки, назывались по расположенным на них церквам: Вознесенская, Воскресенская, Покровская.

В этой сетке координат, напоминающей белую решётку на морде у глобуса, в одной плоскости пересекались линии двух параллельных пространств – земного и духовного. В точках пересечения стояли водопроводные колонки, большей частью бездействующие».

Леонид Юзефович в одном из своих интервью как-то сказал, что город, в котором происходят события в романе «Казароза», — «это моя родная Пермь». Для Леонида Юзефовича Пермь не только место действия, хотя при чтении романа возникают «сакральные ощущения». Город становится узнаваемым и понятным, потому что сплав ушедшего

времени и современности воспринимается как ощущение личной причастности к происходящему. Прозаик приоткрывает забытые и неизвестные страницы истории Перми. Роман «Казароза» в полной мере описывает ту обстановку, которая существовала в пермском обществе, ту атмосферу, в которой жили, дышали пермяки, тот неотразимый аромат эпохи, который исчезает, как только она проходит, который выражают только те люди, которые были вынуждены жить в ней.

В «Казарозе» знакомых пермяку мест (улиц, парков, архитектурных строений) в изобилии. Детали, подмеченные автором романа в облике Перми, создают удивительное вневременное ощущение причастности к описываемым событиям: так, Спасо-Преображенский собор, по Леониду Юзефовичу, – *«жёлто-белая громада с исполинской уступчатой колокольней, водонапорная башня – «тёмно-красная искорёженная громада, из которой торчали обломки стропил и рваные куски кровельного железа».*

Интересна читателю не только география прежней Перми, его внимание привлекает ещё одна маленькая, но очень примечательная деталь – существование в Перми по улице Кунгурской, 16 клуба эсперантистов. Правда, клуб этот существовал в несколько более позднее время, но это смещение вполне допустимо с художественной точки зрения, тем более, что Леонид Юзефович однажды заметил, что *«эсперанто – то стёклышко, через которые можно увидеть двадцатые годы»*, поэтому он *«хотел эти события совместить с гражданской войной»* и *«показать, как идеология растворяется в течение жизни, как человек становится белым или красным по чистой случайности».*

Без преувеличения можно сказать, что эсперанто занимает одну из важнейших позиций в романе. Автор даёт ему широкое, развёрнутое описание. Упоминание об этом языке фигурирует чуть ли не в каждом диалоге. Почему? Видимо, потому, что эсперанто, хотя и был искусственным международным языком, созданным в 1887 году польским врачом-окулистом Людвигом Заменгофом, но увлечение им было сродни умопомешательству. Он, этот язык, оказался удивительно в стиле социальных утопий: *«На горсть грамматики в нём было две горсти надежды на мировое счастье».*

Приключенческий сюжет в «Казарозе» построен талантливо. Но воспринимается он в значительной степени и благодаря той дозировке исторически проверенных фактов, которые позволяют читателю погрузиться в «аромат эпохи». Под пером писателя реальный город буквально преображается и история оживает: *«Подраживая, вылетали из темноты огни, приближались, вспыхивали и пропадали, как забытые лица, которые на мгновение выносятся на поверхность памяти».*

Итак, опираясь на текст романа «Казароза», а также на исторические источники, можно прийти к следующим выводам:

1. Безусловно, в любом литературном произведении на тему истории

есть определённый домысел автора, и относиться к исторической беллетристике нужно с оглядкой, как к одному из взглядов. Однако историческое образование автора в данном случае помогает: «Казароза» вызывает доверие, и данные в ней достоверны.

2. Роман подобен учебнику истории, из него мы можем вынести множество знаний из различных областей: политики, культуры, истории. Без сомнения можно сказать, что роман Леонида Юзефовича «Казароза» исторически правдив. Все реалии в нём соблюдены, и, несмотря на некоторое количество художественного вымысла, роман строго следует канве исторических событий. В сухом остатке: эта книга – источник исторических сведений и, безусловно, исторический роман.

3. Роман даёт интересную, наполненную духом времени, характеристику обстановки в Перми начала 1920-х годов. Сведения о Гражданской войне могут пригодиться не только на уроках литературы, но и истории. Поэтому «Казарозу» можно рекомендовать в качестве чтения к урокам истории и краеведения.

4. Изучение творчества Леонида Юзефовича весьма перспективно и находится на стыке нескольких направлений: здесь и литературоведение, и история личности, и история родного края.

5. Роман «Казароза», как и другие произведения Леонида Юзефовича, знакомит с историей, с жизнью и нравами людей в недалёкие от нас времена. Проникая в самое существо явлений, изображая их с большим художественным мастерством, писатель раскрывает прошлое и помогает через него понимать настоящее.

¹ См.: Корчагина А. П. Пермь в романе Л. Юзефовича «Казароза» // Пермский дом в истории и культуре края: Мат-лы второй науч.-практ. конф. / Сост. и ред. Т. И. Быстрых. – Пермь, 2009. – С. 221-226.

Р. О. Шаповалов

*Учащийся гимназии № 4 имени братьев Каменских
(г. Пермь)*

Модерн в творчестве Романа Фёдоровича Мельцера

Стиль «модерн» (франц. moderne – новейший, современный), сложившийся в европейском и американском искусстве конца XIX – начала XX веков, в различных странах имел иные названия. В Бельгии, Великобритании, Франции и США оно известно как «новое искусство» – «ар нуво» (Art Nouveau), в Германии – «югендстиль» (Jugendstil), в Австрии – «сецессион» (Sezession), в Италии – «либерти» (Liberty), в Испании – «модернизм» (Modernismo)¹.

Утверждая единство стилеобразующих принципов всего окружения

человека – от архитектуры жилища до деталей костюма, ведущую роль представители модерна (несмотря на программный отказ от иерархии видов и жанров искусства) отдавали архитектуре как основе искомого ими синтеза искусств. Наиболее ярко модерн выразился в архитектуре частных домов – особняков, в строительстве деловых, промышленных и торговых зданий, вокзалов, доходных домов².

Не удивительно, что многие выдающиеся архитекторы посвятили всю свою жизнь работам в этом стиле. Это – А. Гауди, В. Орта, Х.К. ван де Велде, Ф. О. Шахтель, О. Вагнер, П. Беренс, О. Перре, Й. Хоффман. В их числе был и Роман Фёдорович Мельцер. Это имя мало кому известно в Перми, но в Санкт-Петербурге Мельцера знают и благодарят по сей день за то, что он им оставил немало великолепных и единственных в своём роде архитектурных сооружений³.

Роман Фёдорович (Роберт-Фридрих) Мельцер родился 13 ноября 1860 года в России, в Петербурге, умер в 1929 году в Соединённых Штатах Америки⁴. По происхождению был немец. В Германии родился его отец и живут все родственники. Причины, по которым отец приехал в Россию, неизвестны. О матери Мельцера ничего неизвестно. Роман решил пойти по стопам своего отца: заниматься художественными работами, и в 1878 году поступил в Академию художеств. В 1884 году окончил курс наук. Спустя три года, 30 октября 1887 года, получил звание классного художника. В 1886-1890 годах разрабатывал проекты мебели. Был совладельцем фирмы «Мельцер и К^о»⁵.

Роман Мельцер исполнил меблировку рабочего кабинета Николая II в Александровском дворце. Он автор ворот и решёток пандусов Зимнего дворца. Его ограда сада (пересена на пр. Стачек) получила в 1900 году Гран-при на Всемирной выставке в Париже, где по его проектам были выстроены павильоны Сибири, Средней Азии и Кавказа. Роман Мельцер имеет две серебряные и две золотые медали за проект Гостиного двора. Имеет первый статус за проект театрального училища⁶.

Как архитектора нового направления, его характеризуют следующие постройки, возведённые по его проектам в Петербурге: народный дом-библиотека Нобеля (Лесной проспект, 19; 1897-1901), здание ортопедического института (парк Ленина /Александровский парк, 5; 1902-1905/1906, при участии А. А. Староборовского и Б. Н. Николаева), дачи на Каменном острове: собственная (Полевая аллея, 8; 1903-1904) и Э. Г. Фолленвейдера (Большая аллея, 13; 1904); особняк Кочубея (ул. Фурштатская, 24; 1908-1910), дворец великого князя Михаила Александровича (Английская набережная, 54; 1910-1913), комплекс зданий психоневрологического института (ул. Бехтерева, 3; 1910-1913), доходный дом Жуэна (Набережная Мойки, 58; 1913-1914)⁷.

Стремление к поиску новых выразительных архитектурных форм и средств оказала состоявшаяся на Островах в 1908 году Международная строительно-архитектурная выставка. В её подготовке участвовали

многие известные архитекторы и художники Петербурга. На выставке экспонировались работы художественных училищ, коллекции и издания Академии художеств, Русского музея, новые строительные материалы и конструкции. Задачу выставки её организаторы видели в ознакомлении с её экспонатами не только специалистов, но и более широкого круга людей. Главная же задача выставки состояла в пропаганде новейших достижений русской промышленности и строительства с учётом основных направлений развития международной строительной техники, декоративно-прикладного искусства. Роман Фёдорович мог участвовать в этой выставке, так как в это время он наиболее активно занимался застройкой Каменного острова и был уже известной личностью.

Первым зданием, построенным Мельцером на Каменном острове, получившему в 1989 году статус заповедника, была его собственная дача. Участок, выбранный придворным архитектором Мельцером для строительства дачи, располагался в северо-западной части острова между Полевой аллеей и Сквозным проездом. С трёх сторон участок окружён водой: с юга – каналом, с севера и запада – системой прудов, соединяющихся с ним.

Описание этой постройки Мельцера дано в исследовании историка петербургской архитектуры В. А. Витязевой. Им мы и воспользуемся.

Трёхэтажное, прямоугольное в плане, с высокой двускатной кровлей, здание дачи расположено в центре сравнительно небольшого участка. Западный фасад с крыльцом ориентирован на точку пересечения Сквозного проезда, по обеим сторонам которого были посажены липы, и Полевой аллеи с клёнами. Комбинированное применение строительных материалов, разнообразно обработанного бутового камня и кирпича в первом этаже, дерева – во втором и третьем, пластические свойства и структура которых играют большую роль в композиции сооружения, сообщало ему удивительную естественность, ибо грубо обработанный камень и тёмные стволы дерева хорошо гармонировали с цветом зелени, дёрна, зелёного окружения, выгодно контрастируя со светлыми оштукатуренными поверхностями дома В. И. Шене, который находился напротив, на другом берегу пруда. На невысокой подсыпной площадке, окружённой водой, дом Мельцера является господствующим вертикальным элементом пространства, одним из лучших образцов модерна.

Мощная вертикаль темного бревенчатого сруба, беспокойный рисунок наплывающих двускатных крыш, разнообразие окон, отдельно вынесенный вход с крыльцом и низко спускающейся крышей – всё это напоминает и русский терем, и приемы северного модерна. Несомненно одно: традиции народного искусства дали жизнь самому поэтическому, самому сказочному сооружению на острове, которое вскоре после завершения строительства получило среди каменноостровцев собственное имя – «Дом-сказка» или «Баба Яга».

Планировка особняка, решение внутреннего пространства отвечали самым строгим требованиям современного комфорта. В центре находился холл с камином и лестницей, ведущей в помещения второго и третьего этажей. Здесь находились печи, облицованные зелёными и синими изразцами финской фирмы «Або», на полу – ковры, простая удобная мебель. Выполнена она была по рисункам Романа Мельцера на одной из лучших мебельных фабрик Петербурга, принадлежавшей его отцу, – «Ф. Мельцер и К^о»⁸.

Вообще, в особняках, построенных на Каменном острове Мельцером, активизируются пластическая экспрессия, динамика композиционного строя, силуэт. Зримая напряжённость и непрерывность развития структуры выступают метафорой реально органического роста. Ряд других произведений зодчего отличается строгой рациональностью, изысканным пуризмом. Так же духом рафинированной простоты проникнуты многие образцы зрелого модерна⁹.

Есть предположение, что дом Каменских в посёлке Суксун Пермского края тоже построен Мельцером. Далее приведена таблица, где представлена сравнительная характеристика дома Мельцера в Петербурге и дома Каменских в Суксуне, построенного в 1898-1906 годах¹⁰.

Признаки, присущие модерну	Признаки, характерные для дома Мельцера в Петербурге	Признаки, характерные для дома братьев Каменских в п. Суксун
1) Здание с использованием новых конструктивных форм	Дом трёхэтажный , перекрыт стропильной крышей сложного рисунка, парадный вход отмечен небольшим ризалитом со скошенными углами, увенчан трёхгранной башней с затупленным концом. Башня является основным высотным ориентиром на местности. Карниз имеет большой вынос. Крыша двускатная, есть железные балконы и незастеклённая веранда	Дом двухэтажный, П-образный в плане, перекрыт стропильной крышей сложного рисунка, парадный вход отмечен небольшим ризалитом со скошенными углами, увенчан башней с конусовидным завершением. Башня является основным высотным ориентиром на местности. Карниз имеет большой вынос. Крыша двускатная, есть железные балконы и незастеклённая веранда

<p>2) Разнообразие строительных и отделочных материалов</p>	<p>При строительстве дома комбинированно применялись строительные материалы – разнообразно обработанный бутовый камень и кирпич в первом этаже, дерево – во втором и третьем. Крыша покрыта кровельным железом. Внутри дома чаще всего используется красное дерево, сосна, мебель обита различными тканями, много стекла</p>	<p>Дом деревянный. Наружные стены здания оштукатурены и побелены. Крыша покрыта кровельным железом. Внутри дома чаще всего используется красное дерево</p>
<p>3) Орнамент</p>	<p>В интерьере дома можно встретить изящные линейные плетения, подвижные растительные узоры рассыпаны по стенам, полу и потолку, концентрируясь в местах их сопряжения. Они объединяют архитектурные плоскости и активизируют пространство. Бесконечно текущие, то плавно, то взволнованно извивающиеся, чувственно сочные линии декора несут духовно эмоциональный и символический смысл, сочетая изобразительное с отвлечённым, живое с неживым, одухотворенное с вещным</p>	<p>Весь объём здания под карнизом опоясывает широкий фриз-роспись, нанесённый при помощи трафарета. Фриз представляет собой роспись по штукатурке с растительным орнаментом в виде подсолнуха. Под потолком в зале есть орнамент из цветов лилии, в одной из комнат – из цветов мака</p>
<p>4) В некоторых частях дома использование геометрических форм с небольшими преобразованиями</p>	<p>Некоторые части здания геометрически правильны. Окна прямоугольные, без наличников. Встречаются арочные конструкции</p>	<p>На парадном южном и парковом северном фасадах имеются следы несохранившихся балконов. Оконные и дверные проемы прямоугольной формы, без наличников. Внутри здания можно встретить многие детали архитектуры геометрической формы: это арочные конструкции, пирамидообразные, конусовидные и т. д.</p>

Опираясь на эти данные, можно прийти к выводу, что дом Каменских имеет многие черты, присущие стилю модерн, а также стилю собственной дачи Мельцера в Санкт-Петербурге.

Начиная с 1997 года, ученики гимназии № 4 имени братьев Каменских г. Перми под руководством заслуженного учителя России Анны Константиновны Купкель старались сохранить в Суксуне дом Каменских, который был одним из значительных памятников эпохи модерна в Прикамье. Для этого гимназисты проделали большую работу: очистили перила из красного дерева парадной лестницы, ведущей на второй этаж от четырёх слоев краски, разобрали в кочегарке старые печи, которые давно уже вышли из строя, почистили подвалы, в одной из комнат сняли со стен тёмно-синюю краску, а потом покрыли обоями и восстановили росписи, спилили старые поваленные деревья, убрали сорняки и посадили около двухсот новых деревьев в саду, перед домом и у стен особняка. К сожалению, дом в 2001 году сгорел.

Сохраняется дом служащих Каменских, в нём сейчас располагается Суксунский краеведческий музей, директор которого Наталья Николаевна Токарева.

¹ См.: Горюнов В. С., Тубли М. П. Архитектура эпохи модерна: Концепции, Направления. Мастера. – СПб., 1992. – С. 9; Популярная художественная энциклопедия: Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство / В 2-х кн. – М., 1986. – Кн. 2: М-Я. – С. 19-20; Сарабьянов Д. В. Стиль модерн: Истоки. История. Проблемы. – М., 1989.

² Популярная художественная энциклопедия... – С. 19.

³ Горюнов В. С., Тубли М. П. Архитектура эпохи модерна... – С. 158-218, С. 331-350.

⁴ См.: Егорова Е. И. Мельцер Роман Фёдорович // Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья: Краткий энциклопедический словарь. – Пермь, 2003. – С. 88.

⁵ Там же; Горюнов В. С., Тубли М. П. Архитектура эпохи модерна... – С. 341.

⁶ Егорова Е. И. Мельцер... – С. 89; Москва – Париж. 1900-1930: Каталог выставки. – М., 1981. – Т. 1. – С. 314.

⁷ См.: Витязева В. А. Каменный остров: Архитектурно-парковый ансамбль XVIII – начала XX века. – Л., 1991. – С. 188-195; История и теория архитектуры и градостроительства Ленинграда. – Л., 1980. – С. 79. Перечень построек Р. Ф. Мельцера в Санкт-Петербурге см. в приложении к статье Б. М. Кирикова – топографическом указателе (каталоге): Кириков Б. М. Петербургский модерн: Заметки об архитектуре и монументально-декоративном искусстве // Панорама искусств. – М., 1987. – [Вып.] 10. – С. 126, 128, 137, 140, 142, 145, 146, 147.

⁸ Витязева В. А. Невские острова: Елагин. Крестовский, Каменный. – Л., 1986 г. – С. 110-115; она же. Каменный остров... – С. 189-191.

⁹ История и теория архитектуры и градостроительства Ленинграда... – С. 82.

¹⁰ См.: Егорова Е. И. Мельцер... – С. 89; Ситникова А. Усадьба Каменских в Суксуне // Страницы пермской архитектуры: Сб. статей. – Пермь, 1999. – С. 74-77 и ил. на с. 81-82.

К. В. Усталова

*Учащаяся гимназии № 4 имени братьев Каменских
(г. Пермь)*

Музыкальная жизнь Перми в начале XX века (по материалам русских газет и журналов)

О музыкальной жизни Перми конца XIX – начала XX века известно очень мало. Жизнь города в этот период была бедна музыкальными событиями, она не нашла отражения на страницах газет, о ней не вспоминают современники, её почти не затрагивают труды краеведов. Приятным исключением, пожалуй, можно считать лишь книгу кандидата исторических наук, доцента Пермского государственного педагогического университета Владимира Александровича Порозова «Пермь музыкальная» (Пермь, 2004. – Кн. 1: По улице Сибирской).

Первая местная газета – «Пермские губернские ведомости», начавшая выходить с 1838 года, – несколько лет печатала лишь официальные сообщения, указы, постановления и распоряжения губернского начальства. Неофициальная часть, где публиковались материалы, непосредственно касающиеся жизни Пермского края, появилась в «Пермских губернских ведомостях» в 1841 году.

В 1894 году в Санкт-Петербурге стала выходить в свет «Русская музыкальная газета», на страницах которой подробно освещалась музыкальная жизнь в российских провинциях и в зарубежье. Корреспондентами «Русской музыкальной газеты» в Перми были Борис Михайлович Попов (1883-1941)¹ и Александр Дмитриевич Городцов (1857-1918)².

Публикации о музыке в Перми, как в местной, так и в центральной печати, касались в основном пермского театра, народных хоров А. Д. Городцова, гастролей известных музыкантов, обычно оперных певцов и пианистов, а также музыкальных объединений. Наиболее часто заметки о Перми публиковались в «Пермских губернских ведомостях» и «Русской музыкальной газете», а также в других печатных изданиях – «Баян», «Музыка и пение», «Музыкальный современник», «Музыкальный труженик», «Рампа и жизнь», «Театр и искусство», «Театральные известия».

Как и во многих провинциях России, истоки сценического искусства Урала следует искать в крепостных труппах. Именно крепостные театры приобщили жителей Перми к сценическому искусству. Так, в 1821 году Очёрская труппа привезла в Пермь первые театральные спектакли. С тех пор любительские театры регулярно посещали город.

В 1843 году в Пермь приехала профессиональная труппа Петра Алексеевича Соколова, актёра и организатора первой антрепризы, с тех пор регулярно игравшая в Перми. Во второй половине XIX века без театральных спектаклей в Перми не проходил уже ни один сезон.

С 1867 года в газете «Пермские губернские ведомости» стали публиковаться информационные сообщения о театральных представлениях, народных гуляниях и других увеселениях.

В 1870 году городским начальством было принято решение о строительстве в Перми большого каменного театрального здания по типу столичных. Строительство продолжалось около десяти лет, и в 1878 году состоялось торжественное открытие нового театра. После вступления в строй нового театрального здания в Пермь приехала драматическая труппа Петра Михайловича Медведева, игравшая главным образом комедии и оперетты. В следующем 1879 году антрепренёр привёз на Урал свою оперную труппу. После 14-летнего перерыва в 1894 году опера вновь появилась на сцене театра, её появление связано с именем сына Медведева. Зрители были в восторге. Отражая всеобщее настроение, газета писала: «Театр был полон, а это доказывает, насколько пермское общество серьезно относится к музыкальным исполнениям, а не увлекается только опереттами»³.

В 1895 году в Перми была создана городская театральная дирекция, которая взяла на себя дела оперного театра. В Пермь со всех концов России потянулись актёры, составившие блестящую труппу. Приглашение в пермскую оперу считалось почётным и расценивалось как признание высокого профессионализма артиста. С этого времени Пермь приобретает репутацию театрального города, и на страницах столичной прессы пермяки получают кличку «опероманов»⁴. Городская оперная дирекция продержалась в Перми до 1902 года, и эти сезоны были самыми удачными за всю историю существования дореволюционного театра.

После многолетнего оперного голода в театр хлынули все, от мала до велика. Любовь к опере была показателем духовных интересов пермяков. Местная пресса отзывалась о театре так: «Театр стал центром нашей культурной жизни, одной из первоочередных потребностей пермяков»⁵.

Артисты пермского театра с полным основанием могли считать себя избранниками судьбы. Они были окружены общенародной восторженностью и любовью.

Деятельность пермского театра регулярно освещалась как в местной, так и в центральной печати, а с 1911 года в городе начал издаваться собственный театральный журнал «Искусство и жизнь».

В 1902-1906 годах город часто посещали антрепризы. Среди антрепренёров в Перми отличились А. Левитский, А. Федоров, не один год подряд привозившие свои труппы в Пермь. Далеко не все антрепризы, заезжавшие в город, отвечали требованиям и вкусам пермских зрителей. С надеждой покупались все билеты на первый спектакль новой труппы,

но если она не оправдывала ожиданий, то на следующих представлениях зрительный зал оказывался пустым. В результате любая плохая труппа в Перми сразу же прогорала. Так, в 1909 году в Пермь приехала антреприза И. Шигаевой, о которой очень ярко написал в «Пермских губернских ведомостях» М. Басов: «Случайные солисты, с бору да с сосенки собранные в хор и оркестр, плохие костюмы при вопиющей беспринципности идей – вот неотъемлемые достоинства подобных «художественных» предприятий... Положительный кошмар. Полное искажение порядка действия музыкального произведения. Всё ведётся точно в неудержимом стремлении поскорее добраться до конца»⁶.

Несмотря на территориальную отдалённость от столицы, актёры пермского театра живо откликались на все важнейшие события общественной жизни страны. Во время революционных событий 1905 года театр в знак солидарности отменял в течение четырёх дней все спектакли, о чём повествует журнал «Театр и искусство»: «События этого года всего более нашли отклик в сердцах молодых артистов и артисток пермского театра. И тех и других <...> можно было видеть во всех манифестациях и часто – ораторами на уличных митингах»⁷.

Пермский театр не только играл спектакли, но и вёл большую просветительскую работу: давал бесплатные утренники для рабочих, знакомил пермяков с творчеством отдельных композиторов, привлекал к работе музыкально одарённых людей. Общественность города всегда принимала горячее участие в жизни театра, высоко ценила его стремление сделать оперное искусство достоянием народа.

«А что же население глухих деревень? Неужели оно обречено на вечную косность и невежество? Прекрасно осознали это пермяки. И нигде в России так не распространено хоровое пение, как у них. И результаты самые отрадны. Посмотрите программы концертов хоров, дай бог и более культурным местам России угнаться за ними. И всё это создано трудом и энергией одного <...> Городцова. Этот неутомимый деятель самым делом показал, с какой стороны подойти, как взяться за дело и как выполнить его»⁸.

Александр Дмитриевич Городцов приехал в Пермь в 1894 году в качестве артиста оперы. Многие считали, что в лице Городцова пермская опера приобрела большого, талантливого и трудолюбивого артиста. Но вскоре он оставил театр и перешёл на службу в попечительство о народной трезвости. Этот переход не был случайным. Решение Городцова объясняется его неустанными поисками такой деятельности, которая наиболее полно выражала бы его стремление служить народу. Городцов не раз наблюдал, с каким упоением и наслаждением слушают пение церковного хора простые люди. Знал и то, что многие ремесленники и крестьяне ходят в церковь только для того, чтобы послушать пение хора, так как другой возможности соприкоснуться с музыкой у них не было.

В отличие от Городцова, писал И. В. Ефремов, никто из губернских

попечителей о народной трезвости не помышлял о великих материях, не допускал мыслей об организации широкой сети народных хоров. Попечительно не думал и не верили в полезность и даже возможность музыкального образования. Идея организации церковных хоров из неграмотных крестьян и мастеровых казалась им утопией мечтателя⁹.

Городцов одним из первых в России с головой окунулся в дело организации народно-певческих хоров, вступил на тяжёлый путь организатора творческой музыкальной работы в массах. Главное место в работе Городцова занимала практическая деятельность. Поездки в уезды были главным средством воздействия на работу хоров.

В отчёте о своей деятельности за 1896-1908 годы, опубликованном в журнале «Музыкальный современник», Городцов писал, что при посещении хоров он проводил спевки, давал уроки пения в школах, знакомил певчих с новыми пьесами по духовному и светскому пению, проверял наличие и качество нотного материала, проводил народные чтения и беседы не только с участниками хоров, а и с населением¹⁰.

Первый биограф Городцова Ю. Лемеш, говоря о начальном этапе руководителя хоров, отмечал: «Трудно было ожидать широкого развития хоров в тех уездах, где даже в уездных городах не было хоров и где невозможно было найти достаточно сведущих регентов»¹¹. Почти полное отсутствие регентов и серьёзные пробелы в их работе по руководству хорами стали основной проблемой для дальнейшего развития хоров. Городцов взял на себя все обязанности по организации и руководству регентскими курсами.

С самого начала работы Городцова его поддерживала не только местная, но и центральная пресса. «Русская музыкальная газета» писала: «Видя сочувствие со всех сторон и имея такого энергичного руководителя, каким является Городцов, попечительство, несомненно, принесёт пользы родине. Пользы, которой на деньги не переведёшь»¹².

В январе 1898 года Городцов добился открытия в Перми бесплатных народно-певческих классов. Вначале туда было принято около 100 человек, а в дальнейшем количество учащихся возросло втрое. В классах, как и на регентских курсах, изучалась нотная грамота, двух-, трёх- и четырёхголосное пение, разучивались различные пьесы, сцены из оперы «Жизнь за царя» М. И. Глинки.

Н. Н. Боголюбов писал о деле Городцова как о предприятии, которое выросло в грандиозное национальное дело¹³. В. Лебедев назвал Городцова «пионером музыкального народного образования»¹⁴.

О деятельности Городцова знала вся музыкальная Россия. Об этом начали писать с 1896 года¹⁵. Во многих статьях певческое дело в Пермской губернии и деятельность руководителя хоров ставились в пример другим, говорилось, что такой пример не останется без продолжателей и подражателей.

В 1902 году с выходом в свет книги «Песнопение для народно-

певческих хоров» начинается издательская деятельность Городцова. В эту книгу вошли нотная азбука и 41 номер хоровых песнопений, книга получила хорошую оценку в музыкальной печати¹⁶. Затем Городцов выпустил ещё несколько сборников в 1906, 1907, 1909 и 1912 годах.

В 1912 году вся Российская империя готовилась отмечать два важных праздника – 300-летие Дома Романовых и 100-летие Бородинской битвы. Готовились к торжеству долгие месяцы. Нельзя было стоять в стороне от этого и народным хорам Пермской губернии. В процессе подготовки появилась идея поставить на сельской сцене картины из оперы «Жизнь за царя» М. И. Глинки. 26 июня 1912 года на сцене Верх-Исетского народного дома курсанты и учащиеся классов певческой грамоты Екатеринбургa впервые поставили полностью сцены из оперы. Полностью же всю оперу поставили 21 ноября 1912 года участники хора Арамилевского Екатеринбургского уезда; исполнителями партий были только крестьяне. Всего в 1913 году опера М. И. Глинки была поставлена полностью в 30 местах, частями – в 54 уездных городах, сёлах и заводах Пермской губернии¹⁷.

Критик В. В. Пасхалов писал: «Самым крупным событием сельского и заводского населения Пермской губернии является многократное исполнение в разных сёлах и заводах оперы «Жизнь за царя», приспособленной Городцовым для постановки на сельских сценах без сопровождения музыкальных инструментов...»¹⁸

Начало империалистической войны сильно затормозило развитие певческого дела в Пермской губернии. Но даже война не смогла остановить дело, которое глубоко пустило корни в жизнь и быт народа.

В самом начале 1900 годов слушатели певческих классов в Перми создали кружок любителей хорового пения, не без влияния Городцова. Со временем кружок разрастался, его авторитет укреплялся, и кружок перерос рамки классов: в него пришли многие любители хорового пения. Правда, в Перми был уже музыкальный кружок, первый концерт которого состоялся 19 октября 1874 года, у его истоков стояли такие известные в Перми общественные деятели, как И. П. Дягилев, В. А. Болтерман, В. Н. Всеволожский и другие. Старостой на протяжении многих лет был Сергей Андреевич Ильин – брат писателя М. А. Осоргина. В уставе кружка говорилось, что музыканты ставят своей целью знакомить пермскую публику с лучшими музыкальными произведениями, развивать у слушателей эстетическое чувство, выдвигать и поощрять новые силы, способствовать их дальнейшему развитию¹⁹. В последней четверти XIX века музыкальный кружок представлял собой единственную музыкальную организацию в Перми. «Русская музыкальная газета» в 1903 году характеризовала пермский музыкальный кружок как «учреждение, которому ближе и естественнее всего являться инициатором в организации всякого рода концертов и выступлений»²⁰. Кружок превратился в певческое общество, председателем которого был избран Городцов. На

протяжении многих лет певческое общество принимало активное участие в музыкальной жизни Перми, постоянно устраивая хоровые, духовные и светские концерты. Замечательной чертой всех проведённых концертов была их благотворительность. «Пермские губернские ведомости» с радостью сообщали, что «сборы с концерта предназначаются половина в пользу Красного креста и половина на усиление Русского флота»²¹.

Тяга к музыкальной культуре не ограничивалась проведением концертов, а носила еще и познавательный характер, что стало возможным благодаря лекциям-концертам.

В 1908 году деятельность пермского музыкального кружка была вытеснена на второй план из-за создания в городе отделения Императорского Русского музыкального общества (ИРМО)²².

Отделение ИРМО представляло собой пермский «высший свет». Поначалу как местная, так и центральная пресса характеризовали отделение ИРМО довольно холодно, отметив, что пермское отделение ИРМО не хуже, но и практически ничем не лучше других». Скорее всего, это связано с тем, что пермское отделение ИРМО отошло от традиции ставить на первый план творчество русских композиторов, сразу же после появления переключившись на зарубежных, о чём повествует «Русская музыкальная газета»: «Молодое отделение не нашло ничего лучшего, как открыть свою деятельность камерным вечером, сплошь заполненным произведениями Мендельсона, к тому же отдав половину программы ариям из ораторий. Праздновать годовщину только Мендельсона, да ещё и с десятимесячным опозданием, – это отдаёт глубоким провинциализмом и плохо рекомендует местное отделение русского, прежде всего, общества...»²³

Наряду с открытием отделения ИРМО в 1908 в Перми было организовано филармоническое общество, ориентировавшееся «на более демократический круг музыкантов, нежели ИРМО», – с радостью констатировала газета «Пермские губернские ведомости»²⁴. Цель филармонического общества была та же, что и у отделения ИРМО, но средства были очень скромные. Возглавил филармоническое общество Городцов, и вскоре при его содействии была открыта Публичная музыкальная библиотека. Вместе с библиотекой у филармонического общества появился и свой оркестр, «далеко не первоклассный, но состоящий из опытных профессионалов», – писали «Пермские губернские ведомости» в 1910 году²⁵. Центральная пресса сразу откликнулась на создание в Перми филармонического общества: «С удовлетворением приходится отметить, что музыкальная провинция в лице пермской филармонии приобретает действительно музыкально-культурное учреждение», – писала «Русская музыкальная газета» в 1909 году²⁶.

Главной проблемой филармонического общества стало, как уже было отмечено, практически полное отсутствие средств. Уже к 1910 году общество оказалось без помещения, а к 1912 году распалось. Вскоре

прекратило своё существование и Пермское отделение ИРМО.

И всё же, несмотря на такие ощутимые потери, мы имеем полное право утверждать, что в начале XX века музыкальная жизнь Перми испытывает невиданный подъём: из глухой музыкальной провинции город превращается в музыкально-культурный центр. Доказательством этого являются статьи и публикации не только местной, но и центральной прессы, включая важнейшую музыкальную газету России – «Русскую музыкальную газету».

Начало XX века осталось знаменательным этапом на небосклоне музыкального просветительства и имело своё достойное продолжение во все последующие десятилетия. Одно только имя зачинателя народного хорового дела А. Д. Городцова вошло в летопись русской культуры не только Урала, но и всей России. Несомненно, что не последнюю роль в этом просветительстве сыграла пресса в лице местной газеты «Пермские губернские ведомости», а также многие центральные музыкальные газеты.

¹ См.: Шумилов Е. Н. Попов Борис Михайлович // Краеведы и краеведческие организации Перми: Биобиблиогр. справочник / Сост., науч. ред. и вступ. ст. Т. И. Быстрых, А. В. Шилов. – Пермь, 2000. – С. 213-214.

² См.: Ефремов И. В. Подвижник народной культуры А. Д. Городцов. – Пермь, 1983; Чуракова Т. П. Городцов Александр Дмитриевич // Краеведы и краеведческие организации Перми: Биобиблиогр. справочник / Сост., науч. ред. и вступ. ст. Т. И. Быстрых, А. В. Шилов. – Пермь, 2000. – С. 113-114.

³ Пермские губернские ведомости (далее – ПГВ). – 1895. – № 5.

⁴ Театральные известия. – 1897. – №3.

⁵ ПГВ. – 1900. – № 37.

⁶ ПГВ. – 1909. – № не установлен.

⁷ Театр и искусство. – 1905. – № 48.

⁸ Музыкальный труженик. – 1909. – № 9.

⁹ См.: Ефремов И. В. Указ. соч. – С. 25.

¹⁰ Музыкальный современник. – 1916. – № 18. См. также: Ефремов И. В. Указ. соч. – С. 31.

¹¹ Баян. – 1907. – № 5-6 См. также: Ефремов И. В. Указ. соч. – С. 33

¹² Русская музыкальная газета (далее – РМГ). – 1896. – № 12.

¹³ Рампа и жизнь. 1914, №51. См. также: Ефремов И. В. Указ. соч. – С. 45.

¹⁴ РМГ. – 1909. – № 16. См. также: Ефремов И. В. Указ. соч. – С. 45.

¹⁵ См.: Ефремов И. В. Указ. соч. – С. 71 (сн.).

¹⁶ РМГ. – 1903. – № 12.

¹⁷ См.: Ефремов И. В. Указ. соч. – С. 81-83.

¹⁸ Музыкальный современник. – 1916. – № 15. См. также: Ефремов И. В. Указ. соч. – С. 85.

¹⁹ Летопись Прикамья / Сост.: Т. И. Быстрых, А. Ф. Старовойтов. – Пермь, 1997. – Ч. 1: 1324-1917. – С. 106.

²⁰ РМГ. – 1903. – № 31.

²¹ ПГВ. – 1904. – 7 апреля.

²² См.: Корж Л. М. Непризнанный меценат (к 100-летию создания в Перми первого на Урале отделения императорского Русского музыкального общества) // Пермский дом

в истории и культуре края: Мат-лы науч.-практ. конф. 19 декабря 2008 г. / Сост. и ред. Т. И. Быстрых. – Пермь, 2008. – [Вып. 1] – С. 68-72.

²³ РМГ. – 1909. – № 47.

²⁴ ПГВ. – 1908. – 10 августа.

²⁵ ПГВ. – 1910. – 2 марта.

²⁶ РМГ. – 1909. – № 39.

А. Г. Баранов

*Учащийся гимназии № 4 имени братьев Каменских
(г. Пермь)*

«Погиб, сражаясь за то, что любил...» (Андрей Фёдорович Каменский)

Андрей Фёдорович Каменский, один из представителей рода Каменских, сконцентрировал в себе лучшие черты предвоенного поколения русской научной интеллигенции. Родился этот удивительный человек в 1916 году 10 ноября, в Нижнем Новгороде. Его отец, умерший в начале 1920-х годов, был владельцем нижегородской ветви пароходства широко известной в Прикамье семьи Каменских. Семья была состоятельной, но после революции дела пошли плохо и они вынуждены были переехать в Москву. Мать Ольга Ивановна работала бухгалтером в психиатрической лечебнице «Белые берега» (там находился тяжелобольной отец Андрея Фёдоровича). Позже Ольга Ивановна устроилась в Государственную Третьяковскую галерею на должность заместителя главного бухгалтера.

Андрей Каменский воспитывался сестрой Аней и матерью. Аня была на 14 лет старше, она выучилась на искусствоведа и до конца своей жизни работала в Третьяковке. Семья жила в двух комнатах в небольшом доме в одном из замоскворецких переулков. В 1930-х годах там был садик, где юному Андрею привилась первая любовь к насекомым. Он рано научился читать.

В 1928 году, находясь на отдыхе под Малоярославцем, Андрей собирает первую коллекцию жуков, а осенью начинает ходить в кружок при зоологическом музее Московского университета. Очень интересно вела кружок жена профессора Кожевникова, Мария Александровна. Андрей увлёкся исследованием жизни насекомых, в частности жуков. Он часто бывал в музее. Многие часы проводил за книгами и изучал зоогеографию и экологию. В течение трёх лет Андрей каждую весну и осень ездил в энтомологические экскурсии.

В конце 1932 году Андрей Каменский ушёл из школы и отправился зарабатывать трудовой стаж в Московском зоопарке, чтобы потом поступить в институт. Андрей Фёдорович работал в инсектарии, включился в исследования по изучению опасного вредителя оленеводства

– кожного овода. Весной 1933 года он уехал с одной из экспедиционных групп в тундру, изучавших овода. «Работа велась, – писал Р. Фёдоров, – в тяжёлых условиях Тазовского полуострова (восток Ямало-Немецкого округа). Он (А. Ф. Каменский. – А. Б.) проделал долгий и опасный путь сначала на рыбацкой лодке по Туре, Тоболу, Иртышу, потом на пароходе по Оби до Салехарда, на шаланде в Ныду, а затем вглубь полуострова. Там, кочуя вместе с ненецким стойбищем, он проделал важнейшую работу для изучения опаснейшего вредителя оленеводства».

Возвратившись в 1934 году в Москву и сдав отчёт о проделанной экспедиционной работе, Андрей стал лаборантом в зоологическом музее, где и проработал до 1938 года. Вечерами учился на рабфаке. Студенческие годы – с 1938 по 1941 – были временем полного расцвета способностей Андрея. Уже на первом курсе он обратил внимание преподавателей редким сочетанием научного таланта, работоспособности и наличием организаторской жилки. На втором курсе он стал руководителем студенческого научного общества.

В 1938 году Андрей Фёдорович женился на Ирине Владимировне Каменецкой, дочери преподавателя географии. Она занималась геоботаникой и ездила вместе с ним в одну из экспедиций в 1940 году.

В 1939 году Андрей Каменский начал полевые работы в Наурзумском заповеднике (северо-запад Казахстана), который был тесно связан с московским биофаком. Ему удалось изменить мнение научного сообщества о клещах. В 1940 году им были опубликованы две научные статьи. Андрей получил за них премию на конкурсе студенческих работ. Параллельно с учёбой он продолжал работу в Наурзуме, изучая не только клещей, но и исследуя жуков.

Имея отсрочку от призыва, Андрей, узнав о нападении фашистской Германии на СССР, немедленно отправился в Москву, в МГУ стал активным участником факультетского ПВО, активно включился в медико-энтмологические исследования оборонного значения. Ему предлагали бронь, но Андрей отказался.

В тяжёлые для Москвы дни ноября 1941 года Андрей Каменский вступил добровольцем в народное ополчение – в так называемый «полк московских рабочих». В ноябре-декабре он участвовал в ожесточённых боях на подступах к столице. Имея большой для своих лет экспедиционный опыт и будучи прекрасным лыжником, Андрей стал умелым солдатом.

Андрею Каменскому присвоили звание сержанта и в составе соединений 1-й Ударной армии перебросили на Северо-Западный фронт, где советские войска под командованием генерал-лейтенанта П. А. Курочкина 7 января 1942 года начали Демянскую наступательную операцию, длившуюся несколько месяцев – до 20 (по другим данным, до 25) мая 1942 года, которую до конца завершить так и не удалось.

Бои под Демянском отличались исключительным упорством и напряжением, они были крайне тяжёлые и очень кровопролитные.

Оказавшейся в «котле» немецкой группировке удалось 23 апреля 1942 года разорвать кольцо окружения, образовав так называемый рамушевский (по названию села Рамушево) коридор шириной в 6-8 километров. Предпринимавшиеся попытки войск Северо-Западного фронта замкнуть коридор и ликвидировать демянскую группировку противника успеха не достигли.

Известно, что немецкие части, вырвавшись из окружения, смогли выйти в тыл советским войскам. Демянская операция стала трагической страницей Великой Отечественной войны. По неполным подсчетам, в ней погибло до 280 тысяч наших солдат. Раскопки на местах боев продолжают и по нынешние дни. Оставшиеся в живых немногочисленные солдаты и офицеры говорят о нелепости и ненужности проведения этой операции. Так, офицер, служивший в штабе авиационной дивизии, рассказал О. Л. Крыжановскому, что происходило в праздник 23-го февраля, в День Красной Армии: «...некий генерал, который командовал под Молвотцами, решил отметить славную дату. В спешке он бросил обе бригады на хорошо укрепленные немецкие позиции. Немецкие войска разбили наступление русских шквальным пулемётным и миномётным огнем. Две трети наступающих были убиты или ранены, наступление сорвалось». Андрей Каменский и погиб в этот день одной из самых трагических и бессмысленных для наших солдат операций. Известно, что фашисты называли бои за Демянск «вторым Верденом» и всех погибших здесь солдат наградили крестами посмертно. Имена многих наших солдат, положивших свои жизни на алтарь Демянского котла, не известны до сих пор. О самой операции можно узнать только из специальной литературы или в Интернете, она до сих пор во многом остаётся «белым пятном» Великой Отечественной войны.

Имя Андрея Каменского занесено в Книгу Памяти города Москвы, где указано, что погиб он 22 февраля 1942 года. Но его боевой друг Олег Леонидович Крыжановский утверждает, что Андрей Каменский «22 февраля написал последнее письмо жене, а 23 февраля в бою близ населённого пункта Молвотицы погиб, сражаясь за то, что любил – за Родину, за жизнь, за культуру». «Каменский вместе с другими погибшими воинами покоится в братской могиле у деревни Павлово Молвотицкого района Новгородской области, – дополняет сведения В. В. Марчук. – Подробности о времени и месте гибели Андрея стали известны спустя несколько месяцев после его смерти. А пока Ольга Ивановна всё ждала сына и писала ему письма, которые неизменно возвращались назад с трафаретно выполненной надписью «Адресату вручить невозможно».

Культ Троицы в пермской архитектуре

Троица – триединое единобожие (Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой). По христианским представлениям, это Бог, единый в трёх лицах, в трёх ипостасях. Бог Сын – второе лицо, вторая ипостась Троицы – воочеловечился, пришёл в мир, как воплотившийся Спаситель Иисус Христос. О его личности, открывшейся человеку, о жизни Иисуса Христа повествуют Евангелия. Само же божественное бытие непостижимо для человека: непостижима ему до конца и тайна Троицы. Размышляя о ней, человек постигает то, что ему открывает Бог о своём бытии, на котором зиждется мироздание. Поэтому столетиями размышлял о Троице христианский мир, размышляли философы, богословы.

По образному выражению блаженного Августина, постичь тайну святой Троицы труднее, нежели вычерпать море ложечкой. Святые отцы старались разъяснить тайну «неслиянности и нераздельности» божественного триединства через образы и символы. Так, одни говорили о воле, разуме и действии, другие проводили аналогии с солнечным сиянием, где одновременно едины солнце, луч и свет. Третьи размышляли о тайне и гармонии любви, где лица – ипостаси взаимоотносятся как Любящий, Любимый и Любовь. И при этом все сходились на том, что Святая Троица – это не количество, а качество Бога, непостижимое для человека, но данное ему в Откровении. Святой Василий Великий так пишет об этом: «Господь, передавал нам об Отце и Сыне и Святом Духе, не счётом переименовал их; ибо не сказал: в первое, второе, третье, или – в одно, два, три; но в святых именах даровал нам познание веры, приводящее ко спасению...».

Культ Троицы становится чрезвычайно популярным со времён принятия и распространения христианства. И это не случайно, так как мы являемся преемниками византийской культуры. Исследователи считают, что причина популярности Троицы – нераздельной и неслиянной – в отношении народа к политической жизни Руси того времени. Как нераздельная, Троица олицетворяла необходимость собирания русских земель, осуждала усобицы; как неслиянная, она требовала освобождения от иноземного ига. Освобождения от всего духовно чуждого, а значит – сохранения в себе «внутреннего человека», служения добру, справедливости в раздираемом рознями злом мире.

Необходимо отметить, что до Сергия Радонежского самого праздника Троицы не существовало в православии. Была «пятидесятница»,

«Сошествие Святого Духа». Но уже в XIV веке «пятидесятницу» начинают именовать Троичным днем, и к величанию выставляется икона Троицы или явление Господа патриарху Аврааму в виде трёх ангелов. Павел Флоренский отмечал, что «Византия не знала праздника Троичного дня», как не знала она, в сущности, ни Троичных храмов, ни Троичных икон». Он считает Троичный день творчеством русской церковной культуры, а «определение – творчеством преподобного Сергия».

С 1345 года, когда в Радонежском уделе Московского княжества Сергей основал монастырь и освятил его во имя Троицы, в течение последующего столетия Троицких церквей и соборов «построено так много, что нет возможности точно сосчитать их на всём пространстве России. Являлись даже целые Троицкие города и села», – писал Т. Георгиевский.

И в русском искусстве мы наблюдаем такие же традиции с момента крещения Руси. В изобразительном искусстве образ Троицы появляется уже с XI века (это мозаики, фрески, иконы). Но вершиной стали имена Феофана Грека и Андрея Рублева. Елена Федоровна Каменская посвятила многие свои работы изучению творчества Рублева (образу Троицы, иконографии).

Вернёмся в XIV век, время нового, небывалого прежде размаха монашеского движения. Это движение приобрело особые черты, тесно переплетённые с национальным подъёмом, охватившим русский народ накануне освобождения от татарского ига. «Русские монахи и монастыри XIV – начала XV века очень часто подчиняли свою деятельность государственным интересам», – писал Д. С. Лихачев. Сергей Радонежский создал монастырь в честь Троицы – образа «божественного единства». «Троичное учение Сергия (и соответствующий ему культ), – напишет уже в наше время историк общественного единения, – в этом его историческое значение». В 1422 году собор был закончен – и «в скорее черковь прекрасну воздвиже».

Внешне Троицкий собор, белокаменный, одноглавый. С тремя алтарными выступами, узкими окнами, килевидными завершениями порталов и закомар, походил на московские храмы тех лет. Был он украшен и поясом резьбы по белому камню.

Но архитектуре этого храма присущ ряд новых и смелых черт. Зодчие размышляли над тем, чтобы увеличить вместительность сравнительно небольшого монастырского собора. Заботило их лучшее освещение. В барабане они сделали необыкновенно большое число широких окон. Внешняя красота белого со свинцовой крышей собора, поставленного на краю обрыва горы Маковец, в окружении деревянных построек, также не была забыта строителями. Они, по слову современника, создали храм, который «отовсюду виден был, яко зеркало». «Его архитектура свидетельствует о напряжённости творческих исканий зодчих, тонкости их архитектурной мысли, остроте точности глаза, смелости композиционных приемов», – писал Н. Н. Воронин.

Другой крупный исторически значимый деятель того времени Стефан Пермский (православный миссионер монах Степан Храп) закрепил своей деятельностью вхождение Перми Вычегодской в состав Московского государства. В 1383 году Московский митрополит Пимен с одобрения Дмитрия Донского поставил его во главе новой Пермской епархии. Стефан Пермский создал «пермскую» (зырянскую) азбуку и перевёл на зырянский язык книги. Многие любили и знали этого глубоко образованного и столь же бескорыстного подвижника, который совершил дело просвещения зырян, в далёкой пермской стране крестил множество людей. Стефан был настолько популярен, что среди традиционных сюжетов (Тайная вечеря, Рождество, Богоявление и др.) в Крестовоздвиженском храме в городе Соликамске на западной стене был изображён епископ Стефан, «поучающий пермяков закону божию и грамоте». Стефану же был посвящён правый придел в трапезной.

Предполагается, что Стефан Пермский является автором так называемой Зырянской Троицы (конец XIV века), которая находилась в Троицкой церкви Вожежского погоста близ города Яренска на реке Вычегде. Друг и сподвижник преподобного Сергия Радонежского Святой Стефан нёс культ Троицы в Пермские земли.

Административная власть Москвы закрепляется в древней Перми христианизацией населения. Сначала в 1455 году «приездил владыко Питирим в великую Пермь на Чердыню крестити ко святой вере чердынцев, а потом в 1462 году другой пермский епископ – Иона – «добавне крести великую Пермь, поставил им церкви...». Именно с этого времени на древней Пермской земле начинают строить первые храмы. Но опустошительные пожары не раз уничтожали деревянные постройки. После крупнейшего из них, случившегося в 1672 году, все церковные храмы были возведены вновь, но уже из кирпича.

На строительстве работало много приезжих московских каменщиков. Благодаря ним архитектурные мотивы из столицы перенеслись в провинцию. Ясно, что москвичи не могли сами возвести большое количество храмов. На местах – в Соликамске, Чердыни, Верхотурье и других городах – они набирали учеников для обучения «каменному делу». Кроме того, тот факт, что в одно и то же время возводившиеся здания Троицкого собора и некоторых других церквей в Соликамске и храмов в далёких городах земли Владимирской имеют одинаковые детали узоров, говорит о том, что кто-то из владимирских мастеров занёс на Урал свои приемы храмовой архитектуры.

Для украшения храмов по заказу Строгановых, известных солепромышленников, заводовладельцев и меценатов, в их вотчинах было организовано производство икон, и в XVI – XVII веках существовала оригинальная строгановская школа русской иконописи. Иконостас с богатым собранием икон строгановской живописи сохранился в Богоявленской церкви в городе Соликамске. Иконы строгановской

школы отличаются «ювелирной точностью и мелочностью письма, эмалевой краской цвета, обильным применением золота, уподобляющего икону изысканной драгоценности», – отмечал Н. Н. Воронин. В Русском музее в Санкт-Петербурге хранится икона Никиты Павловца «Троица» из Строгановской коллекции. Это свидетельствует о том, что культ Троицы, принесённый в Пермские земли Святым Стефаном, продолжает оставаться популярным.

Об этом говорит и большое количество Троицких соборных церквей, построенных на Пермской земле.

Одним из лучших среди них по праву может считаться Троицкий собор в городе Соликамске. Он был построен на рубеже семнадцатого столетия (1684-1697) – сложного, интересного периода в развитии древнерусской культуры. Позади была полоса бурных событий начала века: голод, пожары, иноземные нашествия на Русь, крестьянская война.

Троицкий собор занимал главенствующее положение в городе. У его стен шумел выходной торг, в нём оглашались важнейшие государственные указы, сюда сходились улицы города и дальние дороги Прикамья. Собор был построен не только на «государственное жалование» в 200 рублей, но и «заборною церковною казною и что собирается с мельницы, и с лавок, и с амбаров».

Здание поражает свободной, живописной композицией и богатством пластического решения. Многие детали московского зодчества прозвучали здесь совсем по-другому. Строители возвели его на подклети. Высокий кубический храм обстроили более низкими объёмами-приделами (с севера – Иоанна Предтечи и с юга – Николая Чудотворца), полукруглыми апсидами и галереей с трёх сторон. Ступенчатое расположение объёмов придает композиции собора динамичность. Взаимосвязь архитектуры и природного окружения ярко подчёркнута двумя выразительными крыльцами на три схода с висячими гирьками. Северное крыльцо украшено изразцами и росписью. На западном крыльце обращают внимание две круглые колонны с поребриком, «жучковым» орнаментом, выпуклыми балясинами. Устремлённость архитектурных масс к центру и к верху достигает апогея в изящных круглых барабанах пятиглавия.

С учётом композиционных замыслов строители решили и обработку фасадов. Подклеть была оставлена без украшений. Просты наличники окон галереи. Зато богатство фантазий, высокая профессиональная выучка зодчих проявилась в декоре крылец и наличников окон пределов и апсид. Мастера использовали разнообразные по форме резные дыньки, бусинки, жгуты, сложные розетки. Повторялись в соборе и некоторые черты, присущие памятникам древнего зодчества.

Над крыльцами возвышаются небольшие каменные шатры, а центральную апсиду перекрывает широкая бочка с килевидным завершением.

Троицкий собор обладает большой силой эмоционального

воздействия. Он торжественен. Главное в этом соборе – идея движения, взлёта, застывшего в камне. Проведена она последовательно и умело. Зодчий, строитель храма, был не просто талантливым человеком, он был и выдающимся руководителем. Творческие усилия разных мастеров он сумел объединить на пути к одной цели – создать ощущение праздника и необыкновенной радости.

В соборе нет ничего второстепенного и лишнего, как положено быть в подлинном произведении искусства. Сколько бы раз мы ни проходили мимо него, перед нами всегда одна картина будет сменяться другой, в которой трудно выделить лучшую.

Внутреннее пространство перекрыто сомкнутыми сводами. Интерьерам свойственна лаконичность форм, чёткость пропорций и линий. Компактный кубический объём собственно храма соединён с пределами широкими арочными проёмами, а с галерей – красивым порталом. Важную роль играет освещение храма. Окна сгруппированы в верхнем ярусе с противоположной стороны иконостаса. К сожалению, Троицкий собор дошёл до нашего времени с существенными искажениями и утратами, хотя реставрационные работы в значительной мере вернули зданию первоначальный облик: выправлено после осадки западное крыльцо, восстановлена глава и укреплены фундаменты северного крыльца, лестницы и крыльца покрыты тёсом, реставрирован декор фасадов.

В селе Вильгорт Чердынского района каменная Троицкая церковь была возведена в два этапа на самом красивом месте – на северном косогоре. Старая часть церкви 1779 года имеет типологическое сходство с памятниками Чердыни. Монументальность двухэтажного куба и пятигранных апсид, достигнутая ясными объёмами и стройным завершением двусветного верхнего этажа главой на световом барабане, говорит о незаурядности памятника, не дошедшего до нас в полном виде. В 1902 году к белокаменному основному храму был пристроен из красного кирпича громадный двухэтажный куб, в котором разместились двустоянные трапезные, паперти, ризницы. Ведущую роль в облике церкви строители отвели новой колокольне. Её четырёхгранная трёхъярусная вертикаль возвышается над главным входом. Углы открытых верхних ярусов украшены крупными пилястрами с лепными капителями. Фасады нового здания, решённые в новорусском стиле, целиком соответствуют внутренней функциональной организации. Облик здания XVIII века дополняет карнизный пояс с традиционным зубчатым и «жучковым» орнаментом. Южный фасад куба украшает ниша с колончатým обрамлением и ступенчатым карнизом, над которым рельефом выложен крест и плоские вазы. Три больших окна увенчаны упрощёнными плоскорельефными волотами.

Внутри храма сохранились настенная живопись и тьябловые иконостасы, датированные 1763 годом. Интересен происходящий отсюда поклонный

восьмиконечный крест с распятием, благословляющим Саваофом и ангелами. Распятию присущи архаические черты. Непропорциональная фигура Христа с наивным выражением лица выполнена в барельефных пластических традициях и приближается к местному иконописному образу. Подобных скульптурных изображений в Северном Прикамье не обнаружено.

Перечислим некоторые другие Троицкие церкви, построенные на Пермской земле: это – Свято-Троицкая (Лёнвинская) церковь (1688) в городе Березники; Троицкая церковь (1797) в рабочем посёлке Пашия Горнозаводского района; церковь Троицы (1825) в селе Ашاپ Ординского района; Свято-Троицкая церковь (1837-1843) в Полазне Добрянского района; Свято-Троицкая церковь (1844) в селе Асово Березовского района; Свято-Троицкая церковь (1847-1865) в рабочем посёлке Пожва Юсьвенского района; Свято-Троицкая церковь (1846) в селе Кын Лысьвенского района; Троицкий собор (1902-1916) в городе Оса; Троицкая единоверческая церковь (1909) в селе Сретенском Ильинского района.

Разумеется, Троицкие храмы возводились и в самой Перми. Это – 1) Свято-Троицкая единоверческая церковь (1834), что стояла на Сенной площади; строилась она девять лет на средства купца Н. К. Крылова, освящена была в 1843 году; 2) Свято-Троицкая (Слудская) церковь (1845-1849), основные расходы на строительство которой взял на себя купец 2-й гильдии Е. И. Шавкунов, ныне церковь является кафедральным собором; 3) Свято-Троицкий собор (1828) в Мотовилихе, построенный на месте деревянной обветшавшей церкви; здесь сейчас располагается Свято-Троице-Стефанов мужской монастырь. Пожалуй, стоит в этом ряду упомянуть и полковую церковь (1913) 194-го пехотного Троице-Сергиевского полка, церковь была разобрана на строительный материал в 1924 году.

Заканчивая рассказ о Троице, ещё и ещё раз задаёшься вопросом: «Почему множество столетий человеческая мысль прикована к этому, казалось бы, ничем не выделяющимся из множества других древних преданий рассказу, почему образ живоначальной Троицы до сих пор волнуют сердца людей?».

Вселенная, как мир всей твари, человечество, собранное вокруг Христа, тварь, собранная вокруг человека, в надежде на восстановление нарушенного строя и лада – вот та общая заветная мысль, входящая в многовековое церковное предание. Любовь и единство святы. Всегда, везде и во всём. И сейчас и во веки веков... Вот ключ к пониманию Троицы. Любовь и единство святы, они – основа всего бытия, не искажённая злом идея жизни. Вот ответ на вопрос о её вечной популярности.

Литература

1. Андрей Рублев: Из собрания Государственной Третьяковской галереи / Сост. Э.

К. Гусева. – М., 1990.

2. Барская Н. А. Сюжеты и образы древнерусской живописи. – М., 1993.

3. Верхоланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее: Краткий историко-статистический очерк. – Пермь, 1913, 1994, 2002.

4. Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области: Изд. официальное. – Пермь, 2001.

5. Памятники истории и культуры Пермской области / Авт.-сост.: А. Б. Киселёв, В. М. Сузутов. – Пермь, 1993. – Т. 2: Памятники истории, архитектуры и искусства.

6. Прибытков В. С. Сквозь жар души: (О трёх древнерусских живописцах). – М., 1968.

7. Пучинская Л. Образ напасти пресвятыя Троица // Наука и религия. – 1992. – № 1.

8. Сергеев В. Н. Рублёв. – М., 1990. – (Жизнь замечательных людей).

9. Соликамск: Путеводитель / Сост. Ю. Е. Юдин. – Пермь, 1980.

10. Троица Андрея Рублева: Антология / Сост. Г. И. Вздорнов. – Изд. 2-е, исправл. и доп. – М., 1989.

11. Чагин Г. Н. На древней Пермской земле. – М., 1988.

12. Языкова И. К. Иконография Святой Троицы // Богословие иконы. – Изд-во Общедоступного Православного Университета, 1994.

Андрей Резник

Student of the Sergei Diaghilevs Gymnasium (High-School)

(Perm)

The Romanovs: love and tragedy

(Романовы: любовь и трагедия)

The fate of the last Romanov rulers of Russia has gripped the world in horrid fascination for more than eight decades since they perished at the hands of Bolsheviks. Why is it so? What is the secret of their power and charm?

In this paper I will focus on three members of the Romanov dynasty: Tsar Nicholas II, Grand Duke Michael Romanov and Grand Duchess Elizabeth. For the purpose of my paper, the word “love” should be understood as (1) love between a man and a woman; (2) love between parents and children; and (3) love for one’s country. The word “tragedy” refers both to physical suffering and violent death of an individual, as well as the sudden end of the monarchy, resulting in the suffering of the millions of Russians on unprecedented scale.

The fate of Tsar Nicholas II and his family comes first to mind. There was a remarkable degree of love, fondness, and admiration among all members of the Tsar’s family. The Tsar was a loving husband of Alice, Duchess of Hesse, then Tsarina Alexandra Feodorovna. She greatly loved him too. Both cared a lot for their five children: Olga, Tatiana, Mary, Anastasia and Alexei.

One is also impressed by a great deal of love and respect that Nicholas showed toward his father, Emperor Alexander III. He did so as the heir and when he became the Emperor himself. Nicholas II tried to continue his father’s policy out of great respect for him.

As to Nicholas II's love for Russia, he expressed it on numerous occasions. One might even say that his patriotism was embodied in his legal acts, such as the Manifesto of the 17th of October 1905, which granted civil rights to his subjects and set up the State Duma. The first step toward constitutional monarchy in Russia was thus made.

Finally, Tsar Nicholas II's loving nature manifested itself in his love for peace in the world. It is no accident that the First International Peace Conference of 1899 was assembled in The Hague, Netherlands, on the initiative of Tsar Nicholas II. It resulted in The Hague Conventions that introduced first international restrictions on wanton violence and war crimes. It was not a spurious action, but part and parcel of the Russian tsar's deliberate policy to contain international violence. The first peace conference was followed by the Second, also in The Hague, which likewise had a very positive outcome: a number of international treaties were concluded that emphasized peaceful settlement and prevention of armed conflicts, as well as their regulation in order to contain violence and destruction, especially among the civilians.

Grand Duke Michael, a younger brother of Tsar Nicholas II, shared some character traits with him. In a different ways, he too was capable of great personal sacrifice for the sake of love.

Michael spurned a prospect for a "good" marriage to Princess Beatrice of Great Britain because he did not care for a great dynastic alliance, but longed for a true love. Once he fell in love with Natalia Sheremetevskaya, a commoner and divorcée with a child, nothing could stop him, even the prospect of losing an heir's right to the throne. He was ready to face an exile from his beloved Russia for the sake of morganatic marriage undertaken against the will of the Tsar and their mother. Indeed, after Michael and Natalia secretly married in a Serbian Orthodox Church in Vienna, Austria, the Tsar forbade him to set foot in Russia.

However, as soon the First World War began in August 1914, Michael asked for a pardon. He did so in an effort to balance his love for his wife with his love for Russia that needed to be defended. As soon as the Tsar had pardoned him, Michael and Natalia returned to Russia. He immediately went to the front. There he proved his patriotism, when he commanded the so called "Savage" Cavalry division, one of the best fighting units of the Tsar army, consisting mostly of Muslim volunteers from North Caucasus. For his bravery Michael was decorated with St. George's Cross, the highest award for military valor. The Muslim fighters admired him for his bravery and responsiveness to their needs. Michael's effectiveness as a warrior is all the more striking since, in his private correspondence, he expressed abhorrence for war.

When Nicholas II unexpectedly abdicated in his favor on March 15, 1917, next day Michael produced the only document he signed in his capacity of the head of the state. Soviet propaganda usually treated this document as a yet another abdication following that of his elder brother. In fact, it is far from it. In his Manifesto, Michael says that he "made a firm decision to assume the supreme power only on the condition that such is the will of our great nation." He entrusted the Provisional Government to

conduct general elections to the Constituent Assembly which then would decide on the form of government. The elections were to be based on “universal, direct, equal and secret ballot,” the most liberal electoral law anywhere in the world. Michael’s only official act was clearly filled with love for and trust in the wisdom of Russian citizens. Like his brother Nicholas, Michael abhorred war. Even more he abhorred civil war. In his Manifesto he tried to prevent the descent of Russia to internecine violence.

The elections were held nine months later. As the Bolsheviks suffered a crushing defeat at the ballot, they forcibly dissolved the Constituent Assembly during its first session on January 17, 1918. Three months later, Lenin’s government exiled Michael to Perm, a far away city in the Urals. Civil war was under way.

Elizabeth (Ella), Duchess of Hesse, sister of the wife of Nicholas II, was known in Russia as Grand Duchess Elizaveta Feodorovna. Her life too was marked by great love, unswerving devotion and tragedy.

Ella was only fourteen when her mother died and she had to assume the role of a mother to the younger children.

In 1884 Ella married Sergei, brother of Tsar Alexander III, after the consent had been obtained from the British Queen Victoria, grandmother of Ella.

“Your citizens have become my citizens and your god has become my god,” declared Ella to her beloved husband.

But unfortunately, tragedies among the royalties happen easily.

On February 18, 1905 Grand Duke Sergei Alexandrovich, Governor General of Moscow, was on his way to the Governor’s Palace in Moscow for a conference. At this moment, Ivan Kaliayev, a revolutionary terrorist, threw a bomb at his carriage, and Sergei was killed.

True to her religious upbringing, Ella forgave the assassin. She went to Kaliayev’s prison cell to give him forgiveness in the name of his victim. She also gave him a copy of The New Testament. Ella asked Tsar Nicholas for Kalyaev’s pardon, but the pardon was not granted, and the terrorist was executed.

After her husband’s tragic death, Ella didn’t not give up on Russia. In love of her adopted country, she founded a convent of Saints Mary and Martha in Moscow. The rest of her life she dedicated to a rigorous monastic training and charitable work on behalf of orphans, elderly, disabled and wounded at war. During the First World War Ella took heart from the loyalty of the soldiers as they marched off to the frontlines, and she prayed for their safe return.

As Bolsheviks seized power in Russia on November 7, 1917, a death warrant was issued for all the Romanovs.

Michael was the first to be eliminated. On June 12, 1918, Michael and his secretary Brian Johnson were abducted by a Bolshevik terror squad from the Royal Suites (Королевские номера) Hotel in Perm where they were staying. Then they were taken to the outskirts of the city and executed without a trial. As this happened five weeks before the massacre of Tsar Nicholas and his family in Yekaterinburg on July 17, 1918, it is apparent that the Bolsheviks regarded Michael, not Nicholas, as the main legal alternative to their lawless rule. After all, Michael’s

Manifesto clearly spelled out Russia's liberal and democratic evolution.

In the early hours on July 17 1918 Tsar Nicholas II, his wife Alexandra, their son and their daughters were brutally massacred in the basement of the Ipatiev House in Yekaterinburg.

In the night of July 18, 1918, Ella, along with four other princes of royal blood, was thrown into a deep pit in Alapaevsk, a small mining town in the Urals.

Nearly a century passed after the tragic death of Nicholas II, Grand Duke Michael Romanov and Ella. But Russia's reverence for them seems to be growing with each passing year, especially now due to the approaching in 2013 the 400 years anniversary of the dynasty.

In September of 1991, the first memorial plaque was inaugurated on the wall of the hotel in Perm where Michael and Johnson were staying.

In 1996 a convent was founded at the place of the horrible murder of Ella and other members of the royal family in Alapaevsk. Elizabeth has become one of the most revered saints of the Russian Orthodox Church.

On July 17 1998, the remains of Nicholas II, his wife and three daughters were buried in St Petersburg's Peter and Paul Cathedral – the burial-vault of the Romanovs. Boris Yeltsin, Russia's president, publicly apologized for the brutality and senseless death of the Romanovs.

In 2000 the Russian Orthodox Church canonized Nicholas II, his wife and children as martyrs, citing their love and devotion to Russia.

In October of 2008, Tsar Nicholas and his family were rehabilitated as innocent victims of Soviet repression. On June 8, 2009, Grand Duke Michael and the victims in Alapaevsk were likewise rehabilitated.

A memorial chapel is being built at the place where Michael Romanov is thought to be killed. There are annual conferences and memorial events dedicated to Michael in Perm.

The aim of this report is to draw attention to the Romanovs' positive traits and contributions. However, there are still many things hidden in Soviet archives that need to be investigated.

Литература

1. Crawford, Rosemary and Donald. Michael and Natasha: The Life and Love of Michael II, the Last of the Romanov Tsars. – New York, 2000.
2. Warwick, Christopher. ELLA: Princess, saint & martyr. – Wiley, 2007.
3. Krasnow, George. The Last Tsar Was Michael, Not Nicholas // The Moscow Times. – 2008. 19 July.
4. Краснов В. Памяти Михаила Романова похвальное слово // Московские новости. – 2007. – 29 июня. – № 25.
5. Романовы: 300 лет служения России. – М.: Белый город, 2007.

Раздел пятый

Сообщения, репортажи и обзоры литературы

В. Г. Краснов
Доктор философии, профессор,
председатель Общества российско-американской дружбы в
Вашингтоне
США

**Возвращение Михаила Александровича в свой
великокняжеский дворец**
(Репортаж, впечатления и комментарии о первой
конференции памяти Михаила Александровича в
Петербурге)

В среду 19 мая 2010 года в Санкт-Петербурге произошло событие, которое, несомненно, войдёт в анналы русской истории. Впервые, через 92 года после бессудной и коварной расправы в Перми, Михаил Александрович, младший брат Николая II, в пользу которого тот отрёкся от престола, «вернулся» самым чудесным образом в свой дворец на Английской набережной, 54. Двери дворца были распахнуты Петербургским отделением Всероссийского общества глухих (ВОГ), которое бесценно «владеет» дворцом с 1922 года.

Спонсорами конференции выступили информационное агентство «Русская народная линия», мемориальный музей-квартира Иоанна Кронштадтского, Петербургское отделение ВОГ и деловое сообщество «ДелоРус».

Конференция открылась панихидой памяти великого князя, первой в Петербурге и первой в его дворце. Её отслужили настоятель церкви св. Серафима Саровского протоиерей Николай Коньков и настоятель церкви св. Иоанна Богослова на Леушинском подворье протоиерей Геннадий Беловолов. Участники встречи обратили свои молебные взоры на огромный портрет Михаила Александровича в глубине сцены и на его любимую Казанскую икону Божией Матери, о которой будет сказано ниже.

Были оглашены приветствия от главы Российского императорского Дома великой княгини Марии Владимировны, от Ольги Николаевны Куликовской-Романовой и от члена Совета Федерации Федерального Собрания, представителя губернатора Петербурга Виктора Евтухова.

Мария Владимировна призвала участников конференции быть «объективными и доброжелательными» к памяти великого князя и «воздать должное его христианскому смирению и великой силе его любви к отечеству и ближним, мужеству и самоотверженности в страшный

смертный час».

Ольга Куликовская-Романова, вдова сына мужа Ольги Александровны, младшей сестры Михаила, подчеркнула, что в то время, когда имя Михаила «всячески замалчивалось» в СССР, его «христоподражательный подвиг» был широко известен в русском рассеянии. В 1981 году он был канонизирован зарубежной Русской Православной Церковью (РПЦЗ). Ольга Николаевна сообщила, что привезла в Россию личные вещи, письма и дневники «дяди Миши», сохранившиеся в их семье, и готова передать их россиянам ради «установления правды» о его личности.

Виктор Евтухов написал, что «искренне поддерживает цели и задачи» конференции. «Мы должны знать и помнить» этого человека, ибо память о событиях тех лет «придаёт обществу нравственный стержень».

От имени нынешних хозяев дворца, участников конференции очень тепло приветствовала директор Петербургского отделения ВОГ Ольга Александровна Новосёлова. Михаил был одним из попечителей Петербургской школы для глухих. После национализации советские власти передали его дворец именно глухим, и с 1922 года ВОГ является бессменным насельником дворца. Руководители ВОГ всегда сознавали историческую значимость дворца и чувствовали благодарность к Михаилу, хотя и понимали, что дворец был передан им не по его воле. Знали они и то, что в годы Первой мировой войны Михаил и его жена Наталья Брасова на свои средства обустроили дворец под лазарет для раненных и больных воинов.

Николай Коньков об иконе Михаила

Событием большой духовной и общественной значимости стало выступление двух священнослужителей РПЦ – протоиерея Николая Конькова, настоятеля церкви Серафима Саровского в Петербурге, и игумена Митрофана (Баданина), кандидата богословских наук, настоятеля Свято-Успенского храма и председателя комиссии по канонизации святых Мурманской епархии. Отец Николай сообщил, что икона Казанской Божией Матери, копия которой красуется на сцене, некогда принадлежала Михаилу Александровичу. К сожалению, он не смог привезти во дворец оригинал. Хотя икона была наиболее почитаема в его храме, ещё вчера он не знал об её связи с судьбой последнего русского самодержца.

Игумен Митрофан о подвиге его прадеда

Об этом рассказал игумен Митрофан, прибывший на конференцию из села Варзуга Мурманской области. Бывший капитан второго ранга Военно-морского флота, он уже больше десяти лет в постриге. Его прадед, Степан Никитич Пименов, будучи управляющим дворца, с риском для жизни спас эту икону от разграбления большевиками в 1918

году. Степан Никитич скончался во время блокады, но его наследникам удалось сохранить многострадальную икону в эпоху террора и передать её в Свято-Серафимовский храм в Петербурге, где она и находится с 1959 года.

Оказывается, икона была подарена великому князю Михаилу в 1888 году в память о чудесном спасении императорской семьи в железнодорожной аварии, случившейся с поездом Александра III около станции Борки Харьковской губернии. Десятилетнего Мишу вытащили тогда из-под обломков. Он всегда чтит эту икону, усердно молился на неё и забрал с собой во дворец. Узнав о конференции, игумен Митрофан решил обязательно приехать, тем более, что сам он родился во флигеле дворца в 1956 году. Не чудо ли, что намоленная икона великого князя не только вернулась во дворец сама, но и помогла наследнику человека, спасшего её от поругания, впервые за полвека вернуться в свой отчий дом?

Владислав Краснов о пермской эпопее

Слово переходит к пишущему эти строки. Отдавая Перми пальму первенства в восстановлении памяти Михаила Александровича, отец Геннадий представил меня как пермского подвижника, придавшего делу памяти великого князя международный характер. Я рассказал о движении за увековечение памяти Михаила в городе, где так трагически оборвалась его жизнь:

«Михаил Александрович был похищен и увезён на бессудную расправу из гостиницы Королёвские номера в Перми, что находится в трёх кварталах от места, где я родился. Нас, детей, это место завораживало своим несоветским названием. Мы знали, что здесь произошло нечто злое. Но даже задавать вопросы было нельзя. На эту тему, как и на многие другие, было наложено жёсткое табу. Вот в поисках правды я и отправился за тридевять земель.

Сейчас живу в Америке, но часто приезжаю в Россию. У меня две миссии. Как председатель Общества российско-американской дружбы, делаю всё, что могу, для укрепления взаимопонимания между нашими странами. А как урождённый пермяк, пекусь о восстановлении памяти о Михаиле. Думаю, между двумя миссиями нет противоречия. По-английски говорят: «Truth shall make us free» («Правда нас освободит»), а по-русски говорят: «Не в силе Бог, а в правде». Ясно, что правда о Михаиле нужна не только России.

С помощью программы Power Point на экран спроецировали ряд снимков о пермской эпопее борьбы за Михаила. Началось с того, что после долгих лет разлуки в сентябре 1991 года я приехал в Пермь навестить родственников. Тогда-то мы и решили прибить венок к зданию злополучной гостиницы по улице Карла Маркса, № 5. Наша акция привлекла общественное внимание как к Михаилу, так и к зданию.

Здание было сохранено, а улице возвращено её историческое название – Сибирская (это часть главной магистрали в Сибирь). Той же осенью мы повесили на здание первую мемориальную доску с текстом о расправе с Михаилом и его секретарём Брайаном Джонсоном. Через пару лет эту доску кто-то сбил. Мы повесили вторую, и та висела до 2008 года.

Не стоит удивляться, что жизнь Михаила в памяти народной началась с его печального конца. Пермь даже «выстрелила» из «пушки», чтобы привлечь внимание к нему по всей стране. В Пермском издательстве «Пушка» (город славится своими пушечными заводами) ещё в 1996 году был опубликован сборник документальных материалов под названием «Скорбный путь Михаила: От престола до Голгофы».¹ Составителями сборника были московские историки-архивисты Л. А. Лыкова (родом из Перми) из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и В. М. Хрусталёв из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). В подготовке к изданию книги участвовали и пермские историки и краеведы. Теперь накопилось много новых материалов. Сборник пора переиздавать. Но Москва «пушки» не услышала и опять жалуется, что денег на переиздание нет. Но «пушку» услышали местные власти: с 1997 года на Королёвских номерах, где сейчас располагается общежитие Пермского театра оперы и балета, висит красивый барельеф великого князя. Увы, высеченные на нём слова говорят только о его проживании здесь в марте-июне 1918 года.

Между тем, пермский скульптор Рудольф Веденеев установил за свой счёт деревянный памятный крест Михаилу и Джонсону на предполагаемом месте убийства на окраине Перми. Гимназия имени Сергея Дягилева открыла сайт «Виртуальный музей Михаила Романова». Пермские кинематографисты посвятили памяти Михаила несколько фильмов. Один из них – «Два Михаила» Сергея Тупицына – я привёз сюда на диске, и он был включён в программу. Увы, аудиоаппаратура ВОГ не сработала. Почему «два» Михаила? В самом деле, фильм, что я привёз, посвящён Михаилу Александровичу. Но, во-первых, пермяки слышаны о пророчестве, что Романовым суждено было править от Михаила до Михаила. Во-вторых, дядю первого царя Михаила Фёдоровича звали Михаил Никитич, и он был тоже замучен на Пермской земле. Так уж, видимо, завелось, что столицы сбрасывают на Пермскую землю тех, с кем сами справиться не могут.

В конце ушедшего столетия в Перми началось строительство часовни Михаила Тверского, небесного покровителя Михаила Александровича. Во время моего очередного приезда в Пермь в конце 2005 года обнаружилось, что средств на строительство нет. Тогда Пермское краевое отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), которое давно уже ратует за Михаила, предложило монастырю поддержку по созданию широкой общественной коалиции для сбора средств. В движение вошли краеведы, историки, студенты,

поборники прав человека, казачество, представители духовенства и других слоёв. Опубликовали обращение к гражданам Перми и России с призывом жертвовать деньги на проект «Святой Михаил»².

С тех пор многое было сделано. 13 июня 2006 года в часовне была отслужена первая в стране панихида по Михаилу. 12 июня 2007 года игумен Варфоломей возглавил первый в стране крестный ход от монастыря до часовни. Среди других икон пермские крестоходцы несли икону благоверного великомученика и страстотерпца Михаила, написанную в США по заказу РПЦЗ. Её привезла из Нью-Йорка ныне покойная Клара Максимовна Соболева, гид православного паломнического центра.

В июле 2008 года крестный ход памяти Михаила прошёл от Перми до Екатеринбургa, чтобы влиться в празднование «царских дней» в храме-памятнике во имя Всех Святых на крови. Пермь напомнила екатеринбуржцам, что никакое празднование памяти Николая Второго не будет полным без признания непреложного факта, что его любимый брат Михаил был уничтожен, оболган и опорочен ещё раньше.

С благословения епископа Иринарха и при поддержке пермских городских властей уже проведены четыре ежегодные научно-практические конференции. Опубликовано четыре сборника представленных на них докладов. В 2008 году в Перми был впервые опубликован настенный календарь с портретом Михаила в обрамлении из цветных снимков Перми, снятых С. М. Прокудиным-Горским к 300-летию дома Романовых. На деньги монастыря напечатаны памятные портреты Михаила.

По ту сторону океана я делаю, что могу, в поддержку земляков. 5 декабря 2006 года выступил в Российском культурном центре при посольстве Российской Федерации в Вашингтоне с лекцией по-английски. Опубликовал её под названием «Who Was Russia's Last Tsar?» в журнале по истории европейских династий³. По выходе на пенсию посвятил себя всецело делу увековечения памяти Михаила. Изучал архивные материалы в ГАРФе. Опубликовал ряд статей, в том числе «Похвальное слово Михаилу» в «Московских новостях», которое попало и в Википедию⁴.

После реабилитации Николая II и его семьи в октябре 2008 года, по постановлению третьей конференции Пермское краевое отделение ВООПИиК обратилось в Генеральную прокуратуру Российской Федерации с просьбой о реабилитации Михаила. 8 июня 2009 года Михаил был реабилитирован. На четвёртой конференции 10 июня 2009 года мы радовались этому решению. Но тут же недоумевали: почему СМИ никак не выделили Михаила среди других Романовых? Разве не отрёкся Николай в его пользу? Разве не назвал его в телеграмме императором Михаилом? Или реабилитация была только для отвода глаз? Пермское краевое отделение ВООПИиК не было даже упомянуто в качестве одного из истцов. Было принято решение добиваться признания Михаила последним законным правителем от дома Романовых.

Вступая в роль связного и передвигника, передаю участникам конференции привет от двух докладчиков из Москвы – Л. А. Лыковой

и В. М. Хрусталёва, которые не смогли приехать. Л. А. Лыкова только что выпустила сборник «Романовы: Подвиг во имя любви», где целая глава посвящена Михаилу⁵. В. М. Хрусталёв – автор единственной в стране научной монографии «Великий князь Михаил Александрович». Построенная на архивных материалах ГАРФа, она вышла в Москве в 2008 году⁶.

Передаю также приветствие от англичанина Дональда Кроуфорда. Совместно со своей ныне покойной женой Дональд опубликовал в 1997 году книгу «Michael and Natasha: The Life and Love of Michael II, the Last of the Romanov Tsars». Она выдержала несколько изданий на разных европейских языках. Но только в 2008 году появилась на русском под названием «Михаил и Наталья: Жизнь и любовь последнего русского императора»⁷. По широте охвата источников из архивов разных стран книга Кроуфордов остаётся непревзойдённой. Дональд сообщил мне, что решил прервать переговоры с Голливудом о постановке фильма о Михаиле, ибо их интересует только «роман Миши и Наташи», а не трагедия русской истории.

Благодарю О. А. Новосёлову за приглашение провести конференцию во дворце Михаила. Разве это не чудо, что впервые в Петербурге о Михаиле рассказано и **услышано** в обществе глухих? Не подаёт ли это надежду, что услышат о нём и в остальной России? Видимо, физически глухие и страждущие оказались более чуткими к духовным качествам личности Михаила».

Наталья Чернышова-Мельник о любви к Михаилу

За Пермью последовал Петербург. Отец Геннадий представляет Наталью Дмитриевну Чернышову-Мельник. В 2009 году вышла её книга «Отрёкшийся от престола: Жизнь и любовь Михаила Романова»⁸. Автор – петербургская журналистка и переводчица. Она много лет трудилась в советских военных газетах. Книга её вышла в московском издательстве, но первая презентация прошла на четвёртой конференции в Перми 10 июня 2009 года. Лет пять назад Наталья Дмитриевна набрела на Михаила в романе Н. Н. Брешко-Брешковского о Дикой дивизии. С тех пор буквально «заболела темой Михаила», «влюбилась в него». Влюблённость пошла ей на пользу, дала смысл и организующий стержень её жизни. И вдохновение написать книгу.

Чем же Михаил так обаял нашу современницу? Наталья Дмитриевна выделяет три главных впечатления. Во-первых, как женщину, её покорила его любовь к уже разведённой женщине с ребёнком от предыдущего брака. А его готовность жениться на ней во что бы то ни стало «смела» писательницу с ног. Более того, женившись на простолюдинке, наследник престола остался верен ей до конца. Во-вторых, как бывалый военный репортёр, писательница почувствовала в Михаиле «военную косточку»,

боевую доблесть и офицерскую честь. В-третьих, Михаил поразил её как командир Дикой дивизии. Ведь дивизия эта состояла из разных народов Северного Кавказа. Горцы любили своего командира за его дружелюбие, кавалерийскую сноровку и смелость. В родные аулы с гордостью писали о своих ратных подвигах под командой «джигита Миши», «брата царя».

Тут же Наташа объявляет новость. У неё завелась переписка с атаманом Кубанского казачьего войска в Краснодаре Владимиром Прокофьевичем Громовым. Два года назад там проходил съезд потомков всадников Дикой дивизии. Разговор зашёл и об установке памятника ратным подвигам их предков. Есть сведения, что сохранились портреты Михаила Александровича, присланные с фронта. Это ли не повод для всех ревнителей памяти Михаила Александровича объединить свои усилия с добровольцами Северного Кавказа в деле сооружения памятника тем, кто сражался за Россию в Первой мировой войне?

Мария Лаврова о звёздном часе Михаила

Способность Михаила привлекать людей поразительна. Она передалась не только писательнице, чья книга давно уже держится в первой строчке по продажам в Московском Доме книги. Видимо, читатель начинает узнавать в Михаиле своего национального героя. Его образ, несомненно, очаровал Марию Кирилловну Лаврову, заслуженную артистку России. В самом начале конференции она прочла фрагмент из книги Натальи Чернышовой-Мельник о звёздном часе Михаила, о подписании им судьбоносного, но до сих пор неизвестного стране Манифеста. Сделала она это мастерски. Завершив чтение на высокой ноте, вызвала бурю аплодисментов. Положительный настрой для конференции был создан.

Светлана Рожкова о Брасовском имении

Она приехала на конференцию из посёлка Локоть Брасовского района Брянской области. С начала 1990-х годов, будучи директором Локотской детской библиотеки, усердно собирает всё, что связано с именем последнего владельца Брасовского имения. Библиотекарь по образованию, составляет библиографию сочинений о событиях того времени. В её библиотеке огромный стенд со множеством фотографий даёт яркое представление о жизни в имении, о том, чего уже нет, и о том, что осталось в памяти народной. Как художник-любитель, Светлана увенчала стенд своим собственным полотном. Воссозданный по фотографиям и работам известного художника С. Ю. Жуковского разрушенный дворец предстаёт во всей красе. Частыми гостями имения бывали знаменитые тогда люди, такие, например, как Сергей Рахманинов.

Недавно мне посчастливилось побывать в Локте, где моим экскурсоводом была Светлана. Я убедился, что не только в Перми, но

и в Брасовском районе есть люди, чей интерес к Михаилу неугасим. Светлана одна из них. Главное открытие, которое она сделала, – это то, что с высоты птичьего полёта дворцово-парковый ансамбль Брасово даёт чёткие очертания двуглавого орла. Ансамбль создавался, когда владельцем имения был Георгий Александрович, второй сын Александра III. Он был официальным наследником престола ввиду отсутствия у царя Николая II детей мужского пола. Поэтому архитектурная концепция усадьбы строилась на символике государственного герба. Когда же Георгий неожиданно скончался в 1899 году, официальным наследником стал Михаил, и имение перешло к нему. Локоть буквально врос своими улицами в аллею дворцового комплекса, говорит Светлана.

Рассказывает о том, что в памяти брасовцев Михаил Александрович и его супруга Наталья Сергеевна Брасова (урождённая Шереметевская) оставили добрый след. Хозяйство здесь было образцовым: доходное коневодство, рыболовство, пчеловодство, добыча торфа, две маслобойни, несколько мельниц, лесопилка, мастерская по ремонту карет и даже чугунолитейный завод с 1914 года. На этих предприятиях было занято до двух тысяч человек. До сих пор сохранился конезавод. Мастерская стала станкостроительным заводом, а лазарет Первой мировой войны преобразился в советскую районную больницу. Великокняжеское хозяйство стало основой экономического развития Брасовского района.

Светлана сообщает, что 12 июня будет впервые отмечаться в Локте как день памяти Михаила. По договорённости с отцом Геннадием решено провести первый крестный ход и установить памятный крест. Анаголий Степанов, уроженец Брасовского района, недавно специально навещил родные места. Он обещает оказать информационную поддержку от агентства Русская народная линия. Светлана приглашает всех желающих навесить Брасово в этот день, тем более что отец Геннадий собирается нанять автобус из Петербурга. Пусть как можно больше людей почтит память Михаила участием в крестном ходе от Площанской пустыни к руинам дворца в Локте. Почему Площанская пустынь? Потому что Михаил там часто бывал, и его личная икона Казанской Божьей Матери была написана там.

Надежда Номинханова о Гатчине

Выступает Надежда Ивановна Номинханова, научный сотрудник музея Гатчинского дворца. Несколько недель назад она устроила для Натальи Чернышовой-Мельник и для меня замечательную экскурсию по дворцу, и мы просили её выступить на конференции. Михаил провёл во дворце большую часть своего детства. Сейчас там проводится тематическая выставка «Семейная жизнь императора Александра III». Целая комната посвящена памяти Мишки, как в семье любовно прозвали младшего из трёх сыновей. Ещё два года назад представительница

Гатчинского музея, выступая на конференции в Перми, не могла сказать ничего утешительного на вопрос, сохранились ли какие-либо артефакты, связанные с жизнью Михаила.

Нынешняя выставка показывает, что сохранились. Думаю, если поискать по всей стране, то хватит на целый музей памяти великого князя. В него можно было бы включить и вещи, обещанные в письме Ольги Куликовской-Романовой. Кстати, Пермский краевой музей уже запланировал провести специальную выставку памяти Михаила в 2011 году. Пермьков очень взбудрило бы убедиться, что они не одни, что о Михаиле теперь пекутся и Петербург, и Гатчина, и Брасово, и даже потомки бойцов Дикой дивизии.

Надежда Номинханова же приглашает всех обязательно посетить выставку в Гатчинском музее. А какие экспонаты там есть, я не скажу, чтобы подогреть любознательность читателя. Ибо невежество о последнем русском царе, как иногда называют Михаила Александровича, настолько повально, что даже коренные петербуржцы не знают элементарных фактов. Отец Геннадий был поражён, что многие звонили ему справиться, не перепутал ли он дворец Михаила Александровича с Михайловским дворцом. Нет, не перепутал: на стене у входа табличка висит, что дворец Михаила Александровича «охраняется государством». (Советские власти могли бы поставить это себе в заслугу, но предпочли замалчивать «добраго царя»).

Прошло полдня, а программа продолжает наполняться не только интереснейшими докладами, но и настоящими событиями. Это то, что по-английски называется «хэппенинг»: как по мановению волшебной палочки, события случаются сами собой.

Протоиерей Геннадий Беловолов о «чёрном кресте»

Председательствующий отец Геннадий сам берёт слово, чтобы поведать о пророчестве Иоанна Кронштадтского в связи с пермскими злодеяниями: помимо забот о храме Иоанна Златоуста, отец Геннадий ещё и директор-хранитель музея-квартиры св. Иоанна Кронштадтского, которого современники почитали как всероссийского пастыря. Однажды к нему в Кронштадт приехало семейство купцов из Кунгура, что недалеко от Перми. Попали под благословение. Разговор был, в общем, приятный. Да только в конце батюшка обронил как бы невзначай, что над Пермью висит «чёрный крест». Подивились купцы. О стихийных бедствиях подумали. Во время японской войны и революции 1905 года на ум приходили не стихийные, а тщательно организованные революционные теракты, те, что побудили самого батюшку вступить в ряды Союза русского народа. Но только год 1918-й явил суровую правду предупредительного предсказания. Это и расправа с Михаилом Александровичем и его секретарём Джонсоном 12 июня. Это и зверское убийство архиепископа

Пермского Андроника. И отстрелы насельников на Белой горе. Наконец, это и злодейство в Екатеринбурге 17 июля и в Алапаевске 18 июля, в городах, принадлежавших тогда Пермской губернии.

Отец Геннадий задаётся вопросом: а сегодня не снят ли уже «чёрный крест» с Перми? Разумеется, гонений государства на церковь теперь нет. Православные дышат свободно. И мракобесов безбожия прямо у власти нигде не видно. Но власть их всё-таки проявляется через СМИ, растущую коррупцию и упаднические настроения в обществе. Отец Геннадий приводит, как пример, пожар в пермском ночном клубе «Хромая лошадь», где заживо сгорело в прошлом году 156 человек. И случилось это 5 декабря, в день рождения Михаила Александровича, первой и самой знаковой жертвы «чёрного креста». Согласно одной из версий, Михаил был заживо сожжён чекистами в паровозной топке. Увы, большинство пермяков, как и россияне вообще, страдают беспамятством. Об истории страны знают мало, зато «потребляют» сегодняшний день, как их настраивают СМИ. Отец Геннадий приходит к выводу, что хотя «чёрный крест» не виден на небосклоне, тень его продолжает висеть над гражданами Перми, Урала, да и всей страны.

От себя добавим, что за год до пожара в «Хромой лошади» над Пермью взорвался пассажирский лайнер, унеся 88 жизней именитых пермяков и россиян, в том числе бывшего командующего на Северном Кавказе генерал-полковника Г. Н. Трошева, Героя России. Уже и тогда были предсказания, что без покаянного почтения памяти голгофских страданий Михаила Александровича ни Пермь, ни Россия не смогут вырваться из-под тени «чёрного креста», не обретут той благодати, что подстать только благочестивому народу.

Отец Геннадий отдаёт должное всем пермским радетелям памяти Михаила, признаёт, что Пермь раньше других городов извлекла имя Михаила из мрака лжи и забвения, первой начала смывать со страны грех непочтения к своему национальному герою. Пермь показала, что она и есть соль земли русской, заключает отец Геннадий.

Наталья Озеркова ведёт по дворцу

Едва закончив свой доклад, придавший конференции сакральное осмысление, отец Геннадий снова берётся за управление «хэппенингом». Он просит следующего докладчика – Наталью Павловну Озеркову совместить рассказ об истории здания дворца с экскурсией по нему, да ещё и так, чтобы все присутствующие смогли передохнуть за чашкой чая. Как-никак, во второй половине дня предстоит ещё и «круглый стол», и закрытие конференции, и отбытие на крестный ход до собора Воскресения Христова (Спаса на крови). Благо, что к чашке чая были и угощения, щедро предоставленные добровольцами Леушинского подворья.

Один факт из доклада-экскурсии показался мне особенно

примечательным. Оказывается, название набережной не случайно. Первым сооружением на этом месте был деревянный дом, построенный в 1709 году для английского капитана по имени Джозеф Най. Позднее к нему примкнули дома других английских мореходов и торговцев. Многие застройщики работали на галерной верфи, и набережная называлась Галерной. Верфь позднее убрали, но англичане продолжали селиться. Появился театр, Английский клуб и даже англиканская церковь. Потому и назвали набережную Английской. В XIX веке к англичанам прибились дворцы высшей петербургской знати. В 1870-1874 годах на месте нынешнего дворца построили особняк для В. А. Меньшикова, начальника императорского флота. В 1910-1913 годах особняк был перестроен под дворец великого князя.

Хотя Михаил Александрович жил во дворце мало, у него был здесь рабочий кабинет. Сюда же он поместил свою намоленную икону. Во время Первой мировой войны во дворце размещался военный лазарет, содержавшийся на средства Михаила Александровича и его жены Натальи Сергеевны. С тех пор не было ни одного капитального ремонта. Можно предположить, что в здании сохранился не только дух того времени, но и многие артефакты.

В советское время набережную переименовали в Краснофлотскую не случайно. Именно здесь был зашвартован крейсер «Аврора» во время Октябрьского переворота. «Аврора» произвела выстрел по Зимнему дворцу, возвестив «зарю» коммунизма в стране и в мире. В 1994 году, по случаю визита английской королевы Елизаветы II, набережной вернули историческое название.

«Круглый стол»

Два доклада казались специально подобранными, чтобы вызвать горячие споры. Профессор Московского государственного педагогического университета, доктор исторических наук Михаил Анатольевич Бабкин прочитал доклад об отношении Православной Церкви к отречению Николая и неотречению Михаила⁹. А Владимир Борисович Серебренников, известный учёный-математик, академик Петровской академии наук и искусств, приехал из Обнинска, чтобы поделиться анализом единственного государственного акта, подписанного рукой Михаила. Доклад его, написанный в соавторстве со мной, так и называется: «Манифест Михаила II – завещание русскому народу»¹⁰. Оба доклада освещают чрезвычайно сложный контекст не только политического, но и духовного состояния русского общества в эпоху крушения монархии.

Михаил Бабкин об отношении Православной Церкви к отречению Николая и неотречению Михаила

М. А. Бабкин развеял иллюзии нынешних «самодержавников», будто антимонархические настроения преобладали только в леволиберальной прессе да среди атеистической русской интеллигенции и якобы не коснулись православного духовенства. Факты говорят другое. Святейший Синод признал законным как отречение Николая, так и условную передачу власти Михаилом Временному правительству. Новый синодальный обер-прокурор Владимир Львов даже вошёл в это правительство на правах министра. Более того, высшее духовенство воспользовалось духом перемен для созыва поместного собора с целью восстановления патриархата, отмененного самодержцем Петром Первым.

Открывшийся в Москве 15 августа 1917 года, собор испытал на себе всю превратность перемен, которые его инициаторы первоначально приветствовали. 1 сентября 1917 года Александр Керенский объявил республику, не дожидаясь решения Учредительного собрания, обещанного в Манифесте Михаила. Тем самым он лишил Временное правительство законного основания, заложенного в манифесте. Увы, поместный собор никак не осудил действия Керенского.

Однако были отдельные иерархи, которые призывали к соблюдению законодательного процесса. Одним из них был архиепископ Пермский и Соликамский Андроник. Он считал законными как отречение Николая, так и неотречение Михаила, но вопрос о форме правления он не считал предreshённым. Даже вступил в полемику с обер-прокурором, упрекавшим его в монархизме за то, что он называл правление Керенского «междуцарствием» и надеялся на решение Учредительного собрания в пользу монархии. «Узаконяющий Временное правительство акт об отказе Михаила Александровича объявлял, что после Учредительного собрания у нас может быть и царское правление, как и всякое другое, смотря по тому, как выскажется об этом Учредительное собрание»¹¹, – писал Андроник. Через неделю после расправы над главным носителем монархического принципа Михаилом те же убийцы закопали архиепископа в землю живым.

Что касается вопроса о том, не связаны ли «потомки православных» присягой на верность дому Романовых, мне не удалось услышать ответа в докладе М. А. Бабкина, ибо приходилось отвлекаться на знакомства. Зато в статье, опубликованной в журнале «Вопросы истории», М. А. Бабкин вполне резонно цитирует авторитетное мнение митрополита Сергия (Страгородского), одного из организаторов собора. В 1924 году митрополит заявил, что «император Михаил, отрёкшись от престола в пользу народа, тем самым освободил своих подданных от присяги»¹². В 1943 году Сергей стал патриархом Московским и всея Руси.

***Владимир Серебрянников о Манифесте Михаила
как завещании российским гражданам***

В. Б. Серебрянников успел зачитать только фрагменты из статьи, которую мы совместно написали для четвёртой конференции в Перми 12 июня 2009 года. В своём анализе единственного государственного акта, подписанного Михаилом, он сделал упор на его демократической составляющей: на признании за народом права определять форму государственного устройства через выборы своих представителей в Учредительное собрание. Не надо думать, что инициатива выборов, да ещё с максимальным расширением избирательских прав, исходила от Михаила. Будь на то его воля, он, наверняка, не стал бы проводить выборы до окончания войны. Здравый смысл подсказывал, что лошадей на переправе не меняют.

Но лозунг Учредительного собрания был тогда у всех на устах. Его поддерживали почти все партии и общественные силы, включая большевиков, которые заправляли в Петроградском Совете. Ради консолидации общества Михаил принял эту идею, скрепив её своей самодержавной подписью. Он рассудил, что такой компромисс, во-первых, поможет остановить восстание и мятеж в столице; во-вторых, даст возможность довести войну до победного конца. Это была не радужная надежда идеалиста, а трезвый расчёт политика-реалиста: победоносный исход войны, несомненно, увеличил бы шансы на сохранение монархии через народный вердикт.

Его расчёт поначалу вполне оправдался. Без преувеличения можно сказать, что своим Манифестом Михаил остановил разгон революции и предотвратил гражданскую войну. В течение девяти месяцев страна вынашивала младенца народоправства и готовилась к его рождению. Не вина Михаила, что младенец был задушен сразу же по рождении, а мать его, Россия, заполонена и поругана.

Известно, что, принимая Манифест из рук Михаила, Керенский поклялся от имени собравшихся на Миллионной, 12, «передать этот священный сосуд власти Учредительному собранию, не пролив из него ни одной капли». Клятвы он не сдержал. Уже через месяц генерал-лейтенант Михаил Романов был уволен с поста Главного инспектора кавалерии и лишён воинского звания. Временное правительство не смогло даже аннулировать приказ № 1 Петроградского Совета, установивший контроль солдатских комитетов над военачальниками.

В августе Временное правительство подвергло Михаила домашнему аресту в Гатчине. А 1 сентября 1917 года Керенский провозгласил республику. Тем самым он нарушил главное условие Манифеста о непредрешении вопроса о форме государственной власти до Учредительного собрания. Когда же Керенский объединился с большевиками в подавлении «мятежа Корнилова», он лишился последней

лояльной поддержки и отдал себя на «съедение» большевикам. Выборы в Учредительное собрание всё же состоялись. Но реальная власть была уже у большевиков.

Манифест Михаила далеко не безупречен в соблюдении буквы закона. Но можно с уверенностью сказать, что Михаил вынужден был пожертвовать буквой закона, чтобы спасти его дух. Можно критиковать решение Михаила и с политической точки зрения, хотя его правильность или неправильность недоказуема. Любители помахать кулаками после драки всегда были. Одни упрекали Михаила за безволие, политическую слепоту и наивность. Зачем-де не вызвал в Питер Дикую дивизию, не остановил малой кровью кровь большую? Другие упрекают за то, что якобы поддался либералам, масонам и другим скрытым «врагам». Но забывают, что в друзья к нему никто не спешил записываться. Даже наш проницательный современник А. И. Солженицын не заметил ни политической прозорливости Михаила, ни его нравственного подвига.

Не вина Михаила, что Россия не сумела воспользоваться передышкой, которую давал его Манифест. Еще до «отречения» Михаил спрашивал близкого ему адвоката Н. Н. Иванова: «Вы можете указать хоть одну сильную группу работников или умов государственного направления, на которую можно опереться?». И сам отвечал: «Я не вижу. Одни штыки кругом. Штыки и клинки». Позднее он признавался Иванову: «Я поступил правильно. Я счастлив, что я частное лицо. Я и отказался, чтоб не было никаких поводов давать проливать кровь»¹³.

Известно, что Михаил тщательно редактировал текст Манифеста. Именно он сделал приписку, в которой призвал «благословение Божие» на свой акт. Благодаря этой поправке благословение Божие оставалось на России даже в самые жестокие годы богоборческого произвола.

Ещё ставят в упрёк Михаилу дневниковую запись отрёкшегося царя Николая II, где тот возмущается, что кто-то «надоумил» Михаила включить в Манифест «гадость четырёххвостки», что выборы должны быть всеобщими, прямыми, равными и тайными. Но критики забывают две вещи. Во-первых, царь тут же признал, что «в Петрограде беспорядки прекратились» и «лишь бы так продолжалось дальше». Во-вторых, эта четырёххвостка высекла не монархию, а большевиков. Они-то очень надеялись на легитимацию их власти Учредительным собранием. Но, не получив там и четверти голосов, насильственно распустили его. Тем самым большевики развязали гражданскую войну не только против монархистов и помещиков, но и против большинства российских граждан.

Увы, остановить революцию Михаилу не удалось. Но он затормозил её на девять месяцев в надежде остудить горячие головы, не дать большевикам совратить народ своим лозунгом «превратить войну империалистическую в войну гражданскую».

Помимо своей значимости, как документ эпохи, Манифест имеет непреходящее значение как завещание гражданам России. Законовед

барон Б. Э. Нольде считал, что манифест послужил конституцией страны до роспуска Учредительного собрания. Как ни странно, важнейшие аспекты этой дарованной, на юридическом языке октрауированной (от французского глагола *octroi*), не потеряли своей актуальности и поныне. Это и право народа определять государственное устройство, и всеобщее избирательное право, вошедшее в нынешнюю конституцию Российской Федерации. Правда, В. И. Ленин тут же отменил всенародные выборы, лишив некоторые категории граждан права голоса. Но 5 декабря 1936 года И. В. Сталин восстановил четырёххвостку, будучи уверен, что никого высекать она не будет, ибо граждан уже приучили «правильно» голосовать. Это был беспардонный плагиат. Никакой ссылки на Манифест Михаила не было и в помине. Зато Сталину польстили, объявив 5 декабря Днём Сталинской конституции и красным днём календаря. И советские трудящиеся праздновали этот выходной день, не подозревая, что празднуют день рождения Михаила Александровича (22 ноября по старому стилю).

Доклады М. А. Бабкина и В. Б. Серебренникова вызвали оживлённую, порой острую дискуссию, как этого можно было ожидать. Люди задавали докладчикам вопросы прямо из зала, а иные выходили и к трибуне. Не обошлось и без «хэппининга».

Ольга Ивашинцева об иконе-хранительнице

На сцену вышла Ольга Александровна Ивашинцева. Она скульптор и активист петербургской организации по связи с русским зарубежьем «Русский мир». Она показывает ежедневную газету «Днепровский край» от 5 марта 1917 года, в которой сообщения об «отречениях» Николая и Михаила красуются на первой странице. Это, несомненно, библиографический раритет. Но главная сенсация тут не столько в газете, а в том, как она сохранилась. Оказалось, что подруга Ольги недавно нашла газету за подкладкой иконы, когда пришла нужда её почистить. И случилось это вскоре после того, как Ольга сама заинтересовалась судьбой Михаила и даже подготовила эскизы для мемориальной доски на Миллионной, 12, которую пермяки собирались подарить гражданам Петербурга. Как говорится, на ловца и зверь бежит.

Наталья Крутикова – потомок Брайана Джонсона

Начиная с 1991 года, пермяки всегда подчёркивали, что движение памяти Михаила должно быть гражданским, межконфессиональным и надэтническим. Мы не монархисты и не антимонархисты. Мы держимся вне политики, в том числе и вне церковной политики. Тем не менее, наше духовное лоно то же самое, что и у Михаила: русское православие, русская культура, русское правдоискательство. Мы ничего тогда не знали

о национальности или религии Брайана Джонсона, секретаря Михаила. По некоторым документам сочли его английским подданным. И уже в первой мемориальной доске назвали и его, восхищаясь его подвигом преданности.

Мы всегда утверждали, что память о Михаиле должна быть увековечена не потому, что он великий князь или даже император, а потому, что он знаковая фигура, олицетворяющая миллионы жертв тоталитарного режима, большинство которых не было титуловано и не имело голубых кровей. Поэтому борьба за почтение памяти Михаила – это и борьба за почтение памяти Джонсона и тысяч безвестных репрессированных граждан Советской России самых разных национальностей и конфессий.

На сцену поднимается Наталья Крутикова. Она – руководитель крупной коммерческой компании услуг программного обеспечения ARCOM. Называет себя внучатой племянницей Джонсона. Преисполненная благодарности за то, что имя её предка наконец-то вспомнили не где-нибудь, а во дворце, где Джонсон часто бывал, Наталья Борисовна волнуется до слёз. Для меня, как и для большинства в зале, это откровение. И отрадная новость. Это значит, что в потомках жива память не только о Михаиле, но и о его секретаре, о преданности слуги своему господину, хотя правильнее было бы назвать их отношения товарищескими, поскольку они определялись старой дружбой, когда оба были курсантами артиллерийского училища. Так или иначе, чтя Михаила, мы чтим и всех его верных друзей.

Крестный ход

Уже половина пятого вечера. Поблагодарив ещё раз общество глухих за предоставление дворца для этой незабываемой, чуть ли не чудотворной конференции, отец Геннадий приглашает всех пройти крестным ходом по Английской и Дворцовой набережным до улицы Миллионной и потом дальше до храма Спаса на крови, чтобы влиться там в стояние по случаю дня рождения Николая Александровича. Около ста человек отправляются с церковными хоругвями, иконами и портретами Михаила. Это первый крестный ход памяти Михаила в Петербурге.

Лития на Миллионной, 12

Выйдя Миллионную, остановились у дома № 12. Здесь, недалеко от Зимнего дворца, в квартире князя Павла Путятин Михаил Александрович неожиданно узнал об отречении Николая в его пользу. Здесь он подписал свой единственный государственный акт. Как бы ни относиться к личности Михаила, нет сомнения, что именно здесь решалась судьба России. Именно здесь Михаил принял решение, которому суждено было стать эпилогом царской России и прологом к России нынешней. Здесь

главный поворотный пункт XX века. Но под номером 12 пусто. Нет ни мемориальной доски, ни какого-либо пояснения. Отец Геннадий заводит памятную литию. Крестоходцы оглашают бывшую имперскую столицу троекратным возгласом «Вечная память». Смысл нашей остановки – это место святое. Оно не должно оставаться пустым.

Стояние у храма Спаса на крови в день рождения Николая II

Через несколько минут наш крестный ход вливается в толпу у храма Спаса на крови, построенного в 1883-1907 годах в память об убийстве террористами царя Александра II, реформатора и освободителя крепостных крестьян. Здесь уже собралось несколько сот человек, чтобы отметить день рождения Николая II. И место, и время проведения конференции, как и маршрут крестного хода, были выбраны очень удачно. Казалось, что всё происходило по произволению Божию. Хочется думать, что россияне извлекли горький урок, что ни расправа с царями, ни классовая борьба, ни оголтелое безбожие проблем не только не решают, а только их усугубляют.

Хочется надеяться, что не далёк тот день, когда память Михаила будет, наконец, почтена не только в Перми, где он погиб, но и в Петербурге, где он служил, и в Брасово, где он вёл образцовое хозяйство, и в Москве, которую он и его жена Наталья Сергеевна Брасова любили больше всего. Да и по всем городам и весям Великой России, которой он служил верой и правдой до самого смертного конца. Он был один за всех. Теперь пора всем встать за одного. Да вознесёт Россия Михаила Александровича на престол славы всероссийской! И узнает в нём своего национального героя. И почтит его как патриота, защитника отечества, миротворца и праведного христианина.

Панихида у иконы в церкви Серафима Саровского

Конференция была переполнена благодатью. Невольно думалось, что сам Михаил Второй был нашим покровителем. Благодать наполнила весь день, среду 19 мая, и перехлестнула через край на четверг 20 мая. Отец Геннадий любезно предложил иногородним, Светлане Рожковой и мне, остаться в Петербурге, чтоб на другое утро принять участие в ещё одном знаменательном событии. Он предложил нам съездить в церковь святого преподобного Серафима Саровского на Серафимовском кладбище и помолиться там Казанской иконе Божией Матери, некогда подаренной Михаилу Александровичу. Мы с радостью приняли это предложение и отправились каждый в свою келью на Леушинском подворье.

Рано утром отец Геннадий усадил нас в свой вездеход, и через полчаса мы были уже на кладбище. Это одно из главных городских кладбищ. Здесь погребено более 100 тысяч героев блокады. Здесь же захоронены

многие из жертв затонувшей подводной лодки «Курск».

Нас встретил настоятель храма протоиерей Николай Коньков. Сюда же приехал игумен Митрофан со своим братом. Подходим к большой, чуть не в метр, иконе. Теперь всем стало ясно, почему прихожане так любили эту икону. Помолились, вспоминая нелёгкую судьбу самой иконы. Поставили свечки. Духовные отцы наши отслужили литию. Было решено, что эта икона должна обязательно побывать с крестным ходом, который планируется 12 июня в Локте с выходом на Площанскую пустынь, монастырь, где она была написана в дар малолетнему Мише.

Заключение

На обратном пути делимся впечатлениями, подводим итоги. Машина то и дело попадает в пробки. А отцу Геннадию постоянно звонят из разных СМИ. Он спокойно выкручивается из пробок и даёт чёткую оценку конференции: «Такое ощущение, что мы все вместе попали в духовную десятку. Эта конференция попала в нерв нашего современного сознания, Мы... не встретили ни одного препятствия, которое не было бы преодолено. Я это воспринимаю как чудо самого Михаила Александровича. Если до этого я почитал его как великого исторического деятеля, сыгравшего судьбоносную роль в истории России, то после конференции он мне открылся как молитвенник, как святой князь-страстотерпец... общественная значимость конференции... состоит в том, что мы теперь все более будем воспринимать образ царя-мученика в единстве с подвигом его брата великого князя Михаила Александровича. Всё более открывается тот факт, что это была одна голгофа, один крест, одно деяние... (конференция) стала какой-то новой вехой в осмыслении его жизни, его подвига. Она показала, что без него нам не понять русскую трагедию и катастрофу XX века, и, стало быть, не найти из нее выход»¹⁴.

Я говорю «аминь», и мы оба мечтаем, что когда-нибудь будет написана в России не только икона благоверного правителя и страстотерпца Михаила, но и двуединая икона братьев Николая и Михаила. Так и на заре русской истории благоверные князья Борис и Глеб пали от руки Святополка Окаянного, ибо не хотели затевать междоусобные распри и гражданскую смуту.

Не могли не подивиться и тому, что нас впервые услышали в обществе глухих. Не только услышали, но сделали сурдоперевод. А ведь это прямой выход на глухих всего мира. Такую глобализацию мы одобряем. Как филолог, отец Геннадий привык мыслить образно. А его семинарское образование придаёт образам духовную направленность. Для нас, иногородних, он ещё и гид-экскурсовод. Он не родился в Санкт-Петербурге, но знает и любит свой город. Проезжая мимо моста лейтенанта Шмидта, сейчас снова Благовещенский, отец Геннадий показывает нам крейсер «Аврора» на том берегу. Говорит, что залп,

возвестивший штурм Зимнего дворца, был произведён с крейсера, когда тот был зашвартован по эту сторону Невы недалеко от дворца Михаила, кормой к нему. И тут же себя перебивает: «Знаете, мне кажется, что вчера мы произвели из дворца антивыстрел по «Авроре». Конечно, наш заряд был интеллектуальный и духовный, но именно такой, какой нужен, дабы одолеть шаблоны революционной идеологии насилия и лжи. Дай Бог, чтоб наш выстрел был услышан. Кажется, Россия готова отрешиться от соблазна решать проблемы модернизации царевубийством, речами с броневиков и выстрелами из пушек.

¹ Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Док-ты, мат-лы следствия, дневники, воспоминания / Сост. В. М. Хрусталёв, Л. А. Лыкова. – Пермь: Пушка, 1996.

² Обращение к гражданам Перми и всей России. 24 июля 2006 года. <http://www.rv.ru/content.php3?id=6417>

³ Krasnow W George. Who Was Russia's Last Tsar? // European Royal History Journal, Volume 10.1 February 2007.

⁴ Краснов В. Г. Памяти Михаила Романова похвальное слово // Московские новости – 2007. – 29 июня. – № 25. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/34134#D0.A1.D1.81.D1.8B.D0.BB.D0.BA.D0.B8>.

⁵ Долматов В., Лыкова Л. Романовы: Подвиг во имя любви – М.: Достоинство, 2010.

⁶ Хрусталёв В. М. Великий князь Михаил Александрович. – М.: Вече, 2008.

⁷ Кроуфорд Р., Кроуфорд Д. Михаил и Наталья: Жизнь и любовь последнего русского императора / Пер. с англ. А. Микоян. – М.: «Захаров», 2008.

⁸ Чернышова-Мельник Н. Д. Отрёкшийся от престола: Жизнь и любовь Михаила Романова. – М.: Энас, 2009.

⁹ Доклад М. А. Бабкина был подготовлен на основе его аналитической статьи «Поместный собор 1917–1918 гг.: вопрос о совести православной паствы», опубликованной в журнале «Вопросы истории» (2010. – № 4).

¹⁰ См.: Краснов В. Г., Серебренников В. Б. Манифест Михаила II – завещание русскому народу // Уральская Голгофа: Мат-лы IV междунаrod. науч.-практ. конф. «Эпоха Николая II: политика, экономика, культура». Г. Пермь, 10-11 июня 2009 г. – Пермь, 2009. – Вып. 4. – С. 17-31.

¹¹ Вениамин (Гомартели), монах. Летопись церковных событий 1917 года // РЛ <http://www.rusk.ru/st.php?idar=25309>.

¹² Бабкин М. А. Поместный собор 1917–1918 гг.: вопрос о совести православной паствы // Вопросы истории. – 2010. – № 4. – С. 60.

¹³ Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Док-ты, мат-лы следствия, дневники, воспоминания / Сост. В. М. Хрусталёв, Л. А. Лыкова. – Пермь: Пушка, 1996. – С. 51.

¹⁴ Интервью Геннадия Беловолова с Русской народной линией http://ruskline.ru/news_rl/2010/05/20/protoierej_gennadij_belovolov_eta_konferenciva_popala_v_nerv_nashego_sovremennogo_soznaniya/.

В. Б. Серебrennikov

*Член учёного совета Русского географического общества,
академик Петровской академии наук и искусств
г. Обнинск*

Память имения Брасово

(Заметки о проведении первых памятных дней великого князя Михаила Александровича, последнего российского императора, на Брянской земле)

12 июня 2010 года, в день 92-й годовщины убийства Михаила Александровича Романова в Перми, состоялись посвященные его памяти мероприятия в центральной усадьбе имения великого князя «Брасово» – посёлке Локоть, центре Брасовского района Брянской области, образованного в основном на землях бывшего имения.

Утром 12 июня на лужайке перед полностью уничтоженным дворцом была отслужена панихида памяти Михаила Александровича у выставленных портретов великого князя и его брата Николая II.

В расположенном в нескольких километрах монастыре Площанская пустынь, предтечи Оптинского старчества, настоятель Свято-Успенского храма Мурманской епархии, председатель Комиссии по канонизации святых, кандидат богословских наук игумен Митрофан по благословлению владыки Симона совершил акт дарения копии моленной иконы великого князя Михаила Александровича «Богоматерь Казанская». Икона была написана в Площанской пустыни монахом Савватием в 1888 году в память о чудесном спасении царской семьи при крушении поезда и была личной иконой среднего брата Георгия, владельца Брасовского имения и наследника российского престола с воцарения на троне старшего брата Николая в 1894 году до своей кончины от туберкулеза в 1899 году. Имение вместе с иконой перешло к младшему брату Михаилу, ставшему до рождения племянника Алексея Николаевича в 1904 году наследником престола. В 1917 году Николай II отрёкся от престола в пользу брата Михаила. Находившаяся в петербургском дворце великого князя икона стала царской. В настоящее время она хранится в Свято-Серафимовском храме Петербурга.

В полдень во Дворце культуры посёлка Локоть состоялись чтения, посвящённые жизни и деятельности Михаила Александровича, ставшие, по существу, конференцией. Полный зал Дворца с большим числом молодёжи в знойный день, при параллельно идущих торжествах Дня России уже говорил об интересе локотчан к истории своего края и личности великого князя. На сцене – портрет Михаила Александровича

и картины, посвящённые эпизодам из жизни великого князя и его жены графини Натальи Сергеевны Брасовой (Шереметьевской), написанные старейшим учителем математики и рисования посёлка Локоть Еленой Ивановной Евсюниной.

К открытию чтений с Брянской делегацией подъехала петербургская журналистка и писательница Наталия Дмитриевна Чернышова-Мельник для презентации своей книги «Жизнь и любовь Михаила Романова», первое издание которой вышло в 2009 году в издательстве «ЭНАС». Накануне Н. Д. Чернышова-Мельник выступила по брянскому радио и телевидению с рассказом о личности великого князя и своей книге.

Чтения открыл глава администрации Брасовского района Сергей Николаевич Лавокин. В своей приветственной речи он коснулся памяти о великом князе, живущей в потомках брасовчан, которым, как он сказал, есть чем гордиться и у которых есть то, что всех объединяет, озвучил идею о необходимости возрождения Локоти в качестве историко-культурного центра и напутствовал собравшихся на успешную работу чтений.

Н. Д. Чернышова-Мельник рассказала о процессе написания книги, об истории любви Михаила Александровича Романова и Натальи Сергеевны, о высоконравственных личных качествах великого князя, его патриотизме, героических деяниях во время Первой мировой войны, высоком авторитете среди горских народов Кавказа, о Манифесте от 3 марта 1917 года уже ставшего императором Михаила II и демократических началах Манифеста. По ходу выступления молодые артисты театральной студии Локоти зачитывали отдельные эпизоды из книги. Живой интерес зала выражался в многочисленных вопросах о личной жизни великого князя и полемике о событиях 1917 года, предшествовавших написанию Манифеста Михаила II.

Выступавшие локотчане, среди которых были старейший краевед района, автор более сотни статей об имени и его владельцах Борис Васильевич Осипов, учитель школы Татьяна Ивановна Герасимова и другие, делились услышанными от старшего поколения брасовчан воспоминаниями о великом князе, об имени, являвшимся процветающим, с высоким уровнем жизни населения, многоотраслевым хозяйством (от сельского до промышленного), где были и чугунолитейный завод, и механические «заведения».

Поэтесса, член Союза писателей России Маргарита Валерьевна Денисова прочитала свои стихи, посвящённые Михаилу Александровичу.

Начальник управления архитектуры и градостроительства Брянской области Евгений Фролович Филатов обратился с приветствием к собравшимся и рассказал о градостроительных проектах в районе.

Всеобщее оживление в зале вызвало появление на сцене игумена Митрофана (Баданина), вернувшегося из Площанской пустыни. Игумен рассказал о чтимой «моленной иконе великого князя Михаила Александровича» и её спасении своим прадедом – управляющим

петербургского дворца Михаила Александровича Степаном Никитичем Пименовым – во время разорения дворца. До 1959 года икона хранилась в семье, а затем была передана Свято-Серафимовскому храму. Далее игумен Митрофан поделился своими творческими планами, рассказал про свою книгу о великом князе Михаиле Александровиче, которую он дописывает и презентацию которой он собирается устроить в Локоти в следующем году. Посещение бывшего Брасовского имения для игумена было знаменательным также и тем, что в этот день была десятилетняя годовщина его монашеского пострига. До перехода в священнослужители игумен служил Отечеству в Военно-Морском флоте в звании капитана второго ранга.

Итог чтений кратко подвёл автор этих строк в заключительном выступлении, сконцентрировав внимание на демократическом приходе к власти Романовых, на роли Михаила Александровича в мировой и российской истории как военного и государственного деятеля, внёсшего значительный вклад как в ход военных действий в Первой мировой войне, так и в демократическое переустройство мирового сообщества, – ценностей, в той или иной форме привнесённых и в советское военное искусство, и в советскую конституцию, сталинская редакция которой, случайно или нет, была принята в день рождения великого князя. Рассказ о его высоконравственных качествах не устранился и сталинской цензурой из мемуаров выдающегося полководца Первой мировой войны А. А. Брусилова. Было обращено внимание на то, что официальная реабилитация Михаила Александровича состоялась лишь год назад, 8 июня 2009 года по запросу в Генеральную прокуратуру Российской Федерации председателя Пермского краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и руководителя программы «Святой Михаил» Льва Валентиновича Перескокова, а также на то, что Русская Православная Церковь его ещё не канонизировала, несмотря на канонизацию в 1981 году Зарубежной Русской Православной Церковью. В связи с этими обстоятельствами в бывшей столице России Санкт-Петербурге только в мае 2010 года по инициативе информгентства «Русская народная линия» и мемориального музея-квартиры св. Иоанна Кронштадтского (сопредседатели оргкомитета – главный редактор «Русской народной линии» Анатолий Дмитриевич Степанов и настоятель храма св. Иоанна Богослова протоиерей Геннадий Беловолов) состоялась первая Санкт-Петербургская научно-историческая конференция, посвящённая памяти Михаила Романова, под девизом «Мы открываем для Петербурга имя благоверного великого князя Михаила Александровича».

В Перми, где за пять недель до убийства семьи экс-императора Николая II был убит юридический носитель монархического правления Михаил II, в память о нём в 1991 году была установлена мемориальная доска по инициативе уроженца Перми, американского учёного и общественного деятеля, доктора философии, президента Общества

российско-американской дружбы в Вашингтоне Владислава Георгиевича Краснова; в 1996 году вышел первый в России сборник документальных материалов «Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы» московских историков-профессионалов Людмилы Анатольевны Лыковой и Владимира Михайловича Хрусталёва. По благословению епископа Пермского и Соликамского, преосвященного Иринарха, при поддержке краевой и городской власти с 2006 года проводятся международные конференции, приуроченные к 12 июня, и крестные ходы 12 июня к месту предполагаемого убийства Михаила Александровича, которому посвящён и виртуальный музей в гимназии имени выдающегося импресарио, пермского уроженца С. П. Дягилева.

После чтений энтузиасты и организаторы памятных мероприятий в Локоти, директор детской библиотеки и директор и организатор общественного музея памяти великого князя Михаила Александровича в посёлке Локоть, художница Светлана Николаевна Рожкова и сотрудница управления архитектуры и градостроительства Брянской области, уроженка Локоти Нина Анатольевна Васильцова, организовали экскурсию по памятным местам бывшей центральной усадьбы имения и музею.

Посёлок Локоть в советское время вписался в дворцово-парковый ансамбль центральной усадьбы имения, что уже является памятью о последнем владельце. Практически сохранилась старая парковая планировка усадьбы, представляющая собой двуглавого орла – символа российской государственности, что можно увидеть с высоты птичьего полёта или вообразить эту композицию, обойдя старые аллеи и рощи. Формировавшие центральную часть усадьбы липовые, берёзовые, пихтовые, лиственничные, ивовые аллеи в основном сохранились до наших дней. Вдоль них расположились здания современной Локоти. Крыльями служили сосновая и дубовая, с прудами и мостиками, рощи. Фактически сохранился партер усадьбы – открытая часть парка перед несохранившимся дворцом, с прилегающими к партеру рощицами. Партер с уклоном к югу представляет собой рельефный ландшафт, изображающий двуглавого орла на площади около одного гектара. Коронай был сам дворец. Время и исторические события пощадил орла, и он хорошо просматривается с открытой верхней площадки на месте бывшего дворца. Атрибуты партера – скульптуры, цветники, газоны не сохранились, кроме остатков разрушенного фонтана, образовывавшего с верхним пандусом «тело» орла. Нижний пандус формировал лапы орла, а его хвостом была водопадная лестница, поделённая на три части, крайние из которых были пешеходными лестницами со скульптурами. Чуть дальше идёт хорошо просматриваемая широкая пойма реки Неруссы, где была система прудов и канавок, часть которых сохранилась до настоящего времени. Среди действующих предприятий Локоти, построенных на базе заводов и фабрик имения, – Брасовский машиностроительный и спиртовой заводы.

Фонды музея пополнялись годами. На стендах – обилие фотографий, в том числе малоизвестных, связанных с Михаилом Александровичем, его женой Натальей Сергеевной, выдающимися гостями имения, в числе которых были Сергей Васильевич Рахманинов с женой Натальей Александровной, академик живописи Станислав Юлианович Жуковский, запечатлевший на своих полотнах экзотические места имения и интерьеры дворца.

Поразила богатейшая подборка материалов о великом князе: копии архивных архивов, публикации, монографии, в том числе докторов исторических наук Л. А. Лыковой и В. М. Хрусталёва, многочисленные публикации в зарубежных и российских периодических изданиях доктора философии В. Г. Краснова, посетившего в апреле 2010 года бывшее имение Брасово, ставший библиографической редкостью фундаментальный труд английских авторов Розмари и Дональда Кроуфордов в переводе с американского издания 1997 года Ашхен Микоян, внучки А. И. Микояна, под названием «Михаил и Наталья: Жизнь и любовь последнего русского императора» (М.: Захаров, 2008). В этом труде отношения Михаила Александровича и Натальи Сергеевны разворачиваются на фоне эпохальных исторических, военных и политических событий начала XX века.

Торжества по случаю Дня России затянулись далеко за полночь.

Л. В. Перескоков

*Искусствовед, член Центрального совета,
председатель Пермского краевого отделения ВООПИиК
(г. Пермь)*

Баловень судьбы

(О книге Н. Д. Чернышовой-Мельник, посвящённой
великому князю Константину Константиновичу)

«На изломе XIX века, весной 1897 года в Санкт-Петербурге, возле Петропавловского собора начались работы по возведению великокняжеской усыпальницы. Через несколько лет это уникальное по своему назначению и красоте здание, созданное архитекторами Д. Гриммом, А. Тимошко и Л. Бенуа, по праву заняло достойное место в ряду с такими символами города, как Адмиралтейство, Зимний дворец, Михайловский замок, Петропавловский, Исаакиевский, Смольный соборы...

Освящение усыпальницы состоялось 5 ноября 1908 года. Об этом знаменательном событии оповестили жителей все столичные газеты...

На четвертый день после освящения усыпальницы в ней был погребён первый из покоящихся ныне в её склепах членов императорской фамилии – великий князь Алексей Александрович. Через три месяца состоялось захоронение великого князя Владимира Александровича. Каждое из них включало уложенную вровень с полом надгробную мраморную плиту в бронзовой раме, обнесённую фризом из серого мрамора. В подножии возвышалась постава с золочёным крестом и укреплённым на ней киотом Богоматери. Перед иконой висела лампада. В изголовье отливал позолотой знак ордена св. Георгия.

Именно так предполагалось оформить и захоронение одного из самых выдающихся представителей Дома Романовых – великого князя Константина Константиновича, скончавшегося 2 июня 1915 года в Павловске. Его похороны в великокняжеской усыпальнице стали последними перед катастрофой, разразившейся в нашей стране в октябре 1917...».

Так начинается книга Наталии Дмитриевны Чернышовой-Мельник «Баловень судьбы. История жизни Константина Романова», изданная в Москве ЗАО «Издательством НЦ ЭНАС» в 2008 году. Эта книга – яркий рассказ о человеке, чьё имя в советское время даже не произносили. Великий князь Константин Константинович – один из самых ярких представителей Дома Романовых. Поэт, произведения которого вся предреволюционная Россия знала по криптону К. Р., драматург, переводчик, актёр, художник, музыкант, военачальник, учёный, более четверти века возглавлявший Академию наук. И это всё сочеталось в одном человеке. На его стихи сочиняли романсы П. И. Чайковский и С. В. Рахманинов, некоторые стихи становились народными песнями.

А он принадлежал к императорской фамилии, Александру III приходился кузеном, Николаю I – внуком... Книга написана на документальном материале. В ней цитируются воспоминания многих современников о Константине Константиновиче, дневник великого князя, который он вёл более сорока лет, его переписка с выдающимися деятелями русской культуры.

Л. А. Лыкова

*Доктор исторических наук, главный специалист
Российского государственного архива социально-политической
истории
(г. Москва)*

Временно и условно отрекаясь...
**(Обзор книги В. М. Хрусталёва о великом князе
Михаиле Александровиче)**

Книгу В. М. Хрусталёва «Великий князь Михаил Александрович», выпущенную издательством «Вече» в 2008 году в серии «Царский Дом», открывает предисловие, которое вводит читателя в исторические события, связанные с судьбой младшего брата Николая II – Михаила.

Первая глава книги посвящена рождению великого князя Михаила Александровича.

Михаил родился 22 ноября 1878 года¹ в Аничковом дворце Санкт-Петербурга, в семье цесаревича Александра Александровича (будущего императора Александра III) и великой княгини Марии Фёдоровны (датской принцессы Дагмар). Он был пятым, предпоследним ребёнком у августейших родителей².

Автор книги привёл огромное количество оригинальных исторических документов, свидетельствующих о появлении на свет Михаила.

Главы со 2-й по 6-ю автор посвятил описанию детства великого князя Михаила Александровича, начиная с трагического события – убийства императора Александра II; его учебе в Гатчине. Дневниковые записи, цитируемые В. М. Хрусталёвым, свидетельствуют также о горе 15-летнего подростка, вызванном смертью отца. О взрослении Михаила Александровича, о приобщении его к военной и государственной службе автор рассказывает на примере его записей в дневнике.

В седьмой главе автор, основываясь на неизвестных для исследователей источниках, повествует о карьере гвардейского офицера. Здесь приведены свидетельства современников и их оценка великого князя Михаила Александровича как личности.

В воспоминаниях графа С. Ю. Витте имеется краткая характеристика: «Как по уму, так и по образованию великий князь Михаил Александрович представляется мне значительно ниже способностей своего старшего брата Государя императора, но по характеру он совершенно пошёл в своего отца». В. М. Хрусталёв отметил, что лучше других Михаила Александровича знал полковник А. А. Мордвинов. Он с 1904 по 1912 год состоял при нём адъютантом. В воспоминаниях, которые

практически неизвестны в России, Мордвинов подробно описал начало службы и первые впечатления о своём шефе: «Великий князь Михаил Александрович уже насчитывал в ту пору более 27 лет, но, несмотря на этот возраст, казался ещё совершенно юношей...».

Много места в книге отведено описанию любовного романа Михаила Александровича, который, по воспоминаниям графини Л. Н. Воронцовой-Дашковой, развивался бурно: «Браку великого князя предшествовал длительный роман. ...В 1908 году он командовал эскадрой Кирасирского её величества полка, шефом которого состояла мать великого князя, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. Полк стоял в Гатчине, под Петербургом. Там на одном из полковых праздников великому князю в числе других жён офицеров была представлена Наталия Сергеевна Вульферт.

Это, казалось бы, мимолетное знакомство перешло в длительный роман...».

В. М. Хрусталёв подробно, на основе многочисленных источников, рассказал о Наталье Вульферт³.

Глава 10-я «Вопреки монаршей воли» продолжает любовную тему, здесь документально рассказана почти детективная история венчания.

Главы 11-я и 12-я посвящены событиям жизни опальной семьи в изгнании и её возвращению в Россию.

В августе 1912 года великий князь Михаил Александрович с женой и детьми поселились в Англии, в загадочно арендованном у лорда Литтона замке Небворт, в 20 милях севернее Лондона. Они часто бывали во Франции и Италии. Новым секретарём великого князя стал Брайан (Николай Николаевич) Джонсон, который, хотя и имел в своей родословной английские корни, но был русским по происхождению. Он, как и Михаил Романов, окончил Михайловское артиллерийское училище.

После начала Первой мировой войны состоялось возвращение Михаила Александровича в Россию. Очевидно, что он стремился вернуться в Россию, но буквально накануне встречи с матерью – императрицей Марией Фёдоровной – им было отправлено письмо государю Николаю Александровичу, которое впервые приведено в книге полностью. Из воспоминаний графини Л. Н. Воронцовой-Дашковой следует, что разлука с Родиной стала особенно тяготить великого князя Михаила Александровича, когда в 1914 году вспыхнула война и когда он по долгу военного должен был быть на фронте. Неожиданную помощь великий князь вновь получил со стороны старого графа И. И. Воронцова-Дашкова – он стал начальником «Дикой дивизии».

Михаил Александрович осознавал, что на фронте никто не застрахован от смерти, а он не привык прятаться за спины других. Он чувствовал свою ответственность за благополучие жены и сына. Очевидно, всё это побудило его вновь написать письмо Николаю II.

Февральская революция, которой автор посвятил главу 16-ю, застала

Михаила Романова в Гатчине, где он вёл тихую провинциальную жизнь, временами выезжая по служебным делам в Петроград. Как видно из дневниковой записи, события в Петрограде были восприняты великим князем как незначительные беспорядки, которые не вызвали в нём особого беспокойства.

В. М. Хрусталёв обратился к содержанию многочисленных документальных источников и попытался выявить степень участия в февральских событиях великого князя Михаила Александровича. 27 февраля великий князь прибыл в Петроград и имел совещание с членами Государственной думы. Автор приводит малоизвестные документы, характеризующие события Февраля. Это воспоминания М. В. Родзянко, П. Н. Милоюкова и др. По просьбе М. В. Родзянко, Михаил Александрович переговорил 27 февраля с императором Николаем Александровичем. Он просил создать правительство доверия, но Николай II отказался последовать совету брата.

События этого дня Михаил Александрович записал в дневнике. Он проживал на Миллионной, 12 в квартире князя М. С. Путятина.

2 марта 1917 года Родзянко поставил вопрос об отречении Николая II в пользу цесаревича Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича. В своём письме он просил великого князя повлиять на Николая II.

Великий князь Михаил Александрович 3 марта 1917 года сделал краткую запись в дневнике: «В 6 ч. утра мы были разбужены телеф[онным] звонком. Новый мин[истр] юстиции Керенский мне передал, что Совет мин[истров] в полном его составе приедет ко мне через час...».

Перечисленные выше события предшествовали главному акту политического спектакля, а по своей сути, разыгранному фарсу с отречением Михаила Романова.

Реконструкцию хода совещания В. М. Хрусталёв излагает по дневнику французского посла Мориса Палеолога, который 4 марта 1917 года сделал следующую подробную запись в дневнике: «...Наконец, Михаил Александрович взял перо и подписал **акт временного и условного отречения** (выделено мною. – Л. Л.). В продолжение всех этих долгих и тяжелых споров великий князь ни на мгновение не терял своего спокойствия и своего достоинства. До тех пор его соотечественники невысоко его ценили; его считали человеком слабого характера и ограниченного ума. В этот исторический момент он был трогателен по патриотизму, благородству и самоотвержению.

Когда последние формальности были выполнены, делегаты исполнительного комитета не могли удержаться, чтобы не засвидетельствовать ему, какое он оставлял в них симпатичное и почтительное воспоминание. Керенский пожелал выразить общее чувство ладипарной фразой, сорвавшейся с его губ в театральном порыве:

– Ваше высочество! Вы великодушно доверили нам священный сосуд

вашей власти. Я клянусь вам, что мы передадим его Учредительному собранию, не пролив из него ни одной капли!»).

В этот же день Михаил Александрович, разбитый всем пережитым за эти три дня, уехал к себе в Гатчину, где его ждала жена Н. С. Брасова.

Подписав акт об отказе «восприятия верховной власти до решения Учредительного собрания», Михаил Романов посчитал, что выполнил свой долг, как он его понимал.

Таким образом, вопрос о власти формально оставался открытым до решения Учредительного собрания, а Михаил Романов сохранял права на российский престол.

О событиях и судьбе великого князя Михаила Александровича во времена Октябрьского переворота повествует глава 19-я. В. М. Хрусталёв на примере малоизвестных подлинных документов пишет о том, кто и каким образом спровоцировал арест Михаила Александровича.

Имя Михаила Романова вновь попало, как в дни «корниловского мятежа», – на этот раз в боевые сводки Центробалта и Смольного. В дни Октябрьского переворота в радиogramмах Центробалта звучало: «Центробалт предостерегает от радио, распространяемых Керенским, соединившимся с Михаилом Александровичем, Корниловым и Калединым...». Был вновь использован тезис о монархической угрозе.

На самом деле великий князь во время переворота большевиков продолжал мирно жить в Гатчине.

В главе 20-й «Место ссылки – Пермь» автор на основе документов высших органов советской власти, мемуаров, дневников полно изложил исторические факты – арест великого князя Михаила Александровича, поимённо назвал тех, кто принимал решение о высылке его в Пермь.

Арест Михаила Романова и ряда граждан Гатчины послужил поводом для рассмотрения вопроса о судьбе великого князя на заседании Совнаркома 9 марта 1918 года. На нём присутствовало 24 комиссара, в том числе В. И. Ульянов (Ленин), Г. И. Петровский, В. Р. Менжинский, В. А. Карелин, А. В. Луначарский, Н. В. Крыленко, Н. И. Подвойский, И. В. Сталин, Л. М. Карахан и др. На этом заседании было вынесено решение, подписанное В. И. Лениным: «...бывшего великого князя Михаила Александровича Романова, его секретаря Николая Николаевича Джонсона, делопроизводителя Гатчинского дворца Александра Михайловича Власова и бывшего начальника Гатчинского железнодорожного управления Петра Людвиговича Знамеровского выслать в Пермскую губернию впредь до особого распоряжения. Местожительство в пределах Пермской губернии определяется Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, причём Джонсон должен быть поселён не в одном городе с бывшим великим князем Михаилом Романовым».

«Почему в Пермскую губернию?» – задает вопрос В. М. Хрусталёв. Ответ очевиден. И без объяснений было ясно. Михаила Романова, как

наиболее реального и ещё не оклеветанного претендента на престол, необходимо было надёжно упрятать. Такими местами являлись Урал и Пермь, где большевики имели большое влияние в Совдепах со второй половины 1917 года.

17 марта ссыльные под конвоем «товарищей» Квятковского, Менгель, Эглита, Лейнгарта, Эликса, Гинберга и Шварца были доставлены в Пермь. Именно в этот день петроградскому конвою была выдана расписка председателя исполкома Пермского Совдепа А. Л. Борчанинова, в которой значилось: «Настоящую расписку Пермский исполнительный комитет С.Р. и С.Д. дал в том, что препровождённые арестанты: гражданин Михаил Александрович Романов (бывший великий князь), гражданин Николай Николаевич Джонсон, делопроизводитель Гатчинского дворца Власов и бывший начальник жандармского отделения Балтийской железной дороги гражданин Пётр Людвигович Знамеровский действительно в Пермь доставлены и Пермским исполнительным комитетом С.Р. и С.Д. приняты».

В Перми ссыльных встретили негостеприимно. Пермский губисполком 17 марта 1918 года вынес решение: «Заклочить Романова в тюремную больницу, остальных на общий тюремный режим и информировать об этом Комиссариат внутренних дел».

Михаил Романов и Н. Н. Джонсон одновременно направили телеграммы В. Д. Бонч-Бруевичу и М. С. Урицкому. На следующий день, то есть 21 марта 1918 года, ссыльные направили коллективную телеграмму в знак протеста на имя наркома просвещения А. В. Луначарского.

В главе 21-й «Похищение и убийство Михаила Романова» автор использовал уже известные документы и ранее им опубликованные. Интерес представляет его интерпретация отсутствия записи в дневнике Михаила Романова за 12 июня. Последняя запись в дневнике была сделана за день до трагической развязки и ничего особенного не предвещала: «Пермь, 29 [мая] / 11 июня. Вторник. Сегодня боли были послабее и менее продолжительные. Утром читал. Днём я на час прилёг. К чаю пришёл Знамеровский и мой крестник Нагорский (правовед), он кушал с большим аппетитом, ещё бы, после петроградского голода. Потом я писал Наташе в Гатчину. Доктор Шипицин зашёл около 8¹/₂. Вечером я читал. Погода была временами солнечная, днем шёл недолго дождь. 13¹/₂°, вечером тоже. Около 10 [ч.] зашёл мой крестник правовед Нагорский проститься, он сегодня же уезжает в Петроград».

Следует заметить, пишет В. М. Хрусталёв, что Михаил Александрович регулярно и аккуратно заполнял дневник, и отсутствие последней записи от 12 июня 1918 года наводит на определённые размышления. Возможно, великий князь не успел заполнить дневник, чему помешал его арест, а возможно, последняя запись была изъята после обыска помещения чекистами. Во всяком случае, Михаил Романов перед арестом был поднят из постели, о чем имеются несколько свидетельств.

На первый взгляд, определенно, забеспокоились в Екатеринбурге. Так, 13 июня председатель Уральского облисполкома А. Г. Белобородов спешно запрашивал по телеграфу:

«Пермь. Чрезвычайной комиссии.

Немедленно телеграфно сообщить: когда был привезен [в] Пермь Михаил [Романов], кому сдан, каковы были указания режима, от кого они исходили, какие меры принимал губсовдеп усилению режима, кем было отменено содержание его [в] тюрьме? Что дало следствие, кто арестован, их фамилии, также показания. Белобородов».

На телеграмме имеется помета: «Дзержинскому, Троцкому».

¹ Даты даются до февраля 1918 года по старому стилю. В некоторых необходимых случаях рядом указываются даты по новому стилю.

² Второй сын великий князь Александр Александрович умер в младенческом возрасте.

³ Любовная история великого князя Михаила Александровича великолепно изложена в книге Р. и Д. Кроуфордов «Михаил и Наталья. Жизнь и любовь последнего русского императора» (М.: Захаров, 2008).

Великая Княгиня Леонида Георгиевна

Некролог

В ночь с 23 на 24 мая 2010 года в Мадриде на 96-м году жизни скончалась Великая Княгиня Леонида Георгиевна.

Пермское краевое и Пермского городского отделения Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (ВООПИиК) от лица участников Романовских чтений в Перми «Уральская Голгофа» – V международной научно-практической конференции «Русская цивилизация: эпоха конца и вновь начала» выражают глубокое соболезнование родным и близким Великой Княгини Леонида Георгиевны, Главе Российского Императорского Дома Великой Княгине Марии Владимировне, Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Георгию Михайловичу, а также дочери Леонида Георгиевны графине Елене Двинской.

Её Императорское Высочество Великая Княгиня Леонида Георгиевна родилась 23 сентября 1914 года (по старому стилю) в Тифлисе. Её отцом был князь Георгий Александрович Багратион-Мухранский, Глава Грузинского Царского Дома. В 1931 году Леонида Георгиевна была

вынуждена вместе с семьёй уехать в эмиграцию. Спустя три года она стала женой американского бизнесмена Сэмнера Мура Керби, погибшего во время Второй мировой войны. От первого брака она родила дочь Елену, позднее получившую от Главы Российского Императорского Дома титул графини Двинской.

В 1946 году брат Леониды Георгиевны, князь Ираклий Багратион-Мухранский решил жениться на испанской инфанте Мерседес. По запросу её отца Глава Российского Императорского Дома великий князь Владимир Кириллович, изучив все обстоятельства дела, признал семью Багратион-Мухранских Грузинским Царским Домом, подтвердив таким образом их династический статус.

В 1948 году сама Леонида Георгиевна стала женой Великого Князя Владимира Кирилловича. Поскольку её династический статус был признан, согласно международным династическим нормам, этот брак находился в соответствии с Учреждением об Императорской Фамилии Основных Государственных Законов Российской Империи 1906 года и считался равнородным с точки зрения российского династического права. В 1953 году у молодожёнов родилась дочь Мария. После кончины отца, последовавшей в 1992 году, она возглавила Российский Императорский Дом Романовых.

С начала 1990-х годов Леонида Георгиевна принимала активное участие в общественной деятельности на территории Российской Федерации, особенно много занимаясь благотворительностью. До последних лет Великая Княгиня ежегодно по нескольку раз посещала Россию, которую всегда считала своей Родиной. Великая Княгиня Леонида Георгиевна похоронена в Петропавловской крепости рядом со своим мужем. Она была последним представителем Дома Романовых, родившимся в Российской Империи.

**Пермское краевое и Пермское городское отделения
Всероссийской общественной организации
«Всероссийское общество охраны памятников истории и
культуры» (ВООПИиК)**

Приложения

План мероприятий «Романовские дни в Пермском крае-2010» (Город Пермь, 9 – 13 июня 2010 года)

9 июня - День заезда иногородних участников конференции

**10 июня - V международная научно-практическая конференция
«Русская цивилизация: эпоха конца и вновь начала»**

Культурно-деловой центр, малый зал, ул. Куйбышева, 14

9.00 – регистрация участников конференции.

9.45 – пресс-конференция.

10.10 – торжественное открытие. Концерт духовной музыки.

10.50 – перерыв.

11.00 – пленарное заседание.

11.40 – презентация книги Владимира Хрусталева «Великий князь Михаил Александрович».

12.00 – обеденный перерыв.

14.30 – презентация книги «Романовы. Подвиг во имя любви» (составители Владимир Долматов и Людмила Лыкова).

15.00-18.00 – продолжение пленарного заседания.

19.00 – театральные вечера (по предварительной записи).

Приглашает Пермский государственный академический театр оперы и балета имени П. И. Чайковского на спектакль Клаудио Монтеверди «Орфей», поставленный впервые в России.

11 июня - Продолжение работы конференции

9.00 – регистрация участников конференции.

9.45 – представление фильма «Император, который знал свою судьбу» (об императоре Николае II), г. Санкт-Петербург.

10.50 – перерыв.

11.00 – пленарное заседание (начало работы молодежной секции).

13.30 – обеденный перерыв.

14.30 – пленарное заседание (продолжение работы молодежной секции).

16.00-18.00 – «круглый стол». Предложения по празднованию 400-летия восшествия на царский престол первого представителя рода Романовых (в перспективе до 2013 года).

17.00-19.00 – экскурсия в Пермский краевой музей.

**12 июня - Продолжение мероприятий
«Романовские дни в Пермском крае-2010»**

9.00 – Божественная литургия в храме Пермского Свято-Троицкого Стефанова мужского монастыря.

11.30 – крестный ход от Свято-Троицкого мужского монастыря к часовне

Михаила Тверского – небесного покровителя Михаила Александровича Романова.

12.30 – панихида, посвящённая мученической кончине Михаила Александровича Романова в Перми. Освящение Царского креста.

18.00 – возложение цветов к мемориальной доске Михаила Александровича Романова на здании бывшей гостиницы «Королёвские номера» (ул. Сибирская, 5).

19.00 – пешеходная экскурсия по историческому центру Перми.

13 июня - День отъезда иногородних участников конференции

Пермское региональное отделение ВООПИиК.

614000, г. Пермь, ул. Ленина, 27.

E-mail: voopikperm@yandex.ru, сайт www.voopik.perm.ru

Телефон/факс: (342) 212-72-35

Смета расходов по государственному контракту с Администрацией Пермского края на подготовку и проведение V международной научно-практической конференции «Русская цивилизация: эпоха конца и вновь начала» в рамках «Романовских дней в Пермском крае – 2010»

1	Оплата проезда иногородних участников конференции	13 640
2	Проживание в гостинице иногородних участников конференции	7 200
3	2 кофе-брейка (100 чел. x 25 руб.)	5 000
4	Экскурсия в музей	1 000
5	Приобретение цветов, канцтоваров, расходных материалов	1 700
6	Вознаграждение менеджера мероприятия, бухгалтера	14 000
7	Оплата налогов	2 000
	Всего расходов по контракту	44 540

Оплата обедов иногородних участников конференции произведена из спонсорских средств В. Г. Краснова на сумму 8 000 рублей.

Помещение для проведения конференции было предоставлено Администрацией Пермского края.

Смета расходов на информационное обеспечение мероприятий «Романовские дни в Пермском крае – 2010» по договору с Администрацией города Перми

I. Издание презентационного тиража (150 экз.) тематического журнала «Мгновения истории» (формат А4) – «Великий князь Михаил Александрович – несостоявшийся император Михаил II».

№ п/п	Статья расходов	Сумма
1	Командировочные расходы для сбора архивного материала по маршруту Пермь – Москва – Санкт-Петербург –Пермь (проживание)	4051-00

2	Копирование архивного материала, тематическая литература	4516-00
3	Допечатная подготовка (макет, вёрстка, обработка иллюстраций)	10000-00
4	Типографические расходы	16000-00
5	Расходы на оплату труда (автор текста, корректор, наборщик текста, сбор материалов, работа в архивах, формирование видеоряда, бухгалтер)	8900-00
6	Налог на оплату труда (14,2%)	1263-80
	Итого на издание журнала:	44730-80

II. Концерт духовной музыки.

№ п/п	Статья расходов	Сумма
1	Поощрение исполнителей	2900-00
2	Налог на оплату труда (14,2%)	411-80
	Итого на организацию концерта:	3311-80

III. Издание презентационного тиража (150 экз.) сборника материалов V международной научно-практической конференции «Русская цивилизация: эпоха конца и вновь начала».

№ п/п	Статья расходов	Сумма
1	Допечатная подготовка	7000-00
2	Типографские расходы	25000-00
3	Расходы на оплату труда (руководитель проекта, сбор материалов, редактор, корректор, составитель, подбор иллюстраций, дизайн-проект)	10500-00
4	Налог на оплату труда (14,2%)	1491-00
5	Банковские расходы	305-00
6	Канцелярские товары	235-40
	Итого на издание сборника:	44531-40

IV. PR-поддержка мероприятий «Романовские дни в Пермском крае-2010».

№ п/п	Статья расходов	Сумма
1	Интернет-версия мероприятий	4000-00
2	Подготовка материалов для PR-поддержки	3000-00
3	Налог на оплату труда (14,2%)	426-00
	Итого на PR-поддержку	7426-00

Всего по проекту: **100 000-00** (Сто тысяч рублей)

Содержание

Приветствие участникам мероприятий «Романовские дни в Пермском крае – 2010» руководителя Администрации губернатора Пермского края Ф. З. Алиева	3
Приветствие организаторам и участникам мероприятий «Романовские дни в Пермском крае – 2010» Главы города Перми И. Н. Шубина	4
Путь русской православной цивилизации. Вступительное слово члена Центрального совета и председателя Пермского краевого отделения ВООПИиК, руководителя программы «Святой Михаил» Л. В. Перескокова	5

Раздел первый

Философские аспекты истории русской цивилизации

<i>Л. В. Перескоков</i> К определению термина «цивилизация»	9
<i>Н. А. Гоголин</i> Православие как духовная основа русской цивилизации	16
<i>С. А. Тупицын</i> Россия – отречение от	20
<i>О. И. Сыромятников</i> Россия в XXI веке – поиск пути	22

Раздел второй

Россия и Романовы (XIX – начало XX века)

<i>Г. Н. Корнева, Т. Н. Чебоксарова</i> Великий князь Михаил Александрович – августейший покровитель электротехнического института	29
<i>И. А. Хухка</i> Библиотека великого князя Михаила Александровича в Гатчинском дворце: утраченные и сохранённые издания	37
<i>Д. М. Софьин</i> Императорская власть глазами Николая II	53
<i>В. Л. Еремеева</i> Российская империя в цифрах	61
<i>М. Г. Нечаев</i> Роль Серафимо-Алексеевского скита Белогорского монастыря и его настоятеля игумена Серафима (Кузнецова) в истории Пермской епархии	65
<i>В. Ф. Гладышев</i> «Что-то крупное назревает» (Новые данные о пермской ссылке великого князя Михаила Романова)	77
<i>М. И. Давидов</i> Соккрытие тел царской семьи и его уроки для поиска останков Михаила Романова	82
<i>В. Ф. Гладышев</i> Тайна Фёдора Лукьянова (Видный революционер,	

цареубийца... или раскаявшийся преступник?).....	92
В. С. Колбас «Я не знаю, где и когда, но я всё-таки встречу с тобой» (О судьбе Анны Васильевны и Владимира Сергеевича Тимирёвых)...	98
В. Б. Серебренников «Медлить нечего, а надо приниматься за всё...»	106
П. Н. Агафонов Пермская епархия в годы Великой Отечественной войны	124

Раздел третий

Творческие поиски в литературе, изобразительном искусстве, музыке и архитектуре на изломе истории

А. В. Жохов Музыкально-философское осмысление излома русской истории в творчестве А. Н. Скрябина	132
О. И. Сыромятников Судьба России в зеркале русской литературы XIX века	135
Л. В. Перескоков Образование и краеведение в губернском городе Перми к началу XX века	146
О. М. Власова Скульптура и орнаментика поздних иконостасов Прикамья	159
А. П. Крохалева Тема повседневности в произведениях пермских художников конца XIX – начала XX века	164
С. В. Филатов Губернская геральдика Российской империи 1857-1914 годов	170
Т. Н. Котегова Феодоровский русский городок – завет святого царя Николая	174

Раздел четвёртый

Молодежная секция. Работы учащихся

Д. А. Леонтьев «Казароза» – роман о чувстве истории	179
Р. О. Шаповалов Модерн в творчестве Романа Фёдоровича Мельцера	183
К. В. Усталова Музыкальная жизнь Перми в начале XX века (по материалам русских газет и журналов рубежа XIX – XX веков)	189
А. Г. Баранов «Погиб, сражаясь за то, что любил...» (Андрей Фёдорович Каменский)	196
А. А. Мельникова Культ Троицы в пермской архитектуре	199
А. Резник «The Romanovs: love and tragedy» (Романовы: любовь и трагедия)	205

Раздел пятый
Сообщения, репортажи и обзоры литературы

- В. Г. Краснов** Возвращение Михаила Александровича в свой великокняжеский дворец. (Репортаж, впечатления и комментарии о первой конференции памяти Михаила Александровича в Петербурге) 210
- В. Б. Серебrenников** Память имения Брасово. Заметки о проведении первых памятных дней великого князя Михаила Александровича, последнего российского императора, на Брянской земле 229
- Л. В. Перескоков** Баловень судьбы. (О книге Н. Д. Чернышовой-Мельник, посвящённой великому князю Константину Константиновичу) 233
- Л. А. Лыкова** Временно и условно отрекаясь... (Обзор книги В. М. Хрусталёва о великом князе Михаиле Александровиче) 235

Великая Княгиня Леонида Георгиевна

- Некролог 240

Приложения

- План мероприятий «Романовские дни в Пермском крае-2010» (Город Пермь, 9 – 13 июня 2010 года) 242
- Смета расходов по государственному контракту с Администрацией Пермского края_на подготовку и проведение V международной научно-практической конференции «Русская цивилизация: эпоха конца и вновь начала» в рамках «Романовских дней в Пермском крае – 2010» 243
- Смета расходов на информационное обеспечение мероприятий «Романовские дни в Пермском крае – 2010» по договору с Администрацией города Перми 243

Уральская Голгофа

Выпуск 5

Материалы

V международной научно-практической конференции
«Русская цивилизация: эпоха конца и вновь начала»
Город Пермь, 10-11 июня 2010 года

Составитель:

Л. В. Перескоков,
председатель Пермского краевого отделения ВООПИиК

Редактор:

В. С. Колбас,
председатель Пермского городского отделения ВООПИиК,
член Союза журналистов России

Верстка:

Л. С. Фон-Дер-Флаасс

ISBN-978-5-85881-064-3

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Мнение авторов не является выражением позиции организаторов конференции.

При перепечатке и ином использовании материалов ссылка на данное издание обязательна.

Подписано в печать 00,00,0000

Формат 00x00/00, гарнитура Times New Roman.

Бумага 000. Заказ №000. Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии «Издательский дом «Ника»
Россия, 614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, 93

Тел.: (342) 241-33-54, 243-08-48, 294-15-60(65)

E-mail: nika-pd@yandex.ru